

Владимир Буров

Рай

*Лионэрэн! Зайд
Бэрайд!*

Владимир Буров

Рай. Пионерэн! Зайд Бэрайд!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25439059

ISBN 9785448558818

Аннотация

В романе Адам спускается на Землю с Пернатым Змеем, а не с Евой. И прибывает не на пустую Землю, а на уже заселенную людьми. Заселенную давно. Так давно, что для них уже наступает Конец Света. Начинается последний бой с бронированными чудовищами, с саранчой. Как это и написано в Библии. Только в Библии не написано, что Адам и прибывает на Землю, чтобы помочь последним сражающимся людям. Многие из них уже инвалиды, ставшие полуроботами.

Содержание

О книге	7
Эпиграф	11
Часть первая	12
Начало Рая	12
Глава первая	15
Покидая Эдем	15
Ксе и ее друзья – последние жители Старой Земли	18
Неожиданное появление Адама	24
Предложение Пили	33
Глава вторая	41
Глава третья	58
1	58
Страна Кошек и Собак	70
3	76
Глава четвертая	78
Глава пятая	93
Зомбированная Маша	110
Вербовка. Мечты Пи.	114
В ресторане Квента. Чип Предательства	117
Встреча Абеля и Березы. Инопланетяне	121
Глава шестая	130
Секретная записка Абеля. Дом в деревне	130

Звездный Крест	150
Умершие друзья. Код Пушкина	153
Глава седьмая	159
Где я? Со – Сяо и Ла – Ляо на Гражданской войне	159
Последняя ночь Апокалипсиса	163
Глава восьмая	188
Глава девятая	208
Продолжение боя в Апокалипсисе.	208
Прибытие Мэрилин Монро	
Конец ознакомительного фрагмента.	226

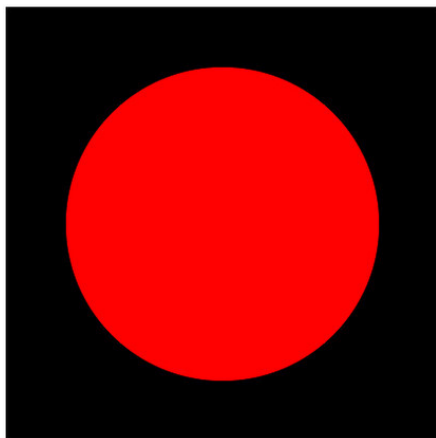
Рай Пионэрэн! Зайд Бэрайд!

Владимир Буров

© Владимир Буров, 2017

ISBN 978-5-4485-5881-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

В романе Адам спускается на Землю с Пернатым Змеем, а не с Евой. И прибывает он не на пустую Землю, а на уже заселенную людьми. Заселенную давно. Так давно, что для них уже наступает Конец Света. Начинается последний бой с бронированными чудовищами, с саранчами. Как это и написано в Библии. Только в Библии не написано, что Адам и прибывает на Землю, чтобы помочь последним сражающимся людям. Многие из них уже инвалиды, ставшие полуроботами.

Некоторые режиссеры, как, например, Френсис Форд Коппола, Джемс Камерон стали говорить, что им приснились их фильмы. А они только их сняли. Я тоже могу так сказать. Только мне приснилось не кино, а эта Рукопись, и вот с такими, как они тут есть событиями.

– Русские актеры могут рассчитывать только на отрицательные роли.

Рай деформирует некоторые представления людей. Но главное, что в Раю ничего нет. И главное отличие Рая от Земли в том, что здесь, а точнее, Там возможно движение по всем временам, а содержание Рая люди несут с собой. Можно сказать, что реальность Рая почти полностью состоит из их воспоминаний.

Иногда не совсем ясно, где происходит событие, в Раю или

на Земле. Ведь воспоминания о Земле в Раю не отличить от воспоминаний о Земле относительно Рая.

Например, из-за больших очередей для отправки на Там-Там, думали принять решение сначала отправлять Туда князей и графов. А где их взять? Приняли еще одно решение:

– Давать князей и графов народным и заслуженным артистам соответственно.

Таким образом, один из героев пожаловался, что мог достать себе только звание заслуженного артиста.

Ксе получает штрафы. Пять суток за обращение к себе на:

– Ты. – И другие.

Далее, бронепоезд в степи. Нин. Выступление Нина в городе, занятом белыми. После его выступления Батка Махно занимает город без боя. Главным в речи Нина был инопланетный лозунг, которому подчинилась, приняла, как секретный пароль почти вся площадь, перед которой с балкона выступал Нин. Это:

– Пионэрэн! Зайд бэрайд!

И вся площадь ему отвечала:

– Ответ во Второй Книге.

Далее, Кирилл и Мефодий. У них по пуду золота. Ребята хотят открыть свою типографию. Но в заснеженной Сибирской степи им встречается мужик, который потом оказывается Нином. Он предлагает Кириллу и Мефодию сдать золото. Потом дает новые имена.

– Эти какие-то не русские, – говорит Нин. – Че-то не то. –

И добавляет:

– Ты будешь Пел, а ты Сор.

Первые писатели революции.

И приказывает выдать ребятам по маузеру и по две гранаты.

Я уже говорил, но хочу еще раз напомнить, что не всегда точно известно, когда происходит событие. В данном случае, например, нельзя точно определить прибывает ли новый посланец с Земли в Рай, или все это событие происходит в Раю. Для людей в Раю все еще кажется актуальным последний сюжет их жизни на Земле:

– Они улетают в Рай.

Открыт закон, что три точки истины, три точки знания каждого человека находятся в другом человеке. Следовательно, самому истину не познать. Ее надо найти в другом человеке. А чтобы это сделать, надо найти человека, в котором ваши три точки.

Тюрьма нового поколения. Начальник тюрьмы, а в дальнейшем завода по производству Даблов на этой Зоне девушка по имени И.

Пароль перехода в социализм:

– Четырежды повторенное слово Забавно.

В России ордена стали давать только покойникам.

Рекламный слоган Дабла на воздушной подушке:

– Идет мягко.

Имена героев в книге вымышленные

Посвящается

Командиру строительного отряда

Formica

Анатолию Александрову

Эпиграф

Почему Винсент рисует не всё поле, а корзину подсолнухов? Ответ: он пишет театр! Здесь важно заметить, что ВСЁ поле меньше этой корзины с подсолнухами. Ведь мы удивляемся, увидев не всё огромное поле, а только маленькую часть его. А значит, большое поле сотворено маленьким. Только находится оно в нас.

Часть первая

Начало Рая

Это роман о том времени, когда люди на Земле поняли:

– Конец Света неизбежен. – Они продолжали жить, как обычно, ибо у них не было другого выбора.

Но вот выбор появился. Был открыт Там-Там. Это не новая планета, решили ученые, а скорее новое измерение Земли. Его называли Раем. Рай ли это был на самом деле? А кто это точно знает? Какой он должен быть, Рай? Но, по крайней мере, многие считают, что в Раю люди не должны умирать, как мухи. Которых на Земле убивают только за то, что они просто надоели. Над этим Там-Тамовским Раем был традиционный Рай, о котором, как всегда никто нечего толком не знал. Здесь, например, известно только, что оттуда, из настоящего Рая, спустился Адам на Птеродактиле, чтобы помочь последним людям в неравной битве с Дивизией Сарана Чи. Кроме этой связи Рая с Раем Адама, существовала связь Земли с Раем. Удивительно, но именно с Земли была доставлена Дивизия Сарана Чи, чтобы добить последних жителей Там-Тама. Но это бы еще ничего, здесь всё нормально с логикой. Противоречием для стороннего наблюдателя покажется то, что все, кроме Адама и его Птеродактиля, действующие

лица прибыли с Земли. Все прибывают с Земли. Но одни хотят добить других, как последних людей Пройдённой Земли, которым иногда кажется, а может, так это и было на самом деле, – я сам, честно говоря, так до конца и не понял, – что они собаки, кошки или тараканы.

Ситуация похожа на описанную в Библии. Только там неизвестно, откуда взялась бронированная саранча, уничтожающая последних людей, а в этом романе ясно:

– Эти люди тоже прибыли с Земли. Чтобы побыстрее уничтожить Пройдённую, Старую, как им кажется, Землю. И основать Новую. – Только они, так сказать, плохие, демоны. Некоторые так просто:

– Древние демоны.

В отряд Сарана Чи входят в начале романа Квент, который не смог стать режиссером на Земле, и отправился в Рай в качестве главнокомандующего этим отрядом. Разумеется, по блату. Так сказать, в связи с личным знакомством с главой страны, который тогда назывался Криатором. И легендарная тройка: Пи, Ад и Уп. Последние двое уже были в Раю, как древние демоны. Хотя они были просто лейтенантами, прибывшими сюда пораньше для интендантских работ. Пи, как их личный капитан прибывает в Там-Там позже, но ребята не упускают случая поиздеваться и над ним даже. А потом и над самим Квентом. На то, видимо, они и демоны, что поступить по-другому не могут. Вы можете только предположить теперь, что могут сделать эти демоны с попавшими в их

лапы последними бойцами Земли. Да, Земли, многие считали Там-Там Раем, но не все. Последние защитники Там-Тама считали его Землей. Это были собаки:

– Ксе и Сид, – и кошки:

– Машка и Машка. – Точнее, один был кот, по кличке Машина, а другая:

– Просто Маша.

На помощь им прибывает отряд мушкетеров. Иногда они вспоминают, что они, в общем-то:

– Тараканы. – Или их можно назвать командирами отряда Домового. Ведь тараканы – это Домовой. Это Дартаньян, это Монте, Лев Толстой и Джек Лондон.

Тем не менее, пугаться не надо. Это не фэнтези.

Но Рай, тем не менее, отличается от Земли. Но главным образом тем, что события на Земле идут от прошлого к настоящему, а здесь сначала идет настоящее, а потом прошлое, потом опять настоящее, потом опять прошлое. Правда, некоторые говорят, что и на Земле бывает также.

Глава первая

Покидая Эдем

Адам подождал, пока все заснут, и вышел в сад. Оглядываясь по сторонам, он на цыпочках пробрался к беседке. Она находилась между Древом Жизни и Древом познания Добра и Зла.

– Где-то должен быть переключатель? Где, где, где? – Как-то раз он увидел, как Бог спускается на лифте вниз. Он потом два раза наблюдал за Ним из-за кустов, пытаясь узнать, где находится кнопка вызова лифта.

– Он входил, поворачивал направо. Значит, кнопка или переключатель должны быть где-то здесь, справа. – Адам стал ощупывать стену снизу.

– Ты что-то ищешь, Адам? – вдруг услышал он как будто знакомый голос. Он замер. Кто бы это мог быть?

– Вы кто будете? – спросил он, распрямляясь.

– Ты испугался? – спросила девушка.

– Я? Думаю, что нет. Хотя действительно, я вас здесь никогда не встречал. – Вы богиня?

– Нет.

– А кто?

– Угадай!

– Ай доунт ноу. Нет, честно, я не знаю.

– Куда ты шел, Адам?

Он осмотрелся, потом пожал плечами.

– Я не знаю.

– Тогда и я не знаю, как тебе найти кнопку лифта.

Адам задумался.

– Ты долго думаешь, Адам. Бог сейчас проснется, и тогда ты не сможешь осуществить свой план.

– Хорошо, я скажу тебе. Бог, надеюсь, ничего об этом не узнает? – Она подняла руку:

– Можешь не сомневаться.

– Я хочу посмотреть, куда ходит Бог, когда спускается здесь на лифте, – тихо проговорил Адам.

– Тебе так хочется это узнать? – Девушка улыбнулась. Она была похожа на «мамочку», на такую куколку, которая уж точно никогда не чистила картошку. А если и чистила, то плакала, потому что понимала: ей никогда этому не научиться. Таких девушек нет у Винсента, и уж точно нет у Гогена. Откуда бы она могла взяться? Такую девушку не смог бы сотворить и несчастный Пикассо. – Здесь.

Кнопка была снизу деревянного подоконника. Как сигнализация в банке, или в кабинете следователя по особо важным делам. Он быстро скрылся под полом. Девушка едва успела махнуть ему рукой.

Адам думал, что Бог опускает Небеса для того, чтобы оказаться на Земле. Но здесь был Черный Ангел. Но это был не недоступный радарам самолет. Это было живое существо. Дракон сразу оторвался от лифта и начал все быстрее и быстрее подниматься. Адам испугался.

– Господи, если бы я знал, что это так страшно, ни за что бы не полетел на Землю!

– Вас не понял, прошу повторить, – услышал он где-то рядом. – Что? Кто это говорит?

– Итс ми.

– А теперь я ничего не понимаю. Ты где?

– Здесь, болван.

– Где здесь? И кто болван, кстати?

– Надень наушники, Адам. И да, прости, что я назвал тебя болваном. Просто сорвалось. Но стараюсь отвыкнуть от дурных привычек древности.

Они летели над прекрасными лесами, между гор, над полями. Адам совсем не управлял этой крылатой машиной. Огромный птеродактиль летел так, как летел бы сам Адам. И даже лучше.

– Ты... то есть Вы, как будто читаете мои мысли. Такой полет.

– Понравилось?

– Да.

– Кстати, можешь говорить мне Ты.

– Ты кто?

– В данном случае это не существенно. Конец связи.

Крылатый змей резко пошел вверх. Нет, не на петлю Нестерова. На лист Мёбиуса. У Адама закружилась голова. Он не мог определить координаты местности.

– Где мы находимся?! – крикнул он.

– Какая разница? Ты думаешь, я знаю?

Они летели низко. Адам протер глаза. Ему показалось, что внизу кто-то есть.

– Там кто-то шевелится! – крикнул он.

– Не надо кричать. Я хорошо слышу. – Планер пошел на снижение.

– Не называй меня так.

– А мне нравится.

– Мне неудобно.

Ксе и ее друзья – последние жители Старой Земли

Ксения Серова и Евгений Сид стояли посреди каменистой равнины. Если вы помните, мы расстались с этими ребятами в Кремле, где они искали путь в Ад. (Этого текста, к сожалению, нет.) И нашли. Но не совсем то, что ожидали. Не зная толком, как ориентироваться в Подземном мире они попали в Апокалипсис. Пугачева здесь не было. По крайней мере, они его не нашли. Да и когда? Почти каждый день и почти

каждую ночь шли бои с Терминаторами. Сегодня ожидалась атака бронированной конницы.

– Разведка! – крикнула дама.

– Я здесь, мэм, – сказала милая девушка. Это была Маша Миронова. Она совершенно случайно попала в эту экспедицию. Точнее, как раз наоборот, совершенно не случайно. Случайно, это показалось для Ксении. Муж Маши наглый Толстолапенко трахал всё... не всё, что горит, а всех, кто участвует в его безумных проектах.

– У тебя уже не хватает сил, чтобы спать со мной, – сказала Маша за трапезой. – Точнее, как раз на это у тебя сил хватает, но ты ведь знаешь: я хочу большего. Большого, большего, большего! – Она съела половину розового в виде розы пирожного, а остальное хотела кинуть в Толстолапенко. Но передумала и тоже съела.

– Слишком много хочешь. Моя работа просто на просто заключается в этом.

– В чем? В непрерывном сексе? Я не против, но почему со всеми, кроме меня?

– Ты своё уже получила, – сказал этот наглый Толстолапенко и добавил: – Если хочешь, я дам тебе развод.

– Ах ты наглый Толстожопенко! – закричала Маша и бросила в эту усатую ухмыляющуюся рожу второе голубое пирожное, так и не начав его есть. Впрочем, я согласна. Но с условием.

– Что хочешь. – Толстолапенко потянулся к графину с коньяком одна тысяча девятьсот пятого года. Одна французская маркиза подарила ему эту бутылку за то, что этот парень обучил ее ездить на спортивном автомобиле. Это было великолепно. Он выпил.

– Ты выпил? Без меня?! О, Моцарт!

– Как говорил Станиславский, я не верю. Это вино не могло быть отравлено. Я только что привез эту шикарную бутылку из Франции.

– Ты, когда приехал? Вчера. А ночью спал, как убитая свинья. Неужели ты думаешь, что я могла упустить такой случай. Ты должен умереть!

– Ты даже не представляешь, какую главную роль я хотел тебе предложить.

– Офелии? Нет.

– Ты слышала об экспедиции на Тот Свет?

– Нет. А что это такое? Шутка такая, что ли? Нет, нет, ты должен умереть! В Куршавель я тоже не поеду. Из-за тебя Толстопяткин я потеряла квалификацию великолепной актрисы. Мне уже скоро черт знает сколько лет, а славы нет практически никакой. Это ужасно.

– Я оставлю тебе этот особняк.

– Этого недостаточно.

– Единственный способ прославиться, это попасть в экспедицию на Тот Свет. Случай уникальный. – Он хотел доба-

вить, что, мол, и меня тогда ты больше не увидишь никогда, и не будешь страдать, Но промолчал.

– Я согласна, – сказала Маша. Во время обеда она выходила из комнаты, специально для того, чтобы позвонить одному знакомому в МИД. И узнала, что кажется, такая экспедиция намечается, но попасть туда невозможно. Больше он не мог ничего сказать. Если нельзя попасть, надо соглашаться.

И она согласилась, сама, не зная на что.

Толстолапенко хоть и обещал, но в дальнейшем оказалось, что Марианна, помощница, наложница и служанка Ксении Серовой вовсе не намерена отказываться от ухода за своей госпожой. С самой Ксенией даже и заговаривать об этом было бесполезно. Пришлось Мишке Толстопятенко взять Марианну с собой в Давос. А то уж пришлось бы опять жениться.

Собственно, весь этот рассказ к тому, что ведь Ксения Серова любила размышлять, ругая свою подругу Марианну, как будто она, то есть Ксения, была пьяным извозчиком, а Марианна ее лошадь. Правда она дала зарок так больше не делать. Но вот сейчас перед атакой Терминаторов Ксения не сдержалась, и обратилась к своей подруге, которой здесь не было. Ксе по старой привычке продолжала разговаривать с Марианной, хотя обращалась к Маше, как будто она была Марианной.

– Разведка, где информация о противнике? Кто сегодня командует отрядом саранчи?

– Еще не выяснили, Ксения, – ответила Маша Миронова.

– Мать твою! Чем же ты занималась всю ночь? Засранка, проститутка, безмозглая идиотка. Зачем только я тебя взяла с собой?! – И добавила: – Разведку расстрелять. – Хотя Ксения и не брала ее с собой. Она бы ни за что не рассталась со своей Марианной. Просто Маша явилась в самый последний момент, и менять что-либо уже не было возможности.

– Подожди, не горячись, – сказал Сид. – С разведкой надо разобраться.

– Послушай, Онегин, я сказала: не суйся не в свое дело. Я тебе не жена, а такой же точно командир Сопротивления, как и ты.

– Я просил тебя не называть меня Онегиным.

– А я буду. Всё равно это последний рассвет. Сегодня нас убьют Терминаторы. – Она обернулась к Мироновой: – И ты не обижайся.

– Да пошла ты на – слово на букву х в его ослабленном значении! Не обижайся! Действительно: и не обижайся.

– Ну – слово на б – я уже не знаю, что и сказать. Неужели ты не понимаешь, что я могу приказать тебя расстрелять? Пока я командую этой лавочкой, вы будете меня слушать! Что я говорю, а не всякую – слово на х! Разведку расст...

– В восемнадцать ноль, ноль все расстрелы отменены, –

сказал Сид.

– Онегин, падла, ты мне помогать должен, а ты ведешь себя, как... как баба.

В это время там был еще один человек. Это был Машков. Он стоял в сторонке и грустно напевал какую-то песенку.

– Что ты там бубнишь? – спросил Сид. – Опять эту песенку? Ну точно!

Действительно, Машина пел:

– Остался у меня на память от тебя, портрет твой, портрет работы Пабло Пикассо. Портрет твой, портрет работы Пабло Пикассо.

Мошков получил прозвище Машина потому, что у него живого осталось совсем мало. Как-то: голова и туловище. Практически больше ничего. Одна рука сделана из пулемета, другая из гранатомета. В ножных протезах запасные обоймы. Перемещался исключительно на миниатюрных ракетных двигателях. Остальные были тоже не подарок. Сама Серова имела золотые груди и одну руку из вертолетного винта. Сид последнюю атаку отбивал сидя на жопе. Ведь обе ноги его уже две недели были превращены в нейтронные установки, а руки, как у мага излучали энергию, способную отбросить на сто метров лошадь. А лошадей тут хватало. Маша была самая живая. У нее только пол лица было заменено на титан, и один глаз совсем не был похож на настоящий. Ма-

ша пожелала, чтобы вместо глаза ей поставили бриллиант.

– Я и одним увижу то, что мне надо, – сказала она.

Остальные бойцы были такими же. Сейчас они занимали свои места за развалинами бывшего когда-то здесь университета.

– Чего спорить, – сказал Машина, – всё равно сегодня нас всех перебьют.

– Послушай, как тебя там? Машина, что ли? – сказала Ксения, – запомни, после сегодняшнего боя я буду звать тебя Пикассо. Ты согласен удочерить меня?

Это был намек на то, что после возвращения Машков должен был получить роль Пикассо. После увиденного здесь он решил, что больше уже ничего не будет. Солнца, например, он здесь не видел никогда. Постоянно свинцовые облака. Это была уже почти необитаемая планета.

Наконец они выяснили, что сегодня будет атака амазонок. Бронированная атака львиц с человеческими лицами. Кому ее удастся выдержать?

– Думаю, сегодня мы здесь погибнем, – сказала Ксения, – поэтому прошу всех меня простить. Завтра я уже никого не пошлю на – слово на букву х в незначительном смысле.

Неожиданное появление Адама

Адам пролетел над сражающимися как раз в пять утра.

Число вавилонян за час уменьшилось на две трети. Предсказания сбывались.

Адам залетел с тыла. Но его все-таки заметили:

– А это, мать твою, что за птица? – Ксения подняла руку из вертолетного винта, который неожиданно отделился и начал набирать высоту. Ясно, что он попадет точно в идущего на посадку змея с крыльями.

– Долетался, – сказал Машина.

– Зачем ты это сделала, Ксения? – пропищала Маша.

– А что?

– По-моему это не враг.

– Слушай меня, курица: это десант.

– Ах, ты опять меня оскорбляешь. Ну держи, – и Маша сделала замах, чтобы ударить Серову по лицу. Но удар был перехвачен. Это сделал Сид.

– Прекратите, – сказал он. И добавил: – Скоро мы умрем. Так что потерпите еще немного.

– А при чем здесь это?! – Ксения встала. – Эта сука хотела меня ударить. По моему мнению, за этот удар по вышестоящему начальнику положен удар... прощу прощенья, за это положен расстрел на месте.

Бумеранг достиг Адама и неожиданно отразился, не сделав положенной дуги. Теперь он явно шел на Серову.

– Отойди! – закричал Сид. – Быстрее!

Она успела сделать два шага, но и бумеранг как будто тоже

изменил направление.

– Она не успеет, – быстро сказал будущий Пикассо. Тогда Сид подхватил Ксению и взмыл вверх.

Бумеранг прошел как раз по тому месту, где только что стояла Ксения. И Маше даже показалось, что бумеранг попытался тоже набрать высоту. Как будто понял в последний момент, что надо бы выйти из Мертвой Петли. Но уже не было времени. Рука Ксении пронзается землю и уходит вниз на несколько метров.

Все в изумлении смотрят на то место, где рука неподражаемой Ксении скрылась под землей.

– Послушай, ты кто? – спросила Маша Адама, когда он подошел. Она сказала это с такой улыбкой, как будто обещала этому парню всё. И если можно, даже больше.

Знала бы она, сколько у нее будет конкуренток, не улыбалась бы так. И первая не замедлила тут же явиться.

– Вы не можете мне достать мою руку? – сказала Ксения, и как однокрылая стрекоза, проковыляла прямо с рук своего Онегина на руки Адама.

– Извольте. – Он поставил даму, и прямо руками раздвинул Землю и достал ее руку-бумеранг.

– Вы Терминатор? – спросила Маша. Она попыталась оттеснить Ксению, но та стояла насмерть.

Ситуацию разрядил Сид. Он сказал, что еще неизвестно, кто это такой.

– А может быть он шпион, засланный сюда Терминатора-

ми. Вы не подумали об этом?

– А действительно, кто ты? – спросила Ксения и немного отстранилась.

А Маша, как будто и не слышала ничего, и не видела никого, кроме Адама. Она обняла его.

– Я вас люблю. Нет, честно, у меня нет никого. А они все влюблены в нее. – Маша показала на Ксению. – Мне совершенно не важно, кто ты.

Пикассо и Сид немного отошли в сторону и совещались.

– Его надо расстрелять, – сказал Машина. – Совершенно непонятно, откуда он взялся. – Думаю, это какой-то предатель этих Терминаторов.

– Ты разве не видел, – сказал Сид, – там за холмом Крылатый Змей?

– Нет, я не видел.

– Он легко отразил бумеранг Серовой. Терминаторы это не могут.

– Давай спросим, кто он такой?

– Ты откуда взялся?! – крикнул Пикассо. Адам тут же обернулся.

– Не приставай к нему! – ответила Маша, – он тот, кто нам поможет.

– Не понимаю, каким образом может помочь человек без оружия, – сказал Сид.

Дальнейшие рассуждения пришлось прекратить. Показа-

лась конница, Это была бронированная саранча.

Птеродактиль смотрел из-за холма. Он смотрел с таким интересом, как будто первый раз попал в кино на фильм Стивена Спилберга Спасая рядового Райана.

Можно было вполне сказать:

– Всё правильно. И только в скобках: (рот можешь не закрывать). Потому что: а сколько можно повторять одно и то же.

– Держи гранатомет, – сказала Ксения. – Займешь позицию в последних оставшихся дверях университета. Там на месте есть еще крупнокалиберный пулемет и ящик позитронных гранат.

– Прошу прощения, я не умею стрелять, – сказал Адам.

– Ну ладно, хватит. Бери гранатомет и беги к университету. – Этот университет не существовал уже сорок лет. А все продолжали называть его:

– Университет! – Видимо человеческому сознанию приятно было знать, что когда-то были университеты. Даже, наверное, не так: в этом мире принципиально возможно существование университетов. Почти как в фильме Почтальон: где-то еще есть Земля, где-то еще живут Люди. Хотя все говорили о том, что всё только здесь. Больше нигде уже ничего нет. Давно уже нет. Источник не только любви, но справедливости давно уж погас. А сам человек этих вещей не только

создать, но и понять не может.

Однако Адам продолжал отказываться. Наконец Ксения не выдержала и сказала:

– Мне кто-нибудь может объяснить, откуда берутся люди, не умеющие воевать?

– Уже никто не может, – сказал Сид.

– Почему?

– Саранча уже на расстоянии выстрела.

Встреча Молчановского и Леди Ты с Мерилин Монро и Максимом Максимычем. Мест в Раю нет, и попасть туда можно только по блату. Ошибка – указатель пути. Режиссер по имени Билл. Предложение Пи посылать в Рай бесполох.

– Господин Молчановский, прошу прощения, господин Молчановский. – А Главный Режиссер уже сажился в черный лимузин.

– Что?

– Я это, хотел на роль.

– Что?

– Я бы хотел роль. У меня есть деньги.

Не подумайте, что за роль берут деньги. Но за эти роли недавно вышел закон: деньги брать. Естественно их надо было платить в кассу, но также естественно, на этом многие начали делать бизнес. Ведь распространилось мнение, что это даже лучше, чем полет в космос. Намного лучше. Прав-

да, немногие уже это хорошо поняли. Поэтому сумма, предложенная Максимом Максимовичем, не удивила Молчановского. Десять тысяч долларов.

– Я бы вас взял и без денег, – сказал с улыбкой Молчановский. А улыбался он редко. – Только все места заняты. Сегодня последних отправили.

– Да вы не расстраивайтесь очень-то, – высунулась из тачки мадам Молчановская, – пока еще оттуда никто не вернулся. – Я вот тоже хотела бы полет... поехать, да боюсь.

– А чего бояться?

– Боюсь не вернуться. Хотя уверена, хорошие изготовители немецких и итальянских обедов там ой как требуются.

– Я бы взял вас с собой, – шепнул Максим Максимыч на ухо леди Ты, – но ты понимаешь: я сильно женат.

– На ком?

– На этой живописице Мерилин Монро.

– Живо, что? Я не поняла, кто это? Что еще за Мерилин?

– Я просто так ее зову, – ответил Максим Максимыч.

– Зачем? Я думаю, мне бы это не понравилось.

– Знаете, я всегда, как дурак был влюблен в Мерилин. Ну и, чтобы не оговориться как-нибудь случайно, я зову мою живописицу Мерилин. Иногда просто Монро. А подчас Мерилин Монро.

– Ага. Если бы я стала вашей, вы бы, то есть ты бы звал меня Мерилин Монро?

– Я бы звал тебя Агата Кристи.

– Агата Кристи? Нет, серьезно?! Думаю, я бы согласилась.

Но я мало пишу.

– У меня бы записались.

– Извините, что перебиваю вас, но нам пора ехать.

– Я еще не всё сказал. Можно я поеду с вами и до конца выскажу свое предложение?

– Может быть, – сказал Молчановский. И добавил: – В другой жизни. – Он помолчал секунду. – Шучу. Приходите завтра. Есть одна неожиданная вакансия. Я только что говорил по спутнику. Требуется еще одна женщина, может быть, девушка в конницу амазонок. Если надумаете – завтра в десять.

– Ты серьезно? – спросила мужа леди Ты, когда они отъехали метров на тридцать.

– Ты о чем?

– О вакансии?

– Да.

– Ты обещал мне! Как ты мог?

– А что я буду есть? Кто мне будет готовить великолепные десерты?

– Я бы писала тебе письма, что и как надо делать. Каждый день.

– Я подумаю. Впрочем, нет. Не в этот раз. Требуется женщина, но не женщина, а как будто мужчина.

Одно место появилось из-за весьма интересных обстоя-

тельств. А именно. Два лейтенанта для конницы Сарана Чи должны были изменить свой пол. И оба согласились. В дальнейшем оказалось, что пол менять не надо. Узнали не Оттуда. С Тамом связи не было. Просто Активный Посыльный Коммерческой Думы Пи как-то рассчитал, что Дивизия Сарана Чи должна быть бесполой.

– Почему вы так думаете? – спросил брат Молчановского Билл. Он так часто критиковал Бу, что все стали называть его Билл. По имени Би Клина. Почему?! Почему критиковал Бу, а назвали Биллом Клином? Ответ может быть простым: Билл известен больше, чем Бу, имени которого никто даже не знает. Может быть, по тому, что Билл более сексуален, чем Бу. И в-третьих, никто ничего не хочет делать нормально. Вот, например, что значит:

– На ошибках учатся? – А это надо понимать так: пока не ошибешься – не запомнишь. То есть запоминается ошибка. Вот и запомнили: Билл Клинтон. Многие вещи часто путают. Вот, например, из-за чего Билл так разозлился на Буша? Он говорит, за то, что на границе его облили одеколоном. Глупость. Ну, кто будет против, если его оболбуют духами за тысячу баксов? Никто. На самом деле этого парня облили керосином. Керосином?! Зачем?!

– А я знаю? По крайней мере, это логично. Из-за таких вещей войны начинались. И Билл начал требовать вроде бы того же самого.

Предложение Пили

Они попали за один столик во время ленча. Это было в Балчуге-2, который находился в подвале Кремля.

– Вам сесть больше негде? – спросил тогда Клинтон.

– У меня талон, – сказал, ухмыляясь Пи. Ведь это по его запросу недавно были введены талоны. И добавил: – Номер 3. А у вас?

– У меня тоже три, – вздохнул Клинтон. – Садитесь, не занятно.

– Я, между прочим, подделал талон, – сказал Пили. – Сам поставил на нем тройку. Нет, нет, он поднял руку, не в том смысле. Просто я сам их подписываю. Вы знаете, почти никому нельзя доверять.

– А мне?

– Вам можно. Вот именно в связи с этим я хочу вас попросить о подписи. – Он сделал глоток местного Боржоми. – Мне надо пропихнуть проект о том, что люди Там бесполое.

– Я не подписываю таких проектов. Я не Криатор.

– Вы не Криатор. Это весело. Конечно, нет. Но вы его друг.

– Может быть. Что вы хотите? Ввести и Там талоны на питание? Нет?

– У меня есть доказательство практически на премию Криатора.

– Что люди бесполы

– Вы не понимаете, это нелюди. Это конница Сарана Чи.

Там все бесполые. Точно вам говорю.

– Почему вы так решили? – все-таки заинтересовался Билл.

– Ну, вы понимаете, а зачем им пол? Они перебыют Там всех наших и исчезнут. Были – и нет их. Зачем пол?

Билл серьезно задумался.

– А если им понадобится потрахаться.

– Зачем?

– Как зачем? Просто вдруг им захочется потрахаться перед боем?

– Я не понимаю, зачем?!

– Чтобы не сойти с ума.

– Кто от этого сошел с ума? Точнее, без Этого вдруг чокнулся? – Пи улыбнулся и откинулся на спинку стула. – Скажите, кто? Есть в мире хоть один такой человек?

– Вы.

– Что, я?

– Вы сами занимаетесь сексом? Думаю, что вы чокнулись, именно потому, что не занимаетесь сексом, сказал Билл и тоже улыбнулся.

– Я не занимаюсь сексом, но я и не сошел с ума еще. Я трахаю свою жену пять раз в неделю, но не потому что я занимаюсь сексом, а просто для того, чтобы делать детей.

– Сколько же у вас их?

– Трое.

– Всего только трое. А трахаетесь вы пять раз в неделю? Сколько лет? У вас должно быть намного больше детей. Армия пи-и-и! Вы могли бы тогда здесь повесить штрафы на всё.

– Не получается.

– Не получается. Хорошо, не будем говорить о присутствующих. А Джек Николсон? От без действия он сошел с ума. Вы, наверное, помните его роман, состоящий всего из одного предложения:

– Одна работа и никакого удовольствия. Одна работа и никакого удовольствия.

– В результате он чокнулся и перебил всех, – улыбнулся Пили. – Вы понимаете, именно из таких людей и состоит дивизия Сарана Чи. Это практически сумасшедшие. Армия сумасшедших! Сплошные беркерсиеры. От них не спасешься. Никто не уцелеет.

– Не думаю. Я не на вашей стороне.

– То есть вы считаете, что это вполне здравомыслящие люди?

– Я думал, да. Я думал, может быть, это даже не люди. Может быть это такие звери.

– Могут ли звери победить людей? Вы надсмехаетесь над разумом!

– Я все-таки не понимаю, что вы предлагаете? Или вы про-

сто хотите защитить диссертацию? Но я не профессор, чтобы поддержать вас.

– Ну, во-первых, вы профессор белой и черной магии.

– Я?!

– А иначе, как бы вы смогли стать профессором по Столыпину и Грибоедову? Как бы смогли стать режиссером? Как бы смогли стать другом Криатора? Вы скупили все акции Там-Тама. Ведь это вы переименовали Там-Там в Долину Размышлений. Как это у вас там... впрочем, сейчас это не важно. Ведь вы еще и успешный финансист, а это без магии никак не может получиться.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Видите ли, я думаю, наши резиденты могли погибнуть. Если им Там провели операцию по нейтрализации пола, то они могли погибнуть. Думаю, Там нет санинспекции. Заразиться очень легко.

– Я ни – слово на х в ослаб. знач. – не понимаю, – в конце концов схватился за голову Билл. – Вы чего хотите?

– Кастрировать их здесь.

– Вы не рехнулись?

– Нет.

– А я думаю, вы окончательно рехнулись. Вы довели СПВ (службу помощи водителям) до положения бандитской организации, люди уже не могут перейти дорогу, что их не оштрафовали. Недавно я узнал, что за неправильный

переход улицы оштрафовали пятилетнего ребенка. Кто вас просил доводить ситуацию до абсурда?

– Вы.

– Я?!

– Вы сказали, что иначе никто ничего не поймет. Нужен, как вы сказали, удар по членам.

– Я имел в виду по членам рук и ног, а не...

– Так и я это имею в виду. Вы сказали, что Америка довела нашу жизнь до абсурда. И мы не должны от нее отставать.

– Н-да. – Клинтон надолго задумался. – Америка берет нас изнутри. Мы... Вот даже меня называют Биллом Клинтонном. А ведь я не президент, и уже тем более не Криатор. Н-да. А кто на это согласится? – прервал он сам себя. Убежден, никто не согласится.

– Я.

– Ты? А жена?

– Без меня. Пусть поживет без меня.

– А, понял, понял. Ты уже настолько устал платить штрафы за неправильную парковку, что готов даже на кастрацию, чтобы только отвалить отсюда.

– Я вот тоже хочу, чтобы меня называли не Билл Клинтон, а Билл Гейтс, но пока никто до этого не додумался. Я ставлю вам условие: проведите кампанию в результате которой меня будут называть Билл Гейтс, и вы полетите в Там-Там. Я порекомендую Криатору послать в Там-Там именно

вас. Здесь вы уже всех достали. Буквально всех, даже самого себя, Пили.

– Я могу вам помочь. Нет, серьезно. Как раз сейчас уже практически доказано, что весь смысл атаки Дивизии Сарана Чи в том, что остаток перейдет в другую реальность.

– Кто это открыл? Не вы, надеюсь?

– Нет, нет, что вы! Наш русский Билл Гейтс.

– Есть такой?

– Есть такой.

– И я могу купить у него это открытие, так? Но ведь никто не поверит, что я могу быть Биллом Гейтсом. Не реально. Мне легче стать Квентином Тарантино. Но и в это, я думаю, никто не поверит. – И добавил: – Значит, вы думаете, что если объявят кастрацию необходимым условием поездки в Там-Там, то конкурентов у вас не будет? Какой вы все-таки жестокий человек, Пи.

– Может, вам эта, начать романы писать, а?

– Смеяться будут.

– Так это вам и надо.

– Как так?

– Как вы думаете, вас прозовут тогда, а? Не иначе, как Лев Толстой. Ничем не хуже, чем Билл Гейтс, а уж тем более Билл Клинтон. Решайтесь, все подумают, что у вас это наследственное.

– Не понял. Ты что думаешь, я сам писать не смогу.

– Не знаю. Только так не делается. Сейчас сам никто не пишет. Да и не только сейчас. Ты думаешь, Пушкин сам писал? Нет. Сам же в этом и сознавался, что, мол, Белкин написал, а я издаю. Как говорится, отец мой там рубит, а я отвожу.

– Ну ты умник, Пили. В общем, пока не придумаешь, как мне тоже прославиться, я тебя рекомендовать Криатору не буду. Ты такой юрист, что и без меня справишься.

– Нет, я ведь хочу Там быть командиром Дивизии Сарана Чи.

– Фью! – Билл даже присвистнул, – как я сразу об этом не догадался! Саран Чи. Действительно, ты вылитый Саран Чи. – Билл еще немного подумал и добавил: – Пожалуй, я скажу Криатору, про тебя. Ну, что только ты и достоин стать командиром Дивизии Сарана Чи. Хотя, конечно, и других много. Думаю, ты мне будешь должен.

Таки образом, Пи обошел в этом конкурсе Максима Максимыча со своей Мерилин Монро.

Но Максим Максимыч-то каков! Думаю, он просто хотел сбежать от своей Мерилин.

При встрече с Криатором в бане Билл предложил кандидатуру Пи на должность Сарана Чи в Там-Таме.

– Здесь он уже надоел всем хуже горькой редьки, – сказал задумчиво Криатор. – Ладно, я решу этот вопрос с Мерилин.

Я ведь уже обещал отправить ее вместе с ее мужем Максимом Максимовичем. Вам любезный брат...

– И да... извините, что перебиваю, Криатор.

– Я вас слушаю, пожалуйста, говорите, Билл. Простите, но я уже и сам забыл, как вас зовут. У меня столько имен в голове. Простите еще раз. – Он засмеялся. – Все говорят, что, мол, он Билл, ну и я туда же. Не обижайтесь, пожалуйста.

– Я кстати хочу обратиться к вам по этому как раз поводу. Я бы тоже хотел стать транслейтером или транзитчиком. Не совсем понимаю, как правильно.

Криатор засмеялся, но ничего не сказал, а только покачал головой.

Глава вторая

Предложение Криатора Биллу возглавить дивизию Сарана Чи и принимать Там, в Раю пополнение. Встреча Пи, а потом и Квента, как теперь все стали называть Билла, с квартирмейстерами в Раю. А именно с ребятами Ади и Упи. Фишер-Абель.

– Нет, ну а какой еще почетный пост я мог бы занять сейчас? Мне вот недавно предлагали и Тарантом стать, и Львом Толстым, и этим, как его? Биллом Ге. Ну не то, не то, никто не поверит. Да и не люблю я врать. Не могу, как некоторые покупать чужие рукописи.

– Ладно, – опять засмеялся Криатор, – я подумаю, что можно сделать.

Они выпили пива и пошли мыться. Потом опять выпили пива.

– Я придумал вам трансляйтерство, – сказал Криатор после нескольких звонков разным людям. – Вы будете, как ваш брат отправлять людей на Тот Свет. Ха-ха-ха. Нет, не так. Вы будете принимать их Там.

– Вы хотите отправить меня в Там-Там?! Я не готов! Я боюсь, – сказал полушутливо уже выпивший пол ящика пива с креветками Клинтон. Там же это степь... Никто даже не знает толком, что Там.

– Ну, по-другому тебе не удастся прославиться. Ведь никто же действительно не будет называть тебя Львом Толстым, даже если ты купишь все рукописи, как когда-то сделал Дюма. Ведь он дописывал их сам.

Билл заплакал пьяными слезами.

– Ну что ты плачешь, Билл? – спросил Криатор. – Я бы сам свалил отсюда куда подальше.

– Там скушно. Я совершенно не представляю себе конкретики Там-Тама. Ну что Там может быть? – И он опять заплакал.

– Там слава, – сказал Криатор. И добавил: – Этот вопрос можно считать решенным. Давай лучше выпьем. За что? За жизнь Там.

В то время Дивизией Сарана Чи командовал не один, а двое. Когда прибыл Пи, эти ребята как раз сидели за дубовым столом в трактире. Перед каждым, как перед немцем стоял холодильник с пятью видами пива и мангал с жарящимся мясом. Пи появился, как путник, стучащий в дверь кабака, где все места заняты. Он хотя и не ожидал такой встречи, все-таки взял с собой пачку баксов на всякий случай. Думал, его будут встречать, как-то иначе. Может быть, как Князя. Как Чапаева или Котовского. Спускается эдак с трапа международного лайнера под ручку (жены у него здесь нет) со стюардессой, в роли которой... кто бы это мог быть? Мерилин Монро? Нет, занята пока что капитально. Тогда, может быть, это... нет, это тоже не реально. Думаю,

это будет красавица Лолита. Выдержу ли в случае чего?

Он опять постучал. На этот раз он показал швейцару двадцатку. Тот вяло махнул рукой. Это был полковник Абель. В этой дивизии была целая рота предателей. Кого там только не было! Обещали даже сделать батальон. Тогда Пили прилепил к стеклу полтинник. Абель только слегка голову повернул, но даже шага не сделал по направлению к двери. Пи отвернулся, пересчитал баксы и выдернул столыник. Фишер улыбнулся, но только покачал головой.

– Что же здесь за чаевые? – недоуменно спросил сам себя Пи. – Видимо, сравнимы со штрафами на Земле. Столько у меня нет. Н-да. – Он показал всю ладонь, потом две. Штука баксов! И это только за вход! Вот это цены! Сколько же здесь зарабатывают воины Сарана Чи? Думаю, я попал туда, куда надо.

Наконец Фишер Абель сжалился над посетителем и сказал:

– Рубли.

– Что? Я не расслышал! – Пи прижал к стеклянной стене ухо.

– Читайте по губам: здесь принимаются к оплате только рубли. Окей?

– Вы тоже читайте по губам: этого не может быть.

– Почему?

– Потому что не может быть никогда!

Вот это Пили! Как он не стремился великими штрафами увеличить инфляцию рубля, оказывается, ничего не вышло.

– По какому курсу можно обменять доллары? Понял, понял! Наверное, здесь по все по-старому, по чинному и благородному. Шестьдесят копеек за бакс, я угадал? Узнаю этих ребят. У них всегда всё по-старому, чинно и благородно.

– Здесь не обменный пункт, – сказал Абель. – Вы откуда взялись?

– Да я это... из деревни, – сказал Пи в надежде, что ему повезет еще раз, как тогда на вступительных экзаменах в группу Кремлевских курсантов.

Пили посмотрел на часы. Оставаться снаружи было уже не безопасно. Наступала ночь. А что здесь творится ночью одному богу известно.

Наконец Абель пустил его. Пили пришлось отдать всю десятку. Да-а, все теперь стали бизнесменами по примеру Билла Ге. Это не программное обеспечение делать. Это вам не на бильярде играть. Это бизнес. Благотворительность, говорят, еще выше.

– Кто такой? – спросил Ад.

– Думаю, это тот окунь, которого прислали нам на стажировку, – сказал Уп.

– Три раза мы не переспрашиваем. И так, последний раз спрашиваю: кто такой, мать твою?!

– Ай эм, я есть... – Пи почувствовал неизъяснимый страх.

Ему почудилось, что он попал ночью на кладбище.

– Обосрался, – сказал Ад.

– Просто еще не адаптировался, – попытался ободрить гостя Уп. – Сит даун, п्लीиз.

– Не, не, погоди, – Ад вытянул вперед руку с шампуром, как будто в случае чего хотел насадить Пили на эту шпагу. – Пусть скажет пароль.

– Пароль?! – изумился бывший депутат государственной думы. – Неужели был пароль, и он его забыл?! Не может быть. Шутят. Он уже сомневался, что сможет командовать этими чертями. Пи просто не знал, точнее забыл от страха, что у него есть такая магия, которой эти орлы, то есть лейтенанты Дивизии Сарана Чи, подчинятся. Он должен был назвать свое имя. Это была, впрочем, только часть пароля. Вторая часть – это привезти новые имена этим ребятам.

– Считаю до четырех, – сказал Ад, и ты сможешь есть и пить это, – он показал на кружку баварского пива и на большой кусок шашлыка по-Карски.

– А! понял, понял! – быстро сказал Пили. – Ты этот, как его? Ну этот... Комиссар... забыл... а ты Фантомас, – Пи кивнул на Упи.

– Дай ему для ума. – И Абель дал. Пи встал на колени.

– За что?

– За Фантомаса.

– И за этого, как его?.. За Комиссара. Впрочем, он не да-

лек от истины. Повторяю второй раз: пароль!

Ничего не шло в голову. Хотя волком вой.

– Дай ему еще раз, – сказал Уп.

– Понял, понял, – залепетал Пи, когда Абель приставил ему лезвие кинжала к горлу. – Вы Штирлиц.

Ад быстро встал и уронил на пол шампур.

– А вы доктор Зорге, – Пи смело указал на Упи.

– Это сумасшедший! – крикнул один из лейтенантов.

– Я опять ошибся? – наивно спросил Пи. Абель отвлекся, и он выбежал из палатки.

– Ты отпустил его, – сказал Ад.

– Да, Абель, ты отпустил его. Ты хоть понимаешь, что ты сделал?

– Ты прошляпил шпиона. – Иди и добудь его.

– Да куда он денется?!

– Как куда?

– Да ему некуда бежать? Там же эти... как их?

– Грешники, – сказал Уп.

– Да, остаток вавилонского отребья, – добавил Ад. – Сегодня утром мы их добьем.

– Никто не уйдет, – сказал Уп. – А в такой ответственный момент отпустил шпиона.

– Иди и любой ценой доставь его сюда.

– Нет поздно. А если и этот не вернется?

– Я всегда возвращаюсь, – сказал Абель и с одним кинжалом легкой трусцой направился к засевшим в развалинах

университета вавилонянам.

Я забыл сказать, что для выкупа Пи он взял с собой рюкзак американской тушенки, сделанной по рецепту времен лендлиза. Такой тушенки можно съесть, как минимум целую банку за раз. В общем, голодных купить за эту тушенку:

– Можно?

– Элементарно.

Так рассуждал на бегу великий разведчик.

Драка Шеф-повара, под которого замаскировался бывший инкогнито наместник Там-Тама Квент, с Ади и Упи. Че, Ге и Варава. Возвращение Абеля с Пи.

Тем временем эти ребята Ад и Уп заказали еще одного быка. Шеф повар только покачал головой.

– Неужели сожрут? Только сожрали целую свинью, а теперь еще хотят пожрать пол быка. Неужели такое возможно? – проговорил он вслух. А они и услышали. Он, этот шеф прибыл недавно и не знал, что кругом тут прослушка.

– Ты – производное от слова на букву х – с Нижнего Тагила, – сказал Ад.

– Иди сюда, – добавил Уп.

– Ты когда прибыл? Вчера?

– Позавчера.

– Ты, повар, не в курсе, что ли?

– Извините, я не совсем еще адаптировался и не совсем

еще понимаю, что вы имеете в виду.

– Что понимаем, то и в виду! – строго сказал Уп.

– Тебя что, не проконсультировали на Земле, что центры секса и общественного питания в мозге находятся рядом?

Тут Шеф вспомнил, что читал что-то такое при отправке сюда в Там-Там, но не придал этому серьезного значения.

– Да, да я вспомнил, что здесь едят намного больше, чтобы доставить себе удовольствие. Ведь секса-то нет! – закончил он весело.

Все бы должно было обойтись, но Уп зачем-то спросил:

– А почему секса нет? – У Шефа ёкнуло сердце. Забыл. – Почему нет?

– Вот и ответь.

– Ты думаешь, он не знает? – сказал Ад. – Ладно, пусть разденется.

– Ребята, я понял, секса настолько не хватает, что можно быка съесть. И свинью. Я понял. Ща будут такие стейки! Казанова позавидовал бы.

– Раздевайся, ублюдок, – прошипел Ад.

Наконец Шеф плюнул и сказал:

– Хотел понаблюдать за вами инкогнито.

Он хотел, было, показать свои верительные грамоты, но не вышло. Эти ребята хотели, чтобы он непременно сначала разделся. – Зачем вам это? – спросил испуганный Шеф.

– Давно не видели порнографию.

– Давно. Я думаю, вас послали, чтобы показать вам порнушку.

Шеф не выдержал и затеял с ними драку. Лейтенанты почти раздели Шефа, но он все-таки смог ударить одного сковородкой по голове, а другого проткнуть шампуром. Странно, но крови не было. Но Ад, которого проколол Шеф, долго охал. Он охал и ахал, пока бросал дротики-шампуры в привязанного около плиты Шефа. Уп лежал пока без памяти. Бросать дротики было любимым занятием Ади. Специальное копьё было основным оружием Дивизии Сарана Чи. В бою это копьё направлялось не прямо в цель, и поражало за раз не меньше семи целей. Мы еще увидим, как это было. Обычно Ад не пользовался дома боевым приемом, он просто бросал и бросал шампуры в цель. Не прямо в цель, а как фокусник: то рядом с плечом, то над головой, то между ног.

– Ох, падла, ах ты сука. – И он опять бросил шампур. И попал в ногу Шефу. Тот заорал и Уп, наконец, проснулся после удара сковородкой по голове.

– Убью, гада! – И Уп хотел подняться, но не смог, опять упал на красный ковер. В это время Ад как раз хотел бросить дротик, но рука его дрогнула из-за ужасного крика Упи и его повторного падения. Шампур ударил в плиту. Потом как будто ожил. Рикошетом поразил Шефа. Потом каким-то образом опять появился перед глазами Шефа. И так поразил его четыре раза. Но ранения эти не были смертельными. Хо-

тя и болезненными. И было их не семь, как в настоящем бою, а только четыре. Внимательный наблюдатель заметил бы, что саранче принадлежало только часть силы, а остальное бойцу.

Ад налил себя стакан виски. Он растерялся. В принципе дома-то ведь никого не убивают. Тем более, они так и не узнали пол этого Шеф. Да и вообще. Уп, держась за голову, приблизился к лежащему уже на полу Шефу. Он поднял выехавший из-под полы конверт.

– Письмо!

– Надо было прочитать сразу.

– Но он же не показал. Что там?

– Рекомендательное письмо? Кажется. Нет. Оказывается, он был прислан сюда Резидентом, – Ад почесал затылок. Кто его убил?

– Не я, – ответил Уп, – ты и убил. Вечно ты со своими дротиками. Вот доигрался. Что теперь будем делать?

– Да ничего не будет. Умер Максим... хотя, очевидно, это не Максим. Но все равно с нами нет связи. – Он подумал. – А у него, наверное, она была.

– Ладно, не переживай, скажем, что это сделал Пили. Хотя кто он, мы тоже так и не узнали.

– Откуда здесь столько посторонних?

– Думаю, перед решающей атакой на Вавилон, к нам сюда понаслали шпионов.

– Может быть, даже со связью. Но, думаю, связи никто еще

не нашел. Не родился еще тот Билл, который с этим справится. Так что здесь мы короли. А всякие там Пили-и-и нам не указ.

– Тем более, что он сбежал.

– А если этот Фишер Абель найдет его? Тогда что?

– Тогда что? Думаю, надо столкнуть их лбами. – Он показал на лежащего Шефа. И добавил: – Кстати, как его имя? Вот из ё нейм?

– Имя, что? – он раскрыл письмо и прочитал:

– Квентино Тарантино... – Уп уронил письмо и только хлопал глазами.

Всё-таки Квентин Тарантино. Уму непостижимо, кто дает людям такие имена. Банально, банально.

– Только этого нам не хватало, – сказал удрученно Ад.

– Но это имя уже записано у нас в Книге Жизни. Значит, это действительно был Резидент. Что мы наделали? Что ты наделал?!

– Ладно, ладно, его еще можно оживить, – сказал Ад. – Надо только достать свежей человеческой крови. Завтра утром ее будет много.

– До утра он окочурится совсем. Эх, если бы здесь был Пи! В нем крови много.

– Хоть отбавляй.

– Ладно, не переживай, – сказал Ад, – я законсервировал бочку крови с прошлого побоища. Думал выбросить, ан при-

годились. – Он принес ведро дымящейся крови и с размаху облил лежащего Шефа.

Они сели за стол и стали гадать: оживет или нет.

– Должен ожить.

– Сомневаюсь, – сказал Упи. – Мертвые не оживают. Я не верю, что он оживет.

– Дай ему виски, – сказал Ад.

– Сам дай.

Ад налил стакан виски, но не смог подойти близко к Шефу. Поскользнулся в крови. Когда они уже думали, что резидента у них не будет, он шевельнул пальцем, как будто в него выпустили обойму, но все пули попали в бронежилет.

– Послушайте, вы, ЧеГи, – были первые его слова, – вы видели надпись на моем семизвездочном отеле?

– Какую? – хором выдохнули эти ребята.

– Здесь хоронят мертвых негров!

– Нет!

– Почему?

– Мы не знаем.

– Потому что там ее нет! – рявкнул Шеф. – Душ.

Они поливали его сразу из двух шлангов, похожих на пистолеты и были очень серьезны.

– Вы хоть понимаете, что вы просто негры?

– Конечно.

– Вы уверены, что я вас здесь не похороню? – Он надел белое белье, белую рубашку и белый костюм. Все это бросали ему поочередно Че и Ге.

– Уверены.

– Потому что это нигде не написано.

Они безропотно подчинялись новому начальнику, потому что он назвал их подлинные имена, бывшие частью пароля. Чегевара. Они были Че и Ге, а Пи, который убежал в пустыню, оставался, естественно Вара. Этот пароль и должен был называть Пи. И Пи знал его. Но растерялся, забыл, что при нем были все бумаги, все инструкции по руководству этими ребятами. Теперь они прозвали Пи Варава. Между собой, правда, они тоже подрались. Квентино едва смог разнять их. Он сказал им:

– Киньте жребий. – Дело в том, что оба эти партизана хотели называться Че.

– Лучше мы загадаем желание, – сказал один из них.

На улице был прекрасный вечер. Они вышли из гостиницы.

– Если Абель приведет живого Варава, то я буду Че, – сказал Ад.

– А если я, то Че буду я, – сказал Уп.

– Ты че сказал-то?

– Ну я в том смысле, что если Абель его не найдет, то Че буду я. – Уп немного растерялся, потому что увидел стоящего у входа в гостиницу Квентино Тарантино.

Тот плакал. В руке он держал бутылку виски.

– В чем дело, Тарантино? – спросили ребята.

Он только горько заплакал.

– Ну в чем дело?

– Я не нашел места, где написано, что здесь не хоронят мертвых негров. А значит, я не Квентино Тарантино! Как теперь жить?! Господи, укажи мне путь мой!

– Давайте, мы сейчас напишем. Че, беги за холстом и красками.

– Итс окей. А вот этого не хочешь? Че хотел показать куда-то ниже пояса, но передумал.

– Хорошо, давай бросим монетку, – сказал Ге.

– Вы очень хорошие ребята, – Квентино сделал глоток прямо из бутылки, – но, прошу вас не надо больше ничего писать. Это не поможет.

– Почему?

– Я перестал понимать, что происходит в моих фильмах. Пусть да, это великое кино. Но я не понимаю, о чем оно. Не вижу смысла.

– Я придумал, – сказал Ге. – Это великолепное решение. И знаете, что это? Вам надо заняться благотворительностью.

– Как Биллу Гец, – добавил Че. И еще добавил: – Это моя идея.

– Как меня достала эта Америка. Я больше не хочу быть никаким Биллом.

– Ай доунт андестенд ю.

– Вы хотите рыться в пыльном шкафу? – спросил Ге.

– Мы недавно получили послание с одним из наших ребят, в котором говорится, что Криатор запретил, в конце концов, рыться в пыльных шкафах. Ибо в этом нет никакого толку, кроме как кормить иллюзиями собственных детей. У них не будет будущего. Хватит бесконечно кормить нас свободными радикалами и геронтологией мышей. Займитесь делом.

– Увы, – между двумя глоткам молвил Тарантино, – это все равно, что гору свернуть и бросить ее в море.

– Нам бы академика Лысенко, – сказал Че, – он уж устроил бы нам инновацию.

– Я бы назначил его главным нанотехнологом, – сказал Ге. – Жаль, что отсюда мы не можем влиять на Землю.

– Когда-нибудь это случится, – сказал Че. И добавил: – Жаль, мы не доживет до этого счастливого времени. – Он глубоко вздохнул. – Ляжем в сегодняшнем бою. Как шведы под Полтавой.

– Кто командует нашими противниками? – спросил Тарантино.

– Да никто, – сказал Ге.

– Какая-то Букашка-Барабашка, – сказал Че. – Точно неизвестно.

– Почему неизвестно? – спросил Квентино. – У вас разве нет разведки?

– Нет.

– Разведку мы расстреляли.

– Кто поведет Дивизию Сарана Чи в бой? – спросил Квентино Тарантино.

– Да теперь понятно кто. Этот Варава и поведет. По всему ясно, что его и назначили командиром Дивизии Сарана Чи.

– Будем надеяться, что этот Пиди-Мели нарвется на внутреннюю разведку вавилонян.

– Уж они его заставят говорить.

– Тогда будет потерян эффект неожиданности, – сказал режиссер. И добавил: – Да какой я режиссер! Мне хоть взводом командовать. – И добавил: – Или хоть ротой. – Или батальоном.

– А вы можете, товарищ Тарантино Дивизией командовать? – спросил Ге.

– Могу.

– А в мировом масштабе? Ну, Дивизией Сарана Чи, мог бы командовать? – спросил Че.

– Для этого надо... Вараву надо ликвидировать. Да и нет у меня такой наглости, как у этого Варава. Я бы не смог.

– Может вам языки подучить? – спросил Ге. – Ай синк ю...

– Хорошо, уговорили. Надо только сообщить об этом

на Землю. Буденный – это моя роль.

– У нас нет связи с Землей, – печально констатировал Ге. – Мы все время об этом забываем. А мандаты выдают там. Они-то думают, что здесь Там-Там, а для нас Там.

– Ладно, ребята, – сказал Тарантино, – у меня для вас плохие новости.

– Дай угадаю, – сказал Че. – Мы умерли, что ли?

– Хуже. Дайте бинокль. Возвращается ваш капитан. Посмотрите, это он?

Действительно, Абель тащил на веревке Пи. Сам Абель был ранен.

Глава третья

1

Рассказ Абея о необыкновенном мире, где он только что побывал, а именно:

– Встреча с Кон Лизой Ра, Со и Ла. Страна Кошек и Собак. Ресторан. Абель на дереве. Красивый Таракан Лолита. Академгородок. Два билета на экзамене. Как выйти из Страны Кошек и Собак.

– Что случилось? – спросил Че, но тут же отодвинулся в сторону под взглядом Тарантино. Было ясно: с такой активностью и самонадеянностью можно легко попасть в список мертвых негров.

– Веди его в бар, – сказал директор Тарантино. Ведь режиссер – это в общем-то директор. – Где ты его догнал?

– Он успел вступить в контакт с вавилонскими недобитками? – не утерпел и вставил свое слово Ге.

Кто из этих ребят Ге, а кто Че? Еще по дороге к пирамиде, где на четвертом этаже был расположен бар, они затеяли нескончаемый спор.

– Пи вернулся, – значит я Че, – сказал Ад.

– Пили вернулся, значит ты Че, – повторил Уп. И добавил: – Не надо песен. Это я сказал, что я буду Че, если он вернется.

– Ты?! Это я верил в возвращение этого ублюдка, – сказал Ад.

– Нет, нет и еще раз нет! Ты не верил, ты называешь его ублюдок, а я господином, точнее, товарищем Вараваном. Практически это... – он вдруг замолчал, поняв, что догадался до какой-то очень секретной информации.

– Ну кто это? – спросил Тарантино.

– Пугачев, – прошептал Уп. – Это настоящий пароль, который откроет нам какую-то важную дверь.

– Думаю, он прав, – сказал Квент.

– Я согласен, – ответил Ад. – В этом что-то есть.

Далее Абель рассказал историю, в которую никто не поверил. Как будто ее и не было. Только Квент был спокоен. Это была его система. Он почти поверил рассказу Абея. Впоследствии Абель рассказал подробно, что произошло. Вот сцена, которую он нарисовал.

Он бежит за Пи и вдруг тот исчезает. На несколько секунд. Может быть на минуту. И появляется опять, но уже далеко. У реки. И главное, чему никто не мог поверить, там было Солнце. А над головой Абея были густые свинцовые облака.

– Я протер глаза, но ничего не изменилось. Я как будто был в Англии, а Пи в солнечной Мексике, на Юкатане. Но,

как потом оказалось, это была не Мексика и не Египет.

Я попал в волну теплого воздуха. Было такое чувство, как будто я погрузился в волны теплого моря. Я поднимаюсь всё выше, ещё выше. Но воздуха всё нет. Меня это не волнует. Сначала так. Потом я начинаю беспокоиться. Наверное, надо подождать немного. Начинаю интенсивно работать руками и ногами, кажется, я сейчас захлебнусь. Глотаю воду, много воды. Но... вода не накапливалась в легких. Как будто она выходила через ноги. В ногах образовался ракетный двигатель. Я больше не боялся. Не знаю, сколько прошло времени. Может пятнадцать минут, или двадцать, может больше. Вот оно море! Уф! Как хорошо! Как тепло! А наверху круги Солнца. Такое большое солнце.

– Но это была Земля. Зеленая земля. Где я? Да и не задавал я этот вопрос. Где бы это ни было, это было прекрасно. Нет, это не Земля. Пандора, наверное?

Не скоро я вспомнил, что ищу этого парня Пи. Продолжение следует.

Он закурил и вынул из упаковки еще одну бутылку пива. Вы думаете, я вступил в темный лес и там за деревом увидел Пили? Или он переплывал эту широкую реку, как Чапаев? Нет. Это было не так. Я оказался в поезде. Захожу в

За окном жизнь, как на Земле. Городишки цивильные мелькают. Думаю, это была Англия или Германия. Я уж подумал, не заказать ли коньяку и чаю. Но тут в дверь посту-

чали.

– Кто?

– Откройте.

– Я спрашиваю, кто?

– Открывайте! ФБР.

Открываю. Вваливаются два интеллигентных парня. Один в шляпе.

– Вы один? – Я посмотрел по сторонам.

– Кажется, никого больше нет. Покажите удостоверения, – сказал я. Не спеша, но они все-таки показали свои удостоверения. Это был хороший прием, они не спросили моё удостоверение.

Ребята сели и уставились на меня.

– Куда едете? – спросил один. И добавил: – Ла, мей би, это переодетый шпион.

– Я уверен, что это шпион, – ответил этот Ла. И добавил: – Со, мей би, обыскать его?

Они зачем-то начали приставать ко мне. Скорее всего, это ненастоящие агенты ФБР. Но что им нужно? Скоро стало понятно, что им нужно. Ребята заказали бутылку Наполеона и начали разговоры о какой-то Моне Лизе.

– Мы ее поймаем, – сказал Ла.

– Мы ее обязательно поймаем, – сказал Со.

Честное слово, я не сразу понял, что они говорят о картине Леонардо да Винчи.

– Вы будете молчать, сэр, – сказал Со.

– Это очень опасная преступница, – сказал Ла. – Мы должны ее ликвидировать.

– Вы киллеры, – не удержался я.

– Да. – ответил Со, – он негр с трезубцем и сетью, а я Спартак с мечом.

– Мы не киллеры, – сказал пьяным голом Ла, – а гладиаторы.

– Кто?! – спросил я, не выдержав. – Кого вы ловите? Джоконду?

– Какую Джоконду? – переспросил Ла.

– Да не Джоконду, – махнул устало махнул рукой Со и громко проорал: – Джо-ко-он-да! Джо-ко-он-да! А почему не спеть, – добавил он, – если умеешь.

– Если хочется, – добавил Ла.

Я думал, они напились и несут даже то, что никому не может в голову прийти. А они меня разыгрывали. Правда, напились они на самом деле сильно. И, как результат, упустили того, кого ловили. Она вошла, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты.

Со и Ла упали на колени.

– Мама! – сказал Ла.

– Папа! – сказал Со. И добавил: – Это она. Пришла. А мы думали, что никогда уже вас больше не увидим.

– Да, мы так думали, – сказал Ла. И добавил: – Мы напи-

лись, потому что не верили, что вы придете.

Они стояли и обнимали ее колени.

– Ребята, вы напрасно надеялись на секс со мной. – Она даже не подумала, что это были киллеры, которые ее здесь поджидали. Она села.

– Простите, ребята выпили, – сказал я.

– Абель, – сказал я, немного помолчав.

– Кон Лиза Ра, – ответила дама.

Лучше бы она этого не говорила. Со и Ла вскинули головы, как боевые кони, слышавшие зов боевой трубы. Они вскочили на ноги, Ла вынул из пиджака складной трезубец и сеть, а Со короткий меч.

– Вы арестованы, мэ.м.

– За что? – спросила Кон Лиза Ра.

– Потому что вы постоянно врете.

– За систематическое вранье.

Они уже вышли из купе, когда я спросил:

– Но вы искали не Кон Лизу Ра, а Мону Лизу. Или вам уже без разницы, кого ловить?

– Нет, нет, – ответил Со, – вы просто не правильно нас поняли.

– Мы просто спутали имя. На самом деле мы очень искали именно эту даму, Кон Лизу Ра.

– Куда вы ее тащите? – спросил я.

– У нас нет выбора, – ответил Ла.

– На суд Линча. – добавил Со. – Он вдруг стал очень серьезен. Как будто и не пил.

За вранье на суд Линча. Неужели, здесь такая высокоморальная страна, подумал я, за вранье сразу на суд Линча. Я вышел в фойе вагона. На перроне стояла Кон Лиза Ра, а Со и Ла садись в такси. Что произошло?

Я вышел на перрон. Кон Лиза как раз сидела на корточках. У нее неожиданно раскрылся чемодан с бельем.

– Они вас бросили? – задал я не совсем удачный вопрос. Она продолжала собирать белье. – Вам помочь?

– Вы с ними не справитесь, – сказала она. И добавила: – Впрочем, я была бы вам благодарна. Я помог ей застегнуть чемодан, и мы выбежали к стоянке такси. Далее, аэропорт, драгоценности, Кон Лиза Ра оказывается Пи. Именно поэтому Со и Ла ее отпустили. Чтобы не оставаться в накладе они забрали драгоценности, которые эта дама украла из сейфа.

Мы гнались за ними до аэропорта. Со и Ла уже стояли в очереди на посадку. Уже Со был предпоследним в очереди на проверку билетов.

– Товарищи, верните Кон Лизе драгоценности.

По дороге принцесса рассказала мне, что у нее отняли все драгоценности. Это не агенты ФБР, сказала она.

– Мы агенты Коминтерна, – сказал Ла. – Экспроприация записана у нас в уставе.

– Да чё ты им объясняешь, – сказал Со. – Им по барабану,

что мы стараемся для трудового народа. Это же эгоисты.

– Офицер, – Кон Лиза обратилась к полицейскому, – эти молодые люди помогли мне вернуть мои драгоценности.

– Кто их украл у вас? – задал вопрос охранник аэропорта.

– Он, – представляете, – она повернулась и ткнула прямо мне в лицо пальцем. Коминтерновцы были правы: врать эта Кон Лиза горазда. Такой наглости я еще не встречал. В этот момент я еще не понял, зачем ей это было надо. Вместо того, чтобы сразу потребовать драгоценности, Кон Лиза предложила офицеру сначала арестовать меня.

– Я ей помог, – заикнулся было я, – хотел, как лучше.

Она даже подтвердила, что настаивает на моем аресте, когда охранник спросил:

– Вы хотите, чтобы я арестовал его? Я вас правильно понял?

– Да. Боюсь, он ограбит кого-нибудь еще. – У меня как у профессионального в прошлом разведчика сразу мелькнула мысль: уж не одна ли это банда? Только возникал простой вопрос: меня-то им на что разводить? У меня ведь ничего такого с собой не было.

Поблизости не было другого полицейского, и офицер решил позвать наряд по рации.

– Не надо, – сказал Со, – мы отдадим драгоценности здесь, а вы проводите даму до стоянки такси.

– Как быть с ним? – спросил офицер.

– Наденьте на него наручники, и пусть преспокойненько идет с вами.

Офицер вроде бы засомневался, надевать ли на меня наручники, но эта принцесса сказала:

– Наденьте, плииз, на него наручники. Так будет безопаснее. – Вот стерва.

– Зачем наручники-то? Я и так никуда не убегу.

Но эта дама опять сказала, чтобы наручники были наде- ты. Со и Ла спокойно прошли фейс контроль и больше я их уже не видел. Представляете, они ограбили Кондолизу Райз, а арестовали меня.

Вдруг Кон Лиза Ра говорит:

– Я так переволновалась, что у меня даже уши вспотели.

Я посмотрел на ее ухо и заметил светлую полосу. Совершенно белую. Тогда я понял, что это крашенная брюнетка. Не только волосы, но и тело. Присмотревшись внимательно к ее вихлявой походке, я понял, что это вихлянье нарочитое. Это не Кон Лиза Ра. Кто это? Я решил действовать методом исключения. А так как здесь я больше никого не знал, что решил, что это Пили. Надо бы закричать:

– Пили! – Он бы дрогнул. Но я был в наручниках и не смог бы задержать этого фальшивомонетчика. В тот момент я не помнил за что ловлю его. Надо и все. Там разбе- ремся.

Мы подошли к такси. Я локтем ударил полицейского в жи-

вот, но не успел вынуть у него из кармана ключи от наручников. Кондолиза уже села в такси и отъехала.

Не помню как, но мне все-таки удалось уговорить этого охранника аэропорта начать погоню за такси, в котором уехала Кон Лиза Ра. Я смог убедить этого парня, что являюсь секретным агентом Ми-6.

– Это Скотландярд? – спросил он. – У меня там служит дядя.

– Да, это почти одно и то же.

Он мне поверил и снял наручники. Впереди был мост. Машина впереди нас потеряла управление и свалилась в воду. Кондолиза попросила водителя ехать быстрее, и сама нажала на педаль газа. Завязалась борьба, в результате которой водитель потерял управление на узком мосту.

– Тону! – закричала Кон Лиза Ра. Водитель молча выбрался на берег. Он только молча фыркал и вытирал мокрое лицо. А эта бестия пошла к другому берегу. Здесь было мелко, чуть выше пояса, и можно было идти, а не плыть.

– Она уйдет, – сказал я и бросился в реку. Полицейский не знал, что делать. Он решил остаться с водителями и подождать, пока я вернусь. Он не был профессионалом и просто не знал, что делать дальше.

Пи бегал, как заяц. Я долго не мог догнать его.

– Стой! Стой, зараза! – Я был уверен, что это Пилига. Он

поскользнулся на небольшом откосе, и скатился, как шарик к моим ногам. Если это не он, то, значит, я уже полностью потерял свою квалификацию. В общем-то, я на пенсии. И работаю швейцаром. Но меня послали в Там-Там не зря. Ряд разведок мира надеялся на меня в исключительных ситуациях. Я мог еще блеснуть и неплохо заработать. А если будут говорить, что я не смог поймать штатского Пи, то ждать в этих условиях счастливого будущего не приходилось. Конечно, я мог бы сказать, что я интеллектуальный разведчик, а не сыскная собака, но здесь это не имело значения. Кому здесь нужен интеллектуал? Никому. К счастью, это был Пили. Я даже ущипнул его за щеку и засмеялся так, как давно не смеялся. Это был Пили в женском платье, Он был так сильно измазан темной краской, что оттереть ее сразу не было никакой возможности. Я тогда еще с удивлением подумал, почему за ушами у него были белые полосы. Я сначала решил, что это от пота, но потом я узнал, что за ушами у него просто было плохо покрашено. Ошибка в этот раз помогла мне разоблачить хитрого противника.

Я связал ему руки и погнал вперед, как скотину. А иначе этот парень в женском платье не хотел идти. Он ухмылялся и пытался запутать меня идеологическими уловками. Тогда я срезал хорошую ветку, ободрал с нее листья и так пригрозил этому извращенцу, что он побежал, как коза, которая скорее бежит в хлев, зная, что там ее хорошенько подоят.

Впереди была желтоватая стена, похожая на марево.

– Мираж, – сказал Пи.

– Беги.

– Я бегу.

– Ты раньше выдел этот мираж?

– Когда я бежал сюда, то видел, что-то подобное.

Я тоже видел, что-то подобное. Но тогда не было этой желтизны. Тогда марево было почти невидимым.

Я вошел вслед за Пи. Опять начался подъем наверх. На этот раз мне казалось, что мы поднимаемся с затонувшей на небольшой глубине подводной лодки. Я чувствовал то тепло, то прохладу. Во мне не было беспокойства. Я знал, что так и должно быть. Что скоро воздух. Но его все не было и не было. Я начал захлебываться. Вода не уходила через подошвы, как это было тогда. Не может быть, не может быть. А ведь я уже поверил, что решение возможно. Я уже верил, я уже знал, что чашу Грааля нашел добрый человек. Теперь все решается. Нет. Оказывается, нет. Господи, Господи...

Тут кто-то схватил меня за руку и вытащил как будто из ямы. Я увидел великолепный мир с ровными зелеными берегами и фиолетовыми цветами. Пи лежал на берегу, и из него откачивали воду.

Далее страна кошек и собак. Кто в ролях? Ксения Серова, Маша Миронова, Машков-Пикассо, Онегин-Сид. Они уже собаки и имеют здесь свой ресторан. Через три года можно

стать кошкой или собакой, сдав экзамен.

Нас привели в придорожный мотель. Он был, как новый.

– Пятизвездочный? – спросил я с улыбкой. Никто мне не ответил.

– Хочу Блэк Джек, – сказал Пи.

Страна Кошек и Собак

Мы сели за один столик. В зале сидели только еще двое, но спиной к нам.

После настойчивых просьб, к нам, наконец, подошла официантка. Она налила ему, после чего Пи свалился на пол.

– Мне этого не надо, – сказал я, и тут же, как Пи свалился на пол. Это был просто шок. Нас обслуживала собака.

– А в чем дело? – спросила официантка. – Вы думали, что мы не обслуживаем людей? Вы думали, что мы относимся к вам, как вы относились к собакам? Бросил на пол кусок мяса и вали? Нет, у нас равноправие. Может быть, вам нужны орешки, чипсы? Нет? Это хорошо. Потому что у нас только стейк. Т-образный стейк на кости. От местных быков, между прочим? Будете?

– У нас нет денег, – сказал Пи.

– За счет заведения.

– Это как? – спросил я.

– Отработаете.

– Я работать не буду, – сказал Пили. – Впрочем, я согласен, но только головой. Я человек умственного труда.

– Хорошо. А ты будешь колоть дрова для гриля.

Я наслаждался жизнью. Пилил водородной пилой дрова, колол и носил к грилю. Мне отдавали все остатки стейков. Я сначала не знал, чем питается Пили. Он приходил в дом только по выходным.

Собаку, которая нас обслужила в первый день, звали Ксения. Обычно они вчетвером уходили на озеро, которое называли морем. Иногда она уходила вдвоем с тигровым догом по имени Сид-Карат. Они любили поплавать. Два раза я делал им барбекю на берегу. Кошки, которых звали Машка и Машка никогда не купались. Они только играли и трахались. Иногда, правда, они охотились. На меня. Однажды Машка и Машка загнали меня на дерево и начали между собой издевательский разговор.

– Это был бы очень вкусный обед. Как ты думаешь, дорогой? – спросила Машка и облизнулась. Она посмотрела вверх на меня и мило улыбнулась.

– Действительно, Маша, я очень хочу есть, – ответил Машка. И добавил: – К сожалению, я не умею лазить по деревьям. А ты?

– К счастью я умею. Но дама не должна выполнять всегда всю работу сама. Как ты считаешь? Думаю, ты должен наконец вспомнить, что ты настоящий тигр, Настоящий мачо.

Ну, дорогой, принеси мне, пожалуйста, этого жирного цыпленочка. Он хорошо откормлен в Англии отбивными и лагерным пивом. – Она опять так аппетитно облизнулась, что у меня у самого потекли слюни.

– Мэм, вы ошибаетесь, – сказал я, – я давно не был в Англии. Честно.

– Может быть, он прав, – сказал Машка, – может быть, он шпион и более того, шпион на пенсии. Думаю, в последнее время он жил в Москве и питался только тем, что давал ему бильярд. Это просто тощий человечек и больше ничего.

– Ты просто не хочешь лезть на дерево, – упрямо твердила Машка. – А я его хочу. Пусть он тощий, это даже полезней для диеты.

– Я жесткий, – сказал я. – Съешьте лучше Пили. Он откормлен на икре и депутатских гамбургерах. Такой злобный сукин сын, вы только попробуйте.

– Нет, я боюсь отравиться, – сказала Машка.

– К тому же мы продали его на барщину. Пять дней в неделю Пи обслуживает Усатых. Тараканов.

– Что значит, обслуживает? – спросил я с дерева.

– Не то, что вы подумали, – сказала Машка.

– Готовит Усатым обеды?

– Убирает за ними дерьмо, – сказал Машка.

Однажды в свой выходной день я проследил за Пи. Оказалось, что он уже дерьмо не убирает. Лично обслуживает

одного высокопоставленного рыжего таракана по имени Лолита. Красивая-я! По рассказам я уж думал, что это великаны. А они были максимум метр пятьдесят. В основном метровые. Без привычки, конечно, и это страшное дело. Я спросил Пили:

– Не страшно?

– Нет, – ответил он, – по барабану. Как один раз волосы встали дыбом, так уже всё по барабану.

– Она, эта, не пристаёт к тебе? – спросил я с улыбкой.

– Пока нет, Но думаю, всё равно надо бежать. У нее, между прочим, рост метр семьдесят пять и глаза голубые, голубые. Вес, наверное, килограммов восемьдесят. Это у таракана-то!

– Может быть, она в запое и фитнесом не занимается? – вставил я.

– Здесь есть серьезная идея, а ты все улыбаешься.

– Че, все так плохо?

– Да не очень вроде. Я бы даже остался здесь навсегда.

– Дерьмо убирать за тараканами?

– Почему, я уже дорос до садовника. И знаешь, у них здесь демократия. Через три года сдаешь экзамен, и сам становишься тараканом.

– Ни хрена мечта! Я бы не согласился.

– Ты чё, здесь хорошо.

– Чем хорошо? – спросил я.

– Это же академгородок. Ты не поверишь, как называется.

Принстон. У каждого свой двухэтажный дом. И есть даже свой Эйнштейн, и математик Гамов. Оба бьют клинья к этой Лолите. Так что если я окажусь у них на пути...

– Думаешь, завалят?

– Нет, запустят в космос вместе с атомной бомбой. По их летоисчислению до этого уже немного осталось.

– Вот блин! До атомной бомбы додумались даже тараканы.

– Ты так не шути. Они умные. И злопамятные. Знаешь, какое испытание надо пройти на дипломном экзамене, перед выпускным балом?

– Догадываюсь.

– Ты опять о сексе, что ли? Нет. Тянешь билет.... А их всего два. В одном поджигают поле со всех сторон, а выпускника бросают в центр с вертолета. Если не выберется, значит, сгорел. Билет называется Котовский. А второй называется Старый дом. Человека заставляют вычистить от листьев и грязи старый бассейн. Дают ему гамбургер, бутылку кока-колы, он балдеет. Думает, что у него только две проблемы: это на время вычистить бассейн, а потом выбраться из него. Высота четыре метра. Человек не боится, если умеет плавать. Он знает, что как только он вычистит бассейн, так пустят воду.

– Не знает только, что вода будет, как кипяток.

– А ты откуда знаешь?

– Слышал. Так пытаются в Ми-6. – И я добавил: – Я мог бы найти себе здесь работу. – Хорошо еще, что эти ребята не применяют против пришельцев газовые атаки.

– Понимаешь, они помнят, как обращались с ними люди. И делают также. Это ужасно. Нет, они же нарочно. Просто человек, прошедший этот экзамен, становится тараканом, А каждый таракан должен знать, что его может ожидать в этом мире.

– Да это ужасно. Надо бежать. Какой вариант, ты говоришь, есть?

– Дело в том, что один Станиславский изобрел крылья и подарил их Лолите.

– Зачем?

– Ну что-то надо делать, чтобы обойти Эйнштейна и Гамова. Вот он и изобрел крылья.

– Может быть, его зовут Сикорский, а не Станиславский?

– Скорее всего. Станиславский – это просто символ недосяжимой правильности.

– Да, еще до открытия Там-Тама люди отвечали, когда им говорили, что они – производное от слова на букву х – порют, ну, что занимаются идолопоклонством:

– А я че вам, Станиславский?

– Теперь ясно, как ты стал депутатом, – сказал я.

– Ну так что, летим?

– Как? Тут нужно провести большую работу. Во-первых, надо как-то заинтересовать Лолиту. Думаю, в сексуальном плане она на тебя не позарится.

– На тебя тоже.

– Ну не знаю, я, между прочим, обладаю, некоторыми магическими способностями.

– Этого ей недостаточно.

– Допустим. Тогда, – продолжал я, – надо узнать... – У меня возникла интересная мысль.

Мысль о том, настоящая ли это Лолита. Надо узнать, есть ли у ней знакомый по имени Овидий. Знакома ли Лолита с Метаморфозами? Или выход должен быть через Набокова? Может быть, даже через плагиатора Лолиты. Это женщина. Имя? Рассказ или роман, где мать соревнуется с дочерью за мужчину. Это могут быть Ксения и Маша. А могут быть и другие актеры.

Далее надо писать по системе Квента Тара, т.е. фрагментами. – Пометка на полях рукописи.

3

– Послушай, дай ему по яйцам!

– За что?

– Как за что?!

– Я Буденный. Если я сказал, что надо дать по яйцам –

надо дать!

– Простите, господин Буденный, но вы не Буденный. Обратного хода нет.

– Тогда Ворошилов. Только не Чапаев. Я не хочу тонуть в реке.

– Никакой ни Ворошилов и не Чапаев. Я же сказал вам. Обратного хода нет. У нас нет связи с Землей. Не будьте ребенком.

– Я не хочу быть Квентином Тар, – опять взялся за бутылку этот парень.

– Не Квентино, а Квентин, – поправил его Комиссар. – Заруби себе на носу, парень: ты Квент Тар! Многие только радовались бы такому началу. Тебе и делать-то ничего не надо будет. Все зависит от моего умения писать сценарии. Если хочешь я напишу тебе нового Аватара. Ты хочешь быть автором Аватара?!

– Мне больше ничего не остается, – жалобно сказал Квент. – Я так хотел стать простым честным Буденным. Без всяких Квентинов, хотел просто командовать Дивизией. И все.

– Ты и будешь командовать Дивизией Сарана Чи.

– Я танкист понимаешь!

– Это будет дивизия почище танковой.

Кто такой комиссар? Лолита? – Пометка на полях рукописи.

Глава четвертая

Шел второй день кровопролитных боев с Дивизией Сарана Чи. Бой догов и бой кошек. Абель каким-то образом оказывается предсказателем отряда Кошек и Собак.

Шел второй день кровопролитных боев. Сид убедил Ксению начать бой в атаке. Многие были против. Говорили, что в укреплениях можно сдержать впятеро больше противника. Это сказала Маша, а Пикассо ее поддержал.

– Я не вижу оснований так рисковать, – сказал Пикассо.

– Вы ничем не рискуете, – ответил Сид.

– Это почему? – не поняла Маша.

– Завтра в бой пойдут только доги, – сказала Ксения.

– Кто так решил?

– Я так решила.

– На каком основании? – спросил Пикассо. – Он взял четыре стакана, положил лед и хотел добавить водки.

– Мне не надо, – сказала Маша. – Я расстроена. Почему батальон Догов начинает эту битву. Без нас.

Воцарилось молчание.

– Кто хочет, чтобы мы кинули жребий? – спросила Серова.

– Я, – ответила Маша.

– Этого не будет.

– Почему?

– Потому что здесь приказываю я. Все просто.

– Зачем тогда было спрашивать.

– Мне, что, обязательно надо послать кого-нибудь на – слово на букву х? – чтобы вы поняли: я не шучу!

– Нет, ну действительно, если мы собрали этот совет перед боем, то надо все обсудить. Хотя бы понять, – сказал Пикассо.

– Что ты хочешь понять?

– Почему мы не выступаем все вместе? Если уж это необходимо.

Серова задумалась.

– Это секрет, – наконец сказала она.

– Что значит, секрет? – разозлилась Маша. – Ты подозреваешь, кого-нибудь из нас?

– Хорошо, я скажу. Во-первых, мне стало известно, что к противнику накануне прибыл Ре.

– Что это такое? – спросил Сид.

– Ты не знаешь?

– Я уже знаю. Но ты поясни им, – Сид вынул большую трубку и насыпал в нее табаку из синей пачки.

– Я могу только сказать, что Ре – это солнечный ретранслятор.

– Что значит, накануне? – спросил Пикассо.

И Ксения не успела даже ответить, как спросила Маша:

– Солнечный что? Разве тут может быть солнечный свет?!

– Света не будет. Ре примет с Земли солнечную энергию, чтобы в первой атаке сузить пространство. В результате фланги будут или отрезаны, или будет смят центр. В любом случае нельзя бросать в бой все силы сразу.

– Откуда такие сведения? – спросил Пик. Пикассо.

– Я не могу этого сказать, – ответила Сер. Серова.

– Как изволите вас понимать?! – рявкнул Пик, – Вы нам не доверяете?

– К сожалению, я сейчас больше ничего не могу сказать.

– Ничего себе!

– Невероятно! Вы, значит, считаете, что среди нас есть предатель. Ну, это же чушь!

– Повторяю, я больше ничего не могу сказать.

Тут слово взял Сид. Он сказал, что никто никого не хочет обижать. Но дело в том, что у нас недавно здесь появился колдун по имени Мерлин.

– И то есть он вам сказал, что у Дивизии Сарана Чи появился Ре? Я вас правильно поняла, – сказала Маша. И добавила: – Невероятно!

– Если мы все будем так думать, то сражение это мы обязательно проиграем, – сказал Пикассо. И добавил: – Покажите его нам. Кто это?

– Нет, – сказала Сер. И добавила: – Нет, ни за что. Так мы сами себя дешифруем.

До атаки оставался час, и ей все-таки пришлось показать Мерлина. Это был Абель.

Все ахнули. Некоторые схватились за головы.

– Да, действительно, – резюмировал Сид, – шпион на пенсии, считается у нас за Мерлина. – Ты уверена? – он посмотрел на любимую Ксению.

– Да он предаст нас при первой же возможности. Купит, а потом опять предаст. Но уже дороже, – сказала Маша.

– Если они пойдут на нас лавиной, то от вас, от догов, просто ничего не останется. Как от колбасы, после наезда на нее машины, остается только мокрое место, так будет и с нами, – сказал Пикассо.

– Вы за нас отомстите, – сказала Ксения. И добавила: Пусть победят коты и кошки. – У нас осталось мало времени. Сид строй батальон.

Все произошло так, как предсказал Мерлин. Дивизия Сарана Чи сначала шла лавиной. Сид и Ксения уже начали беспокоиться. Они летели вперед, как ветер, как Мэл Гиб в сражении за Шотландию. Только бы остались силы для боя. Доги были такие же, как Саранча. А Сид и Ксения были больше. Воины Сарана Чи были вооружены саранчами, очень опасным оружием. К тому же сами кусались, как голодные тигры. Головы их были украшены коронами и защищены броней. Некоторые из них имели огненное дыхание и запах, описанный еще в юности Ксенией Серовой во время заграничной поездки.

по Северной Корее. Там не было мыла, а здесь?

– Изнутри уже не отмоешь, – крикнула Ксе.

– Прости, не понял, – ответил на скаку Сид.

– Как ты думаешь, они перестроятся? – крикнула Ксе. –

Или этот ублюдок обманул нас?

– Думаю, он побоялся бы, – крикнул Сид.

– А что ему терять? Что вообще может потерять шпион?

– Он еще мечтает поиграть на бильярде и выпить пива с креветками и шашлыком.

– Я волнуюсь! – крикнула Ксе.

Сид уже не ответил. Он вонзил свои острые зубы в ногу первой Саран Че. Это был Ад. Он не ожидал этого секретного парализующего укуса за ляжку чуть повыше колена. Он рассчитывал, что Сид схватит его за шею, в то место, где вроде бы не было брони. Там были скрытые, как когти у молодого леопарда, острые и длинные шипы. Тогда Сид был бы выведен из строя.

Ксе увернулась от колебательного удара саранчи и вцепилась в заднюю ляжку Упи. Лейтенант понял, что глаза у него вылезают из орбит и мозг непривычно быстро туманится. А лавина все шла вперед и, кажется, начала загигать края.

– Нас окружают! – крикнул Сид. – Твой Мерлин не угадал, ишак. – Они нас сомнут за час.

– Действительно, кажется – производное от слова на п. Но подожди еще немного. – Она подмяла под себя сразу две

Саран Чи и те покатились под ноги своих собратьев с переломанными хребтами.

– Если не сработает Ре, нам конец, – сказал Сид.

И все-таки они перебили уже очень многих из Дивизии Сарана Чи. Не ожидали. Даже двухголовый Пили не догадался, что против них выступят не люди в их привычном облики, а собаки. Огромные, как арабские скакуны доги из племени Догов.

Двухголовый Пи несколько раз посылал гонцов, чтобы не запускали Ретранслятор. Он теперь понял, что надо окружать Догов.

– Если бы хоть один гонец смог добраться до Квента, – кричал двухголовый Пили, – мы бы сегодня же уничтожили всех этих – слово на е – Догов. Но Ре был включен, и лавина перестроилась в колонну. Преимущество Дивизии Сарана Чи в численности было утеряно. Поле превратилось в ущелье.

Далее, кто вторая голова? И какой это день? Первый или второй?

Появление Джека Лондона. Пленение Маши.

Сегодня бился батальон кошек. Думали, что между днями битвы будут перерывы, но их не было. В этом, как оказалось, и был смысл Ре. Перестроившись в колонну, Дивизия Сарана Чи атаковала и день, и ночь. Не было конца их вои-

нам. Кошки начали гибнуть. Доги стали выбегать на поле боя вне своей очереди. Закрутилась карусель. Только резерв еще не показывался на поле боя. Нельзя было допустить, чтобы Квент даже подумал, что такой резерв существует. А он существовал под кодом Домовой.

Пикассо был ранен. Саранчи поняли, что ранен командир батальона, и не давали вынести его в безопасное место. Эти ребята были очень злы. Ведь Пик завалил не меньше дюжины членов Дивизии Сарана Чи. В первый же день боев были ранены. Ад и Уп. Только капитан Пи теперь выходил на бой. Его берегли по полдюжины воинов с каждой стороны.

В этот день Пик выпустил по всадникам Пили шесть, острых как бритва когтей, и убил четверых, а двоих ранил. Маш оттеснили от центра боя. Оставшиеся шесть оруженосцев набросились на Пикассо. Он скатился в овраг, пронзенный саранчей Пи. Шерсть его дымилась от множества ран. Отряд телохранителей Маш тщетно пыталась пробиться к оврагу. Саранчи стояли плотной стеной. Когда стало уже неважно, один из них, по имени Ди, закричал:

– Мы больше не можем их сдерживать! – Этот парень прибыл в Там-Там только вчера, как доброволец на поиски золота. Квент долго смеялся над ним:

– Какое золото?! Я в первый раз слышу о золоте на Там-Таме. Зря вы вообразили себя Марком Твенном. Нет, не Марком Твенном, а этим, как его? Ну, этим, помните? Он еще

построил себе Шато на спекуляции о существовании золота на Клондайке.

– Джек Лондон?

– Точно! Вы новый Джек Лондон. Здесь ведь у всех бывших новые имена. Вы не против?

– Нет, не против. Надеюсь, это приведет меня к чему-нибудь хорошему.

– Вы прибыли сюда за лучшей жизнью? – спросил Квент.

– Да, я доброволец.

– Это хорошо. Но у меня наступление. Я вынужден отправить вас в бой.

– Вы направляете меня в штрафбат? – спросил Джек.

– У нас здесь нет штрафбата.

– Говорят, что Дивизия Сарана Чи это и есть штрафбат.

– Я могу направить вас в центр, в ударную группу. Тогда вы за шесть дней сможете стать лейтенантом. Это большие преимущества.

– В центре больше шансов погибнуть.

– Вы будете оруженосцем нашей принцессы.

– Маша.

– Можно было не спрашивать. Всегда везде первая это Маша. Можно так и переводить: Маша – Первая.

– Первой была Ева.

– Не думаю.

– Значит, вы доброволец?

– Да.

– Жаль, мой сын не додумался до этого. Да нет, вы не обижайтесь. Кто додумался, тот прилетел сюда, а кто нет – тот нет. Диалектика. – Квент налил себе еще. – Вы будете?

– Не откажусь. Но лучше пива. Здесь такая жара. Кондиционер поставить нельзя?

– Недавно я тоже думал, как вы.

– А вы давно здесь?

– Да уже позавчера прибыл. Давно.

– Один день, разве это много? – удивился Ди.

– Один день может быть, как тысячу лет. За один день Бог... да зачем далеко ходить: за один день вы стали Джеком Лондоном. А он за один день не мог даже все слова выучить. Теория... Кстати, вы слышали историю о поваре, который заколол себя шпагой из-за того, что рыба, которая должна быть в тот день основным блюдом не прибыла вовремя?

– И повар по этой причине покончил с собой? Да, я слышал эту историю. Но это был повар короля. Шеф-повар.

– Все равно я не перестаю удивляться этим поварам. За лишнюю звезду Мишлен они готовы не спать ночи, жить в ресторане. И готовы даже умирать... Мой сын и моя первая жена покончили с собой, когда узнали, что не могут полететь сюда. Они хотели быть первыми рестораторами на этой... в этом забытом Там-Таме.

– Кто опередил их? Я здесь никого не вижу. Хотя ресторан

есть.

– Это их ресторан. Я сам взял его для них. Попросил Криатора и смог выделить здесь помещение для ресторана на четвертом и пятом этажах.

– А они покончили с собой, – продолжал Квент. – Написали в посмертной записке, что ресторан может быть только на первом и на втором этажах. И как минимум на Большой Грузинской.

– Назвали бы здесь улицу Большой Грузинской, – сказал Лондон.

– Не вышло.

– Почему ресторан нельзя сделать на первом и втором этажах?

– Нельзя.

– Но вы же сами здесь являетесь резидентом. Неужели нельзя было переделать?

– Значит, нельзя. Да и не знал я тогда, что окажусь здесь.

– Я согласен, – сказал Лондон.

Пленение Маши. Ее и Машину часто называли одинаково:

– Маш. – Чтобы не ломать голову, кто из них перед ними. Ксе и физик-теоретик Адам.

Лондон уступил. Ему показалось, что он сделал это нарочно. Маш прорвалась к оврагу. Но никто не смог вынести оттуда Пикассо. Тогда Лондон подумал, что это шанс, что

он не зря уступил этой Кошке. Джек сам вытащил из оврага Пикассо. Он понес его в сторону разрушенного университета. Саранчи опомнились и окружили Лондона с раненым Пикассо. Ряды Кошек начали мешаться. С риском для жизни Маш врубилась в кольцо врагов. Она легла на спину и стала заманивать саранчей, помахивая пушистой лапой. Многие не выдержали, и полезли на Машку, как кролики на удава, точнее, как быки на тигрицу. Лондон бежал вместе с Пикассо. А Маш попала в плен. Как ни бились кошки, Маш они не отбили. Сам Пи носился по полю и орал благим матом, чтобы Маш любой ценой тащили к Отелю. Все было конечно. Ее не смогли отбить. Только Пи получил много глубоких царапин на лицах.

– Неудачно побрился, – отвечал он Квенту, когда возвратился ночью в Отель.

– И еще: нас предали, – добавил Пи.

– Ай-ай-ай, – воскликнул Квент.

– Вы только это и можете сказать? – удивился Пи.

А удивляться было чему. Ведь Джек Лондон открыто, при всех перешел на сторону Собак и Кошек. Очевидно, именно это задание и дал Квент добровольцу. Входило ли оно в планы Джека Лондона?

Перед последним днем бой слегка утих. Ксе ругала Пикассо и Сиду. Один ответил, что он сильно ранен и не может слушать, потому что все равно ничего не понимает от боли.

А Сид сказал:

– Я сейчас вернусь, только посмотрю, как выходит на боевую Домовой.

– Вернись сейчас же! – крикнула Ксе. – Вернись, Сид. – Но он уже вышел. Последний отряд Домового выходил на позиции. Сид встал на остатках мраморных ступенек и закурил трубку.

– Скоро начнется последний бой, – подумал он. – А что будет дальше? Неужели все здесь ляжем? Почему же тогда написано в древних рукописях, что остаток спасется? Непонятно. От этих ребят не спасешься.

А Ксения искала на ком бы оторваться. Так.

– Так! Ты где? Ты где, Адам?! – Ксения прошла наверх, никого. Она опять крикнула: – Ты где, мать твою, Адам?! – Наконец, леди открыла дверь, где на зеленом диване возлежал Адам с большой, холодной кружкой пива и тарелкой креветок. На стене большой, как у Молчановского, экран показывал кордебалет. – Ты где, Адам? Ты, значит, здесь витаешь в облаках, а мы бьемся из последних сил, как черти.

– Ты не понимаешь.

– А что понимать? Ты зачем перешел на нашу сторону? Чтобы пить холодное пиво с креветками? Кто ты? Фонвизин или его Недоросль? – Ксе перевела дух и налила в баре себе пива. – Где креветки?

– Там. Сзади стойки, – ответил Адам. Он спросил: – Я чем

могу помочь? Я не умею держать в руках оружие.

– Ты прямо, как малолетка. А обещал помочь. – Ксе села поближе к дивану, где возлежал Адам. Она тоже легла поперек этой широкой кровати. Она потянулась, как гимнастка. – Я научу тебя, – сказала Ксе.

– Чему ты хочешь научить меня? сексу?

– Я научу тебя пулемету. Ты хочешь быть пулеметчиком?

А? Ты знаешь, где у пулемета щечки?

– Пулемет это ты?

– Я.

– Тогда я знаю, где эти щечки. – Адам медленно вылил половину кружки на грудь дамы, а оставшееся пиво себе в рот.

– Зачем ты облил меня пивом? – спросила Ксе. – Что ты наделал, мудака? – Она не смогла даже улыбнуться. При всем желании.

Адам прильнул к ее губам и выпустил внутрь дамы все то пиво, что еще оставалось у него во рту. Леди поняла, что тонет. Тонет в разных видах жидкостей. Теряя сознание, она поняла, что этот парень действительно в чем-то силен.

Наконец она очнулась.

– За это время можно переплыть Ламанш, – только и сказала леди. – Я верила, что такое существует, но до сегодняшнего дня сомневалась.

Но скоро Ксе поняла, что с мужчинами лучше не связываться. Счастливо с ними жить невозможно. Этот Адам

вдруг устроил скандал на пустом месте.

– Господи! – заорал он, – что ты наделала?! Ты смяла все мои рукописи.

– Какие еще рукописи? На – сл. на х – они нам нужны?! Конец Света завтра наступит, а ты о каких-то – слово на е – рукописях беспокоишься!

– Дура! Это был расчет трансгалактического перехода. За пять дней я решил эту задачу. Осталось только обсчитать некоторые технические детали. Как раз бы времени хватило. Оставалось продержаться только один день.

– Ты физик-теоретик? – Ксе даже прикрыла рот ладошкой. – Бог послал нам физика-теоретика для спасения! А я-то думала из тебя выйдет пулеметчик.

Они стали собирать измятые и пропитанные пивом листы. Большинство из них валялось на полу.

– Ты не помнишь, что писал, Адам? – спросила взволнованная Ксе.

– Нет.

– Значит, ты украл эти записи?

– Не говори глупостей. У кого я мог их украсть? Просто это очень сложные уравнения. Мне не хочется решать их еще раз. А, впрочем, ты права. Я недалеко ушел от Шекспира и Ньютона. И ты знаешь, их нельзя решить одному. Нужно обязательно встать на...

– А знаешь, я тебе верю. Прости, что ты хочешь, чтобы

я сделала?

– Нет, нет, этого не надо! Просто станцуй!

Ксе танцует.

– Сделай шпагат.

– Я не умею.

– Обещай, что научишься.

– Обещаю.

Глава пятая

Сражение у стены Университета. Дартаньян, Пи и Граф Монте Кристо.

Партос, Атос и Арамис уже пали на поле боя. Прибывший буквально день назад доктор не смог поставить на ноги Ади и Упи. Под их именами выступили другие члены Дивизии Сарана Чи. Это было необходимо. За каждым из этих ребят шел свой отряд. Они видели желто-огненную корону и такого же цвета саранчу и гнались за своим командиром. Аду и Упу иногда даже казалось, что их же солдаты разорвут их, если догонят. Поэтому полководцы всегда летели вперед, как ветер. Для последней атаки на мушкетеров Квент даже предложил новому доктору оторвать головы полководцам Аду и Упу. На время, разумеется. Но раненые сначала не дали подписку на это обезглавливание. Но после поражения от мушкетеров вынуждены были согласиться. Их устрашающие головы доктор пришил к вновь пришедшим людям. Эти двое были не хуже Ада и Упа. Они тоже обладали беркесиерскими характерами.

Они двумя отрядами загнали мушкетеров в зал кинотеатра.

– Перекрыть все выходы! – крикнул Ад.

– Я уже перекрыл сцену, – ответил Уп.

Остроумные мушкетеры уходили через крышу. Но там их уже ждал двухголовый Пи. Все они погибли здесь. Остался только Дартаньян. Он привязал к зубцу второго этажа веревку и быстро спустился вниз. В этом месте не было саранчей. Два беркерсиера еще не видели, где он спустился, а Пила никак не мог пробраться к этому месту через плотную толпу осаждавших университет саранчей.

Потом Пила взял в заложники одного парня и предложил Дартаньяну сдаться, иначе он распилит этого парня и съест еще живым.

– Как звать тебя, друг? – спросил Пила пленного.

– Я распилю Графа на две части, – если ты не сдашься, Дартаньян.

– Этот какой-то двойной агент, – ответил Дартаньян. – Я не знаю такого графа.

– Я спрошу его еще раз. Как тебя звать, друг? Скажи еще раз.

– Граф Монте Кристо.

– Вы знаете этого человека?

– Этого? Знаю.

Москва. Пушкинский музей. Палатка по продаже стейков быстрого приготовления. Она хочет устроиться на работу, но ребята сомневаются, что она имеет к этому способности.

Или точнее:

– Ребята хотят взять прелестную девушку на работу, но она сомневается, что имеет способности к этому делу. Чтобы читатель не ломал голову над предыдущим фрагментом, скажу:

– Это она и есть Граф Монте Кристо. Или просто:

– Монте. Как они попадают в Рай. Катание по Москве с кошками с собаками, которых должны были съесть гости Москвы. Университет, переход в Там-Там.

Рассказ от имени Дартаньяна

– Уверена, вы слышали меня. Я же вас слышу! Может быть, вы дадите мне попытку и разрешите попробовать?

– Хорошо. У вас есть деньги?

– Деньги?

– Прости, он хотел сказать, у вас есть документы?

– Документы?

– Извините его, он хотел сказать, как вас зовут? Вот из ёнейм?

– Я не помню.

– Вы незаконно рожденная графиня, – сказал я. – Ваш отец изнасиловал вашу мать, когда она пришла, чтобы наняться к нему горничной.

– Я ничего не помню. Незаконно рожденная графиня? – девушка задумалась. – Нет, не могу вспомнить.

– Вы могли бы у нас подработать, – сказал я.

– Может быть, вы студентка? – спросил мой напарник.

– Я? Думаю, я уже стара для этого дерьма.

– Если хотите, вы можете у нас подработать, – сказал я.

– Я согласна.

– Послушай, – сказал мой напарник, – у нас столько одна проблема.

– Совсем небольшая проблема, – сказал я, – мы не можем принять на работу женщину.

У нас был договор с соседями: они принимают на работу только женщин, а у нас работают только мужчины. Поэтому мой начальник предложил девушке переодеться мужчиной и дал кличку: Граф Монте Кристо. Так вышло потому, что у нас был костюм Графа Монте Кристо. Обычный костюм, но с надписью:

– Граф Монте Кристо. – Кто это написал и зачем – неизвестно.

Я выдал Монте коньки с белыми ботинками, и она начала скользить с подносами между гуляющими гостями столы. Мы едва успевали готовить ростбиф – жаркое из английской говяжьей вырезки. Американцы с другой стороны Пушкинского музея жарили фарш из аргентинской говядины. Там мы договорились. У них гамбургеры, а у нас мясо. У них девушки, а у нас парубки. Ведь наши люди были одеты в старинные русские одежды. Хотя и с надписью: Граф

Монте Кристо.

Вечером мы собрались в кино на Аватара.

– Предложим леди пойти с нами? – спросил я Льва Толстого, так звали моего напарника. Он был настоящим мужчиной. Мечтал, как Ной уплыть отсюда куда-нибудь подальше. Хоть в одиночестве. Хоть в Шоушенк. Точнее, Шоушенком он называл Москву, и хотел бежать отсюда хоть на берег моря. Как Михаил Пуговкин. Его звали Львом Толстым не потому, что он, как некоторые часто повторял:

– Я не читатель – я писатель.

Или:

– Чукча не читатель, а чукча писатель. – Это было бы не логично, ведь этот парень ничего не писал. Хотя с другой стороны, и Апостолы не знали некоторых уравнений высшей математики, а творили такие чудеса, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Как говорится, достаточно создать мир, а уж другие потом пусть разбираются. Но как я уже сказал, дело не в этом. Просто Лев каждую, пришедшую ему в голову ситуацию, пытался разделить на Войну и Мир.

Вот и сейчас он сказал:

– Был мир, а кажется, наступает война.

– Это ты по поводу китайцев? – Дело в том, что в последнее время нас доставали китайцы. Они уже договорились с служителями храма, который был тут рядом. В мэрию тоже

заплатили за место. Только мы и американцы с другой стороны Пушкинского были против. Ну, действительно, куда? Можно совершенно испортить имидж этого благословенного места. Мы делаем английскую бычатицу, американцы аргентинский фарш, а эти что? Они же будут ловить и жарить тигров и медведей. Тигры – это кошки, а медведи – это собаки.

– Мама Дзедун разрешает это – слово на б – сказал наш Монте. – А я так считаю, китайцам здесь не место. Имидж упадет. – Так она сказала.

– Дело не в китайцах, – разъяснил Лев, – а нашего нового работника уже нет на месте.

– Как? уже ушла и никого не предупредила?

– Вот я и говорю: был мир, а теперь будет война.

– Почему?

– Потому что так не делается. Мы хотели пригласить ее в кино, а она ушла не попрощавшись. Так не делается, понимаешь.

– Ладно, – сказал я, – пусть поступает, как хочет. Пусть идет, куда хочет после работы. Давай мою долю, и пошли в кино.

– Не понял.

– Разве сегодняшняя выручка не у тебя?

– Нет. Значит, все наши деньги взял Граф Монте Кристо.

– Воровка. Мы приютили настоящую воровку.

– Ладно, на билет у меня хватит.

– На один? У меня денег нет, – сказал я, наклонившись, чтобы завязать шнурки кроссовок. В одной из них лежала записка:

– Ребята, простите меня, пожалуйста. И да, мне очень нужны деньги.

– Она нас не обманула! – радостно сказал я, – вот деньги.

– Где? – спросил Лев. И добавил: – Это записка, а не деньги.

– Для меня все равно. Вера в Графа Монте Кристо для меня выше, чем деньги.

– Но в кино пойду я один, – сказал Лев.

– А я что буду делать?

– Читать это завещание.

Мы шли по Арбату. Было уже совсем темно. И вдруг в ряду проституток я увидел Монте.

– Она проститутка! – радостно воскликнул я.

Лев Толстой тоже удивился.

– Ты думаешь, теперь она расплатится с нами натурой? – спросил он.

– Я не против.

– Я тоже.

Мы уже почти подошли к трем девушкам среди которых стояла накрашенная, как профи Монте, когда ее снял лысый мен.

– Опоздали, – разочарованно сказал Лев Толстой.

Но тут Монте вытащила из заднего кармана мужчины большой черный бумажник. Он открыл ей дверь Мерседеса, а леди уронила платок. Парень нагнулся, и обнажил черный портмоне.

Теперь Монте увидела нас и воскликнула:

– О! как я рада вас видеть!

Интересно, чтобы она стала делать, если бы нас здесь не было. Леди побежала к нам и сказала, чтобы мы спасли ее.

– Кажется, ты сама хотела, – сказал Лев.

– Мы видели, как он снял тебя, – сказал я.

– Я потом вам все объясню, – залепетала Монте, – А сейчас я прошу вас спасти меня от этого монстра. Ну! – А этот мен прекратил свои раздумья, и уже приближался к нам.

– Мы заплатили этой проститутке две тысячи долларов, —

сказал я. – Теперь она наша.

– А что делать, – шепнул я Льву, – я не знаю другого способа спасти эту женщину.

– Так можно делать? – спросил лысый мен и представился: – Генри Морган. – Он мило улыбнулся и добавил: – Шу-чу. Просто Дерипаска.

– Дери, что, то есть кто? – спросил Лев.

– Извините, мы не поняли, – сказал я.

– Если я серьезно, то я Березовский. Недавно приехал

из Англии. Эту девушку я возьму себе. Она прекрасна. Поэтому... – он прищурился, как будто оценивал, хороша ли Шералесская, а? Четыре тысячи, – сказал он.

– Четыре тысячи долларов?! – не выдержав, ахнула наша Монте.

– Нет, – серьезно ответил Береза, – четыре тысячи фунтов.

– Четыре тысячи английских фунтов, – Монте сначала подняла глаза к небу, а потом опять схватила этого мена под руку. Я не верю, что это был настоящий Березовский. Он бы не приехал так просто в Москву. Он ведь очень боится русских контрразведчиков. Я решил проверить его. Надо же было как-то разоблачить его перед дамой.

– А мясо какой породы вы едите в Англии? Шаралесской? – Я-то был в курсе, что мясо этого быка жирновато. Не думаю, что настоящий Березовский ест жирноватое мясо. Думаю, у него хватает денег на настоящее мраморное мясо.

– Я люблю Абердин-Ангусов. И съедаю, как правило, пол быка за раз. – Я открыл рот, чтобы достойно ответить, но Береза трусцой побежал к своему темно-синему Мерсу. – Как баба, – подумал я, – любит синий цвет. Известно, что англичанки любят синий. Замечу к их чести, что любили они его еще до Аватара.

– Вы сорвали мне выгодный заказ, – сказала наша леди.

– Что я такого сказал?

– Просто он передумал, – сказал Лев Толстой.

Но тут мы увидели, что за Мерсом Березы бегут двое в штатском.

– Все ясно, – сказал Лев, – за ним следили. И добавил: – Нам надо уходить. Девушка согласилась, и мы быстро, через Старый Арбат, прошли к кинотеатру.

После Аватара мы решили, что эта девушка подходит нам обоим. Но она сказала, что этого не будет.

Мы оба в одних шортах стояли перед ее диваном.

– Вы оба думаете, что после всего случившего теперь будете спасать со мной по очереди?

– Да, – кивнули мы одновременно.

– Нет, идите в свою комнату.

– А вы, что будете делать? – спросил Толстой.

– Я буду смотреть телевизор, – ответила дама. И она натянула на себя одеяло. Теперь мы уже не могли видеть ее голых ног.

Перед тем, как лечь спать я сказал:

– Не могу понять, как мы будем жить с ней. Она ведь патологическая воровка.

– Может быть, она просто больна kleptomанией.

– Тогда бы она была богата, – ответил я. – Ведь только богатые болеют этой экзотической болезнью.

– Просто так эту ситуацию не поймешь, – ответил, уже засыпая Лев Толстой, – надо разделить ее на Войну и Мир.

Далее они бегут и попадают в иностранный легион, т.е. вербуются на Пандору.

На следующий день начали работать китайцы со своим рисом.

Монте подкатила на своих белоснежных роликах.

– Всего пять заказов! – эти наглые рисоеды перебивают наших людей.

– Почему это происходит? – спросил Лев Толстой, поправляя белый колпак на голове.

– Они торгуют дешевым мясом, – сказала Монте. И добавил: – Думаю, они жарят кошек и собак. Это живодеры.

– Надо их разоблачить, – сказал я.

– А я-то гляжу, что в этом благословенном районе пропали все кошки и собаки. Я уж грешным делом подумал, что это опять дело Лужкина.

Ночью мы следили за торговым автобусом китайцев. Под утро, когда спали уже все предприимчивые гаишники, подъехал большой китайский автобус. Из него прямо на асфальт стали выбрасывать ящики из металлической проволоки. В ящиках высотой всего пятнадцать сантиметров были зажаты по тридцать кошек. В других были собаки. Они тоже были упрессованы по десять и двадцать штук. Маленькие и большие.

Грузчики замешкались, и водитель вышел им помочь.

– Давай за руль! – прошипела Монте.

– Я никогда не водил такую большую машину, – сказал я. Тогда Лев побежал к китайскому мерседесу.

– А вот он умеет, – сказала Монте. Я не успел сказать, что этот великолепный парень не имеет даже прав на мотоцикл.

Лев нашел заднюю скорость, и раздавил две китайские легковушки. Потом проехал по рисовому автобусику. Обезумевшие китайцы начали стрелять. Клетки с собаками и кошками, предназначенными для этой точки, уже были выгружены. Мы начали закидывать их опять.

– Разве ты умеешь ездить? – спросил я, когда мы двигались уже по Садовому Кольцу.

– Да, – ответил Лев Толстой, – я видел это много раз.

– Где? – спросил я автоматически.

– В кино.

Монте испугалась.

– Выпустите меня, пожалуйста! – начала кричать она. Но Лев только увеличивал и увеличивал скорость.

Не знаю, как нас не остановили гаишники.

– Поворачивай к Кузьминскому парку, – сказал я. – Там мы выпустим собак и кошек.

– Мы этого не будем делать, – сказала Монте. – Их же всех убьет Лужкин.

– Тогда что мы будем делать? – спросил я. Толстой молчал. Он всецело был поглощен дорогой. Лучше его не трогать. Удивительно было уже то, что он так долго ехал по ноч-

ной Москве и никого еще не сбил. Но об этом не надо было даже думать. При выезде из парка Лев Толстой все-таки ударил мерина. Потом задел две гаишные машины.

– Просто я начал думать, как надо правильно ездить, – оправдывался он. – Вы сами сглазили мою интуицию, – сказал он. Хотя я, в общем-то, ничего не говорил. Только подумал.

Далее легион вместе с животными. – Замечание на полях. – А поля – это тоже часть Романа.

– Выруливай на Рязанский проспект, – сказала Монте. И добавила: – К Кусковскому парку.

– Не думаю, что мне удастся найти это место, – сказал Толстой.

– Я буду показывать тебе дорогу, – сказала Монте.

– Ты знаешь дорогу?! – воскликнул я. И добавил: – Ты говорила, что ничего не помнишь.

– Действительно. Я даже не знаю, откуда я это знаю.

– Вспомни все, – сказал Монте. – Теперь у тебя это получится.

– Вспомни хотя бы что-нибудь.

– Не могу.

Пока мы разговаривали Лев Толстой проскочил поворот.

– Теперь кати до Садового, – сказал я.

– Я боюсь еще раз туда ехать.

– У него уже один раз получилось, – сказала Монте, – этого достаточно.

– Тогда я сяду за руль, – сказал я. – Мне надо было давно это сделать.

– Нет, я еще не устал, – сказал Лев. Было ясно, что он не уступит. – Я полюбил это.

В конце концов, мы повернули на Ленинский проспект.

– Нам в какую сторону?

– Поворачивай к Кольцевой.

– Там нас точно остановят гаишники, – сказала Монте.

– Ты опять что-то вспомнила! – воскликнул Лев Толстой.

– Да, точно, – удивилась Монте. – Значит, я не инопланетянка.

Гаишники все-таки увидели нас. Одна машина поехала за нами, а еще две перекрыли нам дорогу спереди.

– Вызвали по рации, – сказал я.

– Что теперь будем делать? – спросил Толстой. – Я останавливаться не буду.

– И не надо, – сказала Монте. И добавила: – Это лишний риск. Они все равно двумя машинами не остановят наш бронепоезд. – Она помолчала и опять сказала: – Живой щит они поставить сейчас не смогут. Ночь – живых нет.

– Что? – не понял я.

– Ни одной живой души, говорю. Гаишники не смогут поставить нам щит из живых людей.

– Ты опять что-то вспомнила.

– Если бы у нас была возможность подольше покататься, я бы, наверное, вспомнила всё. Со мной что-то происходит.

Мы повернули к Университету.

– Остановись, я выпущу собак и кошек, – сказала Монте.

– Зачем?

– Остановись, я тебе говорю. Мы не сможем бросить их так. Нужно открыть клетки.

Мы остановились напротив входа с множеством ступенек. Я сбрасывал клетки на землю, а они их открывали.

– Осторожней бросай! – крикнул Лев Толстой.

– Ты ведешь себя, как китаец, – сказала Монте. – Бич! Они же разобьются! Прекрати бросать ящики.

– Ловите, мать вашу, иначе мы не успеем уйти. Что ты там бормочешь? – Мне слышалось, что она сказала Желтомордый. – Это я желтомордый?!

Монте промолчала, а Лев Толстой сказал, что все мы желтомордые. Монте отрицательно покачала головой.

– Я нет, – наконец сказала она.

Мы побежали к входу, перепрыгивая сразу через несколько ступенек.

Там была охрана. Мы даже не подумали об этом.

– У вас есть пропуск? – только и успел спросить милиционер. Да, там уже не было студенческой охраны, не было вах-

теров, там стоял милиционер.

Волна кошек и собак сбила нас с ног. Мы даже не успели ответить.

Они бежали с такой осмысленностью, как будто знали, направление. Монте считала, что они бегут за ней. Мы не знали, что в кинозале бы установлен Ретранслятор, что он был замаскирован под широкоформатный экран на сцене. Ночью здесь не было Молчановского. Какой-то заспанный парень в профессорских очках спросил только:

– На ночной сеанс? Проходите. И да? – спросил он, когда мы были уже на сцене: – Вы ведь из иностранного легиона?

– А что? – спросила Монте.

– Да по времени вроде бы немного рано. Нет?

– Мы боимся опоздать, – сказал Лев Толстой.

– На тот свет не опоздаешь, – улыбнулся парень.

– Никто не нашелся, что тут можно ответить.

Все прошли за кулисы. Парень пытался задержать собак и кошек, так как хотел проверить их по списку. Они были в списке. Они-то ладно, а вот мы-то откуда там взялись?

Удивительнее всего для меня было, что кошки и собаки, прибывшие в Там-Там вместе с нами, сразу потребовали себе бархатные штаны, белые рубашки и шпаги. Кошки сначала хотели потребовать себе черные японские кимоно и мечи. Мол, туда-сюда, мы нинзя. Но пока что этого здесь не было. Оказалось, что кошки и собаки протащили с собой несколь-

ко китайцев. Как это произошло, я так и не понял.

Замечание на полях:

– Неутомимый читатель может заметить некоторые противоречия в изложении событий. Например, в предыдущей части Пи захватил в плен Монте, и угрожал Дартаньяну расправиться с ней, если герой не сдастся. Потом начинается прошлое. И из этого прошлого Дартаньян, Лев Толстой и Монте попадают в Рай вместе с кошками и собаками, которых отбили у китайцев. Попадают, как можно думать в ту же опасную точку времени, где мы с ними расстались. Но нет, они тут же готовы вступить в бой с Дивизией Сарана Чи, как ни в чем не бывало. И нигде не написано, как эти ребята Дартаньян и Монте вырвались из пил двухголового Пили. Как будто они вдруг проснулись, и все плохое осталось позади. Опять все хорошо, и можно начинать сражаться с новой строчки.

Замечу, что замечание это очень важное. Как сказал бы Билл Клинтон:

– Это очень хороший вопрос. – Какой ответ лучше дать?

Вопрос, почему так происходит? Дело не в том, конечно, что не хочется подгонять одно бревно к другому очень точно. Ведь не зря, не просто так в Библии нет этой подгонки. Не просто так по недоразумению написаны Четыре Евангелия, а не одно. Точности в одном варианте достичь не удаст-

ся. И дело не в том, что мы не все знаем о прошлом, поэтому рассказы об одних и тех же событиях будут разными. Порой просто очень разными. Например, многие думают, что Куликовская битва была, и приводят разные подробности. Ну, а другие этих подробностей не приводят, более того, они считают, что Куликовской битвы вообще не было! Вот такая разница. И разница эта не в ошибке, а в природе вещей. Поэтому будем думать, что две не совсем одинаковые истории – это не ошибка, а наоборот:

– Правда жизни. – Ведь одинаковость – это всегда работа ножниц редактора. А реальность – это прямой эфир. В нем событие видится не совсем так, как это будет рассказано потом, после всестороннего анализа. Прошу прощения, пора в бой.

Зомбированная Маша

Перед последней ночной атакой на поле предстоящей битвы горели костры. Готовили прощальный ужин.

Далее, наши кошки и собаки готовили китайцев, которые от ужаса начали говорить: сошки и шабаки.

– Шабаки! – услышал я ужасный крик.

– Сошки! – пронеслось от другого костра.

Я подошел поближе, и понял, что на шампурах жарили китайцев. У одних костров были огромные кошки, у других большие, как медведи, собаки. Китайцы были привяза-

ны к длинным бамбуковым стволам, так что кто-нибудь один убежать никак бы не смог. Подошли Граф Монте Кристо и Лев Толстой.

– Они жарят китайцев! – сказал я.

– Им надо есть, – только и сказала Монте. Монте выглядела, – как мужчина. Хотя здесь не было полов, но приличным считался только мужской костюм.

На самом ли деле не было полов? А дальше, как же?

– Простите, что я вас отвлекаю, – сказала подошедшая дама, – но пора уже занять позиции для наступления. Вы здесь старший таракан? Я вас спрашиваю, вы здесь самый главный?

– Нет, что вы сказали до этого?

– До? До чего до этого? – дама сделала удивленное личико. Это была Маша Миронова.

– Ну, вы сказали что-то до этого? Представляете, она что-то сказала до этого, – обратилась Монте с своим друзьям Льву Толстому и мне. – И я думаю, она что-то сказала про тараканов. Вы уверены, что это говорили? – Монте уставилась в лицо Маше.

– Разумеется, я это говорила, – сказала Маша. И добавила: – Мать твою, а кто же вы еще?!

– Кто мы? – и мы одновременно вынули шпаги. – Мы мушкетеры.

– Ну, хорошо, хорошо, ну мушкетеры. Вы из отряда До-

МОВОГО.

– Какого на – слово на слабое х – еще Домового? – грубо спросила Монте. И добавила: – Мы не знаем никакого Домового. Мы добровольцы.

– А! – радостно воскликнула Маш, как будто всю жизнь искала именно добровольцев. – Вы-то мне и нужны.

Она повела нас мимо костров, на которых кошки и собаки готовили китайцев. Это были именно те кошки и собаки, которые прибыли вместе с нами. Они еще помнили своих врагов. Поэтому потребляли китайцев без всякой брезгливости, с большим удовольствием.

– Ну, просто, как китайцы, – сказала Маш.

– Да, вы правы, – сказал Лев Толстой, – едят с большим аппетитом. – И добавил: – Ну, прямо, как китайцы ели кошек и собак. Я знаю, я вам потом расскажу.

– Вы мне? – Маш окинула Льва Толстого с головы до ног и обратно. Но ничего не сказала. У него осталась надежда. Но тут она опять сказала: – Вы не понимаете, как вы можете мне понравиться? – Она опять обернулась и еще раз окинула Льва оценивающим взглядом.

– А в чем дело, чем я плох? – Он посмотрел на себя. Правда, не выше головы.

– Но таракан, – сказала она просто.

– Я таракан?! – ужаснулся Лев. Он просто посчитал это

оскорблением. – А ты кто, сука?

– Я кошка.

– Ты кошка, – повторил он. И добавил: – А я таракан?

– А ты сам не видишь?

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Толстой и посмотрел назад, на нас с Монте. – Вы слышали? Я таракан.

Тут остановилась Маш.

– Да вы что? На самом деле не понимаете, что вы тараканы?!

– Нет! – хором ответили мы. И даже не стали ее оскорблять. Настолько мы были загипнотизированы ее изумленным видом.

И тут мы прозрели. Внимательно осмотрели друг друга и упали на землю. Как это могло произойти?

– Как это могло произойти? – спросил я Маш, когда очухался. – Все остались кошками и собаками, только большими, а мы почему-то стали тараканами.

– Не знаю, – ответила Маш и еще раз брызнула мне в лицо холодной водой. И добавила: – Вы в норме?

Лев Толстой сказал, что во всем виноват я.

– Это ты мечтал стать мушкетером, – сказал он.

– Если это так, то все понятно, – сказала Маш. – Тараканы лучше всех фехтуют. Даже лучше саранчей иногда.

– Не, не, не! – замахал я руками. – При чем здесь я? Дартаньян-то ты, а не я!

Монте шла молча, но тут спросила:

– Кто такие саранчи?

– Саранчи? – переспросила Маш и осмотрелась. – Сейчас узнаете.

И тут же сеть, огромная сеть упала на голову Монте. Она закричала:

– Спасите!

– Успокойтесь, – сказал один из парней, одетый в костюм саранчи, и приставил короткий меч к ее горлу.

– Мы из службы иностранной разведки, – сказал второй с сетью и трезубцем. Черный, как негр.

– Это что?! мутация? – спросил Лев Толстой, заикаясь и указывая пальцем на негра. – Никогда не думал, что бывают черные саранчи.

Вербовка. Мечты Пи.

– Заткнитесь, ублюдки, – сказала Маш. И добавила: – Это просто маскировка, чтобы свои же не грохнули. И да, это вам. – Она показала на серебристые, как русские мерины, костюмы саранчей.

– Представь, что ты инопланетянин в фильме Стивена Спилберга: Люди в Серебристом, – сказал мне Лев Толстой. И добавил: – Тебе необходимо принять человеческий образ, иначе тебя грохнут на первой же автозаправке.

– Никогда не думал, что это и есть человеческий образ, –

сказал Лев.

– Если не думал, зачем заставляешь думать меня? – спросил я, надевая надушенный Богартом серебристый костюм саранчи. Думаю, это сделали специально, чтобы мы не сопротивлялись переодеванию. А так он пах, наверное, очень дурно. Как падаль. Это можно бы использовать для рекламы Богарта. Пахнувший падалью саранча душит одеколоном и соблазняет Мону Лизу. Или Кондолизу.

Да, не зря говорят: помяни черта, а он тут, как тут. Это были легендарные контрразведчики Со и Ла. Они прибыли на Там-Там, можно сказать, в последнюю минуту, как Представители Света, чтобы покончить, наконец, с Эстетамы, то есть Силами Тьмы. Эти Песеты, Представители Света, как они себя называли здесь, вживили Маше чип предательства. Теперь она считала себя разведчиком, который шпионил на стороне Эстетов, а теперь вернулся домой. Ну, можно сказать, что этот чип сделали из клеток Фишера, законсервированных когда-то КГБ на Лубянке. Когда пришло время стало легко штамповать разведчиков. Был бы человек хороший. Со и Ла были, можно сказать, друзьями Криатора. Ну, а кто, если не друзья? если иногда они вместе мылись в бане. Был и еще один аргумент. Эти ребята были одержимы манией поймать когда-нибудь Кондолизу Райз. Иногда их разум настолько заикался, что они думали, что ловят Мону Лизу. Считалось: это допустимый дефект разума. Другим такой чип не доверишь, ибо ЦРУ и ФБР охотились за этим чипом

отчаянно. И это несмотря, что на Земле была уже принята Конвенция о прекращении всех войн. В том числе и холодных. Все уже тянулись к свету. Но, как говорится, в то же время никто до конца не верил в существование правил без исключений. Наука, пока что не допускала таких возможностей.

– Сколько их ни сажай, – сказал как-то Пи, – а они все равно говорят, что исключения должны быть. – Здесь он тоже мечтал завести свою Шарашку, но пока что руки не доходили. Да и не было на Там-Таме автомобилей, чтобы принять с помощью ученых в Шарашке хорошие штрафы для них. Пусть и с некоторыми исключениями в угоду древности. Еще в своей деревне, когда был маленьким, Пи представлял себя гаишником. Разве там были автомобили? А он автомобилями называл свиней, которых пас. Наклеивал на них номера и предлагал пройти техосмотр. Учил правилам левостороннего движения. Уже тогда подсознательно он мечтал сбежать в Японию или в Англию. А попал даже дальше. На Там-Там. Здесь он пока что никак не мог придумать, за что бы штрафовать народ. Расстреливать за трусость? Нет, ибо саранчи ничего не боялись, они бросались в атаку, как заведенные игрушки. Можно бы, конечно, подумать. А если подумать, то можно всегда штраф придумать. Да времени все не было. Сплошные бои.

В ресторане Квента. Чип Предательства

– Попались, как бараны. Как бараны! – шептала в отчаянии Монте.

– А что ты так расстроилась? – сказал Лев Толстой, когда мы очутились в двухэтажном ресторане. – Сейчас закажем грузинские лепешки, английскую говядину от Абердин-Ангуса.

– Это недостаточная компенсация, – сказал Лев Толстой. – Они сделают нас монстрами. Вот, видишь эти шкуры? Мы будем такими.

– Почему вы так думаете? – спросил я.

– Надо быть человеком, совершенно лишенным какой-либо интуиции, чтобы не понимать: они нас обязательно зомбируют, – сказала Монте.

– Надо как-то запомнить это, – сказал Лев Толстой.

– Надо сделать узелок на память, – сказал я.

– Я сделаю, – сказала Монте. Она сняла с шеи медальон, в котором была очень маленькая свадебная фотография. Она завязала на шнурке узел. И тут же сказала: – Когда-то этот медальон висел на цепочке. На золотой цепочке.

– Что будете заказывать? – спросил Со. – У нас есть грузинские лепешки и говядина из самой Англии.

– Абердинская? – спросила Монте. – Мы-то ведь хотим только Абердинскую.

– Абердинская, Абердинская, – пролепетал Со.

Ла в белом фартуке принес серебристый поднос с большим куском мяса на ребрах. Внизу ребра, сверху зажаристое мясо.

– Только этот кусок становится больше после жарки, – сказал Ла. И добавил: – Именно поэтому я его люблю.

– Я тоже поэтому его люблю, – сказал Со.

– Здесь на всех не хватит, – сказала Монте. – Напрасно вы облизываетесь.

– У нас ест свой, – сказал, выходя из кухни шеф-повар. Это был Квент.

Монте посмотрела на него и спросила:

– Это вы сняли Некоторые Любят по Горячей?

– Нет.

– Но как же? – она как будто опять что-то вспомнила.

Мы начали есть. Мясо нарезали очень острым ножом тонкими, тонкими листочками. Оно дымилось, сворачивалось в трубочки и пахло. Так пахло, так пахло! Очень ароматно.

– Наверное, это запах травы, которую ели быки, – сказал Лев Толстой.

– Да, – согласилась Монте. И добавила: – Перед смертью.

– Никто не испортит мне аппетита, – сказал Лев Толстой.

– Нам тоже, – сказал Квент. И добавил: – Я бы всегда работал шеф-поваром.

– В чем же дело? – спросил я.

– Кто-то же должен снимать кино, – сказал Квент.

– Если вы не снимали Некоторые любят по горячий, – сказал я, – то, что же вы снимали? Думаю, все остальное мало существенно, – сказал я.

– Понимаете ли, молодой человек, – сказал Квент, наре-
зая себе еще три листика горячей говядины, – одна идея су-
ществует одновременно в нескольких точках пространства.
Понимаете? Я снял фильм на эту же тему.

– Как он называется? – спросил Лев Толстой.

– Охотно отвечу. Это широко известный фильм.

– Ну, а как он называется? – чуть не подавившись куском
говядины, нетерпеливо спросила Монте.

– В Джазе Только Девушки. – Квент налил себе большую
кружку чешского пива и выпил сразу почти всю.

– Это вы сняли? – спросил я.

– А кто, по-вашему, это снял? – только и сказал Квент
и допил свое пиво до дна.

– Сейчас у вас есть какие-нибудь планы? – спросил Лев
Толстой.

– Да, вот ребята недавно прибыли сюда, к нам и привезли
новость. – Он ножом указал на Со и Ла. – Говорят, Джеймс
Камерон заболел. Предлагает мне снять вторую часть Ава-
тара. Ну, если я не против, конечно. – Он поднял руку, за-
ранее предполагая вопрос. – Конечно, я буду снимать. А что

здесь, то есть в Там-Таме снимать. Не надо даже ничего выдумывать. Просто полечу на воздушном шаре и сниму всё, как было.

– Что еще вы сняли? – спросил Лев Толстой. – Форест Гамп?

– Сам ты как Форест Гамп, – сказал Квент и добавил: – Я снял великолепный фильм В Окопах Эстэ. Про Александра Матросова. Слышали?

– Конечно, слышали.

– Вы должны сказать нам всю правду.

– Какую правду?

– Кто вы? Зачем прибыли сюда? Вы агенты Моссада?

– ФБР?

– ЦРУ?

Застрочили они, как из пулемета.

– Это называется перекрестный допрос? – спросил я.

Далее, введение чипа преданности Криатору.

Мы перешли в курительную комнату. Она была здесь же, в зале, просто из-за стола мы пересели на диваны.

– Когда нам будут вводить чип предательства? – спросила Монте, выпустив струю дыма.

– Какой еще чип? Нет никакого чипа. А, впрочем, извольте, скажу, – и этот парень встал, подошел к бару и повернулся лицом. Он заложил руки за спину, как будто человек, приговоренный к большому сроку на этой планете.

Встреча Абеля и Березы. Инопланетяне

Никто, кстати сказать, не знал, что это такое. Если планета, то почему она не видна с Земли. Если это просто другое пространство, то где оно находится. Поэтому решили, что это место Там-Там, не соотносимое с Землей. Так называемое вариантное пространство. Попасть в него логическим путем практически невозможно. Настолько мала эта вероятность. Но американцы когда-то подобрали в пустыне Сахара двух разбившихся инопланетян. И... и в конце концов с их помощью был найден Там-Там.

Два джипа и автобус вывозили из пустыни инопланетян. Предполагалось нападение русских разведчиков. По этой причине в число сопровождавших был включен федеральный маршал, которому дали имя Томми Ли Джонс.

Он выпил виски и лег спать на заднем сиденье джипа. Когда ему сказали, что навстречу едут два мерса, Томми ответил, что его это не касается. И просил больше не будить.

– Пока никто не бежит, – добавил он.

Русский по кличке Абель получил задание захватить инопланетян.

К нему подошли, когда он в парке Горького играл на бильярде.

– Сыграем?

– По пол косых?

– По пол косых.

– В американку?

– В американку.

Долго они играли. Много коньяка выпили. И задолжал Абель этому человеку десять тысяч. Даже не заметил, как это произошло.

Потом поехали в Украину. Сняли там телок и трахались с ними в номере до самого утра. Потом... потом спали до вечера и спустились в ресторан ужинать.

– Спасибо тебе, Боря, – сказал Абель. – Я тебе, кажется, должен? И добавил: – А может, нет? Я уже что-то плохо помню.

– Конечно, должен. Десять тысяч баксов.

– Да брось ты! Мы же друзья.

– Хорошо, – Боря придвинул к себе только что принесенный стейк. И добавил: – Тогда подари мне по-дружески одну вещь.

– Что хочешь, – сказал Абель. – Говори.

– У тебя есть два инопланетянина. Отдай их мне.

– Пожалуйста. Но... если можно, доплати мне еще десять тысяч. И знаешь почему? Я те десять тысяч, про которые ты говоришь, не помню.

– Хорошо. Чек или наличные?

– Я люблю кеш.

– Вот. – И Боря выложил на стол две пачки по пять тысяч. Абель сразу убрал деньги в карман.

– Я обещал тебе ино... инопланетян? Я правильно произношу? Именно инопланетян, а не кого-нибудь еще?

– Да.

– Отвечу тебе так же просто. У меня нет инопланетян.

– Ты много чего не знаешь, Абель.

– Ты не знаешь, например, что ты разведчик.

– Я разведчик?! – И Абель расхохотался. Он так сильно смеялся, что официант подошел к их столику и спросил:

– Желаете еще что-нибудь?

– Принесите бутылку вина урожая 1953 года

– Красного или белого? – спросил официант.

– Половину красного, половину белого, – сказал Абель. –

Смешать, но не взбалтывать.

– Не нужно, – сказал Боря. – Принесите красного. Ведь к красному мясу подают красное вино. И да, – обратился он к Абелю, когда официант ушел, – твой отец записал тебя в КГБ. Тебе тогда было пять лет. Но ты был уже в звании сержанта. Да, у твоего отца были большие заслуги перед народом. Он имел право так сделать. Но до сегодняшнего дня о тебе не вспоминали.

– Теперь пришло время? – улыбнулся Абель.

– Можно и так сказать. Просто сейчас я назначен директором этой лавочки. И мне удалось найти секретный файл. То-

гда, в 153, в разбившемся космическом корабле было не два, а четыре инопланетянина. Томми Ли Джонс и твой отец поделили их пополам.

– Этот корабль упал не в пятьдесят третьем, а в сорок третьем году.

– У тебя есть такая информация? А говорил, что ничего не знаешь.

– Только это я и знаю. Это фотография танка Т-34. На нем написан год 1943. И на этом танке сидят два инопланетянина. Я всегда думал, что это немецкие куклы. Теперь я понимаю, что это были инопланетяне.

– Где эта фотография?! – быстро спросил Борис.

В это время подошел официант с бутылкой вина. Но это был уже другой парень. Борис положил ладонь на руку Абеля.

– Пока ничего не говори.

– А... где наш официант? – спросил Борис. Он увидел, как рука официанта в белоснежном кителе с двумя желтыми кантами поползла из салфетки, которой он держал бутылку. – Ложись! – успел крикнуть Борис и толкнул Абеля. Он выстрелил два раза в официанта, но тот все-таки успел один раз нажать на курок. Пуля попала Абелю в плечо. – Хорошо, что не в глаз, – Борис Бер успокоил Абеля, который лежал на обломках стола из красного дерева.

– Я не могу подняться, – сказал Абель. – У меня адская

боль в плече. Думаю, перебита ключица.

– Зато он уже мертв, – сказал Борис Бер. Он указал еще дымящимся пистолетом на убитого официанта. Одна пуля попала ему в правую сторону груди, другая в левую. – Я всегда так стреляю, – добавил ДКР. Он действительно был тогда директором контрразведки. Ты не спросишь почему? А потому что вдруг это инопланетянин. А них сердце может быть и справа. И знаешь почему?

– По-че-му? – едва смог выговорить Абель. Он сидел на стуле, свесив голову. Правой рукой он держался за левое плечо.

– А потому что, – с увлечением начал объяснять контрразведчик, – они иногда путают при земной адаптации право и лево. Они смотрят на человека, и думают, что надо стать таким же! Понимаешь? Они-то думают...

– Пожалуйста, сэр, – едва слышным голосом проговорил Абель, – прекратите пороть чушь. Мне нужна медицинская помощь.

– Я специально разговариваю с тобой, чтобы ты не уснул до приезда реанимации. Держись парень.

Они заехали в больницу, а потом сразу на квартиру Абеля на Кутузовском проспекте. Парень был удивлен, что в Украине их легко отпустили. Этот Бер только показал свое удостоверение, и толпа менов в штатском расступилась. Хотя Абель, как сын легендарного разведчика, несмотря на боль

в плече, смог заметить на лицах некоторых агентов оскаленные, как у волков перед нападением на лошадь большие зубы. Но сейчас он был их сильнее.

Квартира оказалась разгромлена. Везде были разбросаны бумаги, сломаны даже стулья, аппаратура валялась на полу.

– Где была фотография? – спросил Бер.

– В Библии, – ответил Абель. Он прихрамывая прошел к книжному шкафу. – Они не нашли ее! – воскликнул он. Странно, но Библия и еще несколько книг так и остались лежать в шкафу. Хотя остальные были разбросаны на полу. Он вынул фотографию и сказал, что, наверное, им помешали.

– Кто-то им помешал, и они, не закончив обыск, скрылись.

– Или...

– Что или?

– Нет, ничего. Примем твою версию.

Далее, поиск инопланетян. Они слишком долго пролежали в пустыне. И приняли тела Ада по прозвищу Андеграунд и Апа по прозвищу Апшерон или Ахерон.

Они прошли на кухню. Здесь тоже все было перевернуто. Только фирменная соковыжималка стола на стойке. Борис сделал два фреша из моркови.

– Выпей, тебе станет легче.

– Я лучше пива, – сказал Абель

– Где нам искать инопланетян? – спросил после некоторо-

го молчания Абель. – Ума не приложу.

– Но ты уже в них веришь? – спросил Бер. Он сделал глоток морковного фреша. – А знаешь, мне нравится.

– Божественный напиток – это пиво, – возразил Абель.

– Выпей еще.

– Я обычно не пью больше одной бутылки сразу.

– Почему? Американцы вон с упаковкой садятся смотреть телевизор.

– Я не сижу дома, как они. Где в электричке искать туалет. Между вагонами?

– В электричке? А при чем тут электричка?

– Вот, – Абель поднял с пола счет за свет, – придется ехать.

Борис встал вплотную к Абелю и внимательно посмотрел на бумажку, которую держал в руке Абель.

– Откуда он взялся?

– Вероятно, упал с холодильника, когда я открывал дверь, чтобы взять пиво. Не помню, чтобы я его сюда клал.

– Откуда тогда он взялся?

– Не знаю.

– Но это счет на твое имя?

– Да.

– И ты его сюда не клал?

– Нет.

– Нет? Или точно, нет?

– Теперь вспомнил, – ответил Абель. – Точно, нет.

– Значит, его сюда положил кто-то другой. И это был тот, кто делал здесь обыск. Возможно, они искали то, что было у них в руках. Понимаешь? – спросил Бер.

– У меня рука болит, – ответил Абель. – Поэтому я могу сообразить только, что они могут сейчас сюда вернуться.

– Молодец! – и Борис хлопнул Абеля по плечу. Парень вскрикнул и чуть не упал от боли. Не обращая внимания на крик и боль Абеля, Борис добавил, что это очень хорошо.

– Значит, они не запомнили адрес на счете, – добавил он. – Это прекрасно, это великолепно.

Абель отскочивший к окну после удара Бориса увидел подъехавшую к подъезду черную машину.

– Джип, – сказал он, – думаю это они.

– Да, это они, – сказал Бер. Он увидел, что двое выпрыгнули из джипа и быстро пошли к двери в дом. – Уходим. Да, надо уходить, – добавил он. – Но что-то здесь не сходится.

Они поднялись на этаж выше, и выждали пока два бойца подойдут к двери. Потом Бер вынул большой автоматический пистолет, накрутил на ствол глушитель и спустился на несколько ступенек. Абель думал, что он выстрелит этим бандитам в спину. А то ведь, если это профессиональные киллеры, можно и самому нарваться. Но Бер свистнул. Идиот. Абель даже зажмурился. Пистолет Бера зазвенел, как колокольчик. Он остановился только тогда, когда всадил в цели

по четыре пули. И все же один раз кто-то из киллеров успел выстрелить. Точнее, это были два почти слившихся в один выстрел. Это прозвучало, как ТТ. Опять! Что? нельзя обойтись, что ли, без этого пистолета? Но это было совсем другое оружие. Просто стреляло таким дуплетом:

– ТТ. – Но киллер промазал. Только волосы на голове Бориса слегка шевельнулись.

Надо было быстрее уходить, но Борис все-таки остановился и перевернул этих ребят на спину.

– Где-то я их видел, – сказал Абель. Это были парень и девушка, но одетая, как мужчина.

– Очень странно, – только и сказал Бер, и они побежали вниз по лестнице.

Абель попросил двигаться чуть медленнее.

– А то у меня очень плечо болит. – И добавил: – Почему вы не сделали контрольные выстрелы.

– Забыл, – просто ответил Бер. – Я не настоящий убийца.

– Они бы нас не пожалели.

– Это точно. Но, думаю, у них уже не будет на это времени.

Он ошибался, эти ребята не умерли.

Глава шестая

Секретная записка Абея. Дом в деревне

Дальше я приведу записку Абея. Он написал это прежде, чем исчезнуть. Записку нашли в его новом доме на Рублевском шоссе. Тот дом, куда они поехали после того, как Борис Бер стрелял на лестнице.

Мы прошли мимо джипа, и никто нас не остановил. Мне показалось даже, что там и нет никого. Но проверять мы не решились. В электричке мы почти все время провели в тамбуре. Курили почти непрерывно.

– Наверное, это бомжи, – сказал я.

– Ты говоришь, что в этом доме нет централизованной проводки. А генератор был сломан, – Борис смотрел в окно на мелькающие поля.

– Да. В этом доме я не был шесть лет.

– Точно там поселились бомжи.

– Нет, не думаю. Их бы вычислили.

– Шесть лет! – еще раз повторил Борис. – Почему вы не продали его.

– Не знаю. Никто мне не предлагал купить его.

– Хороший ответ для разведчика. Хотя вы и не развед-

чик. – Борис помолчал. – Если там кто-то живет, вряд ли мы найдем какие-то важные бумаги. Там хоть был чердак? Может быть, дом заняли приличные люди, и все ваши вещи снесли на чердак?

– Вряд ли.

– Почему?

– Если бы это были порядочные люди, они бы, по крайней мере, заплатили за свет. Не говоря уже о том, что приличные люди не заняли бы чужой дом.

– Может быть, это какие-то ваши дальние родственники?

– Не думаю.

– Очень хорошо, – сказал тогда Бер, – значит, мы едем туда, куда надо.

– Что?

Но он только ответил, что мы уже приехали.

Мы шли по зарослям черной смородины. Почему-то ее никто не собирал. Но вскоре мы облегченно вздохнули. Нам встретилась девчонка с корзинкой.

– Как тебя звать, девочка?

– Анна.

– Скажи, Анна, где люди? – спросил я.

– Так сегодня же пятница.

– А что, пятница, постный день? – спросил я.

– Нет, день сегодня обычный, скоромный, – ответила Анна. И добавила: – Просто никто еще не приехал. Рано.

– Так здесь постоянно никто не живет? – спросил Бер.

– Нет, никто.

– Почему?

– Это трудная жизнь. Нет воды, нет электричества, – ответила Анна.

– И газа, – добавил Бер.

– Нет, газ иногда бывает, – ответила Анна. И добавила: – Из-за этого здесь никто и не живет. – Она посмотрела на часы. – Вот через два с половиной часа опять начнется.

– Утечка газа? – спросил Борис. – Здесь проходит газопровод? – обратился он ко мне.

– Нет, раньше не было здесь газопровода. В экологически чистом месте это запрещено.

– Откуда же газ? – недоуменно переспросил Бер. – Ты не знаешь, откуда выходит газ, Анна?

– Он выходит из черного дома.

Оказалось, что этот газ выходит из какого-то черного дома уже три года. Было изменено даже расписание электрички. Она приходила через час, после того, как газ переставал идти. За час и пока они шли к домам, газ успевал рассеяться.

– Удивительное явление! – воскликнул Бер, – и никто ничего не может сделать?

– Нет, все боятся.

– Чего?

– Не чего, а кого, – сказала Анна и сделала большие глаза.

– Кого же? – спросил я. – И добавил: – Домового, что ли?

– Сам ты как домовый. В этом доме живут киллеры.

– Киллеры? Кто тебе сказал?

– Я сама их слышу почти каждый день. Стреляют и стреляют. Так это ТТ, ТТ, ТТ.

Далее, как сама Анна живет в этой деревне одна?

Мы вышли из кустарника и через поле направились к деревне. Она тоже была окружена небольшим лесом.

– Вон он тот дом, шестой отсюда, – сказала Анна. – А мой напротив.

– Шестой? – переспросил я. И добавил: – Точно.

– Абсолютно, – ответила Анна.

– А что ты так удивляешься? – спросил Бер.

– Это мой дом, – ответил я. – Только раньше он не был таким черным.

– Ты с кем живешь? – спросил Бер у Анны.

– Я? Ну, я живу сейчас одна.

– Сколько лет?

– Ну, уже два дня. Они забрали моего деда, – она указала на черный дом. Он хотел с ними помириться, взял четверть самогона и ушел. С тех пор я не могу его найти. Может быть, поищем вместе? Пойдемте, их сейчас нет дома. Пока их нет, мы все обобщем. – Анна потащила нас к черному дому.

– Пойдем, – сказал Бер, – это ведь твой дом.

Удивительными были две вещи. Этот крайний дом был единственным, который был подключен к электрическому столбу. И в доме был счетчик!

– Это мой дедушка им поставил, – сказала Анна.

– Он электрик?

– О! да. Он электрик.

Мы обошли весь дом, но не обнаружили ничего подозрительного. В подвале был еще не до конца смонтированный генератор. В углу стоял холодильник, но он еще не был подключен. Однако пиво в этом холодильнике уже стояло.

– Здесь не меньше двух фура, – сказал Бер. – Зачем им столько пива? – спросил он Анну.

– Они больше ничего не пьют, – ответила Анна. – Пьют бутылочное пиво и едят раков.

– Всех раков, наверное, сожрали в округе? – сказал Бер.

– Не-а, у нас их полно. Целая река, – ответила Анна.

– Ты их тоже ешь? – спросил я.

– Нет.

– Почему? – спросил Бер, продолжая осматривать подвал.

– Потому.

– Почему потому?

– Ну, как почему? У меня же нет пива.

– Понятно. А они, значит, пьют это пиво, – я взял бутылку и бросил Борису. – Хочешь, – обратился я к Анне.

– Не знаю. Это же не мое пиво, – ответила она. – Впрочем, давайте. Ведь это ваш дом, а значит, хотя бы часть пива должна принадлежать вам. – Она взяла бутылку, потом попросила меня открыть ее. – Я видела, как они открывают, но боюсь испортить зубы. Дед мне говорил, что пива открывают зубами только инопланетяне или черти.

– Вот как! А эти ребята, что живут здесь, кто они – черти или инопланетяне?

– Думаю, что они черти. И знаете почему? Инопланетян не бывает. – Она попробовала пиво и поставила бутылку на большие весы, которые стояли тут же на полу. – Я думала, что оно сладкое, – сказала она.

– А ты никогда не пробовала?

– Да пробовала. Да опять забыла. Мне все кажется, что пиво в таких красивых бутылках должно быть сладким. Я не могу привыкнуть к горькому.

– Как выглядят эти бомжи, что живут здесь? – спросил Бер. – Это люди?

– Да люди, как люди. Только во время газовой атаки они начинают играть в войну и залезают в танк.

– Они надевают противогазы? – спросил я.

– Нет. Они сами становятся, как противогазы. И меня приучили. Я ведь газа-то не боюсь, Поэтому и остаюсь здесь. Не уезжаю в город.

– Где у них танк? – спросил Бер. – Он из фанеры. Или

из пивных бутылок?

– Ну ты скажешь! Это настоящий танк.

Мы поднялись и вышли во двор. Танк стоял с задней стороны дома. Мы его даже не заметили, когда входили. Это был настоящий танк Т-34.

– Это они, – сказал наконец Борис Бер. Они сами показали нам путь сюда. Видимо они слишком долго нас ждали.

– Вы думаете, что киллеры, которых вы убили, были эти инопланетяне? – спросил я.

– Скоро мы это узнаем, – ответил Борис. – Если это были действительно те инопланетяне, которых нашли в пустыне Сахара в пятьдесят третьем году, то так просто они умереть не могут.

– Не могут, не могут, – сказала Анна.

Далее рассказ Анны.

Рассказ Анны. Я летаю. Танк Т-34. Рубиновые и Изумрудные Звезды. Бер удочерил Анну. Вход в Там-Там.

Однажды они напились и заставили дедушку сесть в машину. Это был старый пикап Тойота. Теперь его уж нет. Дедушка двигался вдоль реки, потом повернул и поехал через поле, где эти ребята вырыли окоп. Они обстреляли его машину из пулемета, а потом пошли в атаку с автоматами наперевес. Пулеметная очередь пробила капот машины в нескольких местах, и она задымила. Потом заглохла. Дед побежал

к водокачке.

– А надо было бежать к шоссе, – высказал свое понимание боевого искусства Бер.

– Но Ад и Ап поступили так, как они говорили, поступили русские на Курской Дуге.

– Что это значит? – спросил я.

– Они дезинформировали Транса, так они звали моего деда.

– Вероятно, это прозвище произошло от слова трансформатор, – сказал я.

– Совершенно верно, – сказала Анна. И добавила: – Он же великий электрик! – Анна хотела еще что-то добавить, но Бер перебил ее.

Он сказал, что не понял, о какой дезинформации идет речь.

– Они подговорили Лешку-дурачка, чтобы он за между прочим сказал Трансу, будто бы на подступах к шоссе Андеграунд установил автоматическую ракетную установку под названием Герда.

– Я уж думал, что Катюша, – сказал я. И добавил: – Выходит, что они были немцы, а твой дед русский.

– Не думаю, – ответила Анна.

Далее они находят вход в Там-Там. Ведь за этим и ведется этот рассказ.

– Этот танк когда-нибудь ездил? – спросил я.

– Нет.

– Тогда зачем он здесь?

– Зачем он здесь? – Анна почесала голову. – Они там прячутся, когда приезжает милиция. Раз – и их нету. Ведь кроме меня и дедушки никто не верит в их существование.

– Но, а как же пиво? – удивленно спросил Бер.

– А вот они говорят, что это мы ворует ваше пиво.

– Как это? – не понял я.

– Застали нас здесь с дедушкой и говорят, что мы ворует здесь ваше пиво.

– Мое пиво?! – удивился я.

– А чье же? Ведь это же ваш дом.

– По-вашему, Анна, выходит, что этих инопланетян не видел больше никто, кроме вас с дедушкой?

– Скорее всего, – ответила Анна.

– Может быть, это просто ваша выдумка? – спросил я.

– Ну, ждите их здесь, проверяйте! Может быть, дождетесь своей смерти, – сказала она.

Пока пили пиво Анна рассказала, что инопланетяне вселились в двух журналистов, которые приехали, чтобы разузнать об аномальных явлениях. Слухи все-таки были.

А как это было? – спросил Бер. – Вселился!

– Так вы, что? ни разу не видели? – Она радостно засмеялась.

– Так это было не в первый раз? – спросил я.

– Разумеется.

Борис только покачал головой. Я улыбнулся.

– Один из них вселился в меня. И я делала, что хотела. Я летала. Над рекой. Над поймой. Я спустилась в пойме прямо на дерево. На этом дереве росла крупная и такая сладкая черемуха, что я не могла наесться. Ела и ела, ела и ела, ела...

– Когда это было-то? – спросил Бер.

– Да вчера и было.

– Э-э, мы попали, – сказал Бер. – Все вранье! Как я сразу не понял. Какая черемуха?! До черемухи еще два месяца!

– Да?! А это? – И она показала свои синие зубы и черный язык.

– Все равно не верю, – сказал Бер.

– В общем, я вот что вам скажу, ребята. Если вы не верите в черемуху, то в инопланетян тем более не сможете поверить. Да зачем вы тогда их ищете, я спрашиваю? Как было хорошо! Я почти научилась летать. Так бы сейчас и полетела. – Она подняла руки. Подпрыгнула, но ничего не вышло.

– Да она пьяная, – сказал Бер. – Зачем ты ее напоил?

– Я? Да она выпила всего одну бутылочку ноль тридцать три. Вот малолетка! Летать она захотела.

– Эх, жаль, не научилась. А так хорошо было! Красота. Бывало, летишь и так хорошо, все видно сверху.

– Хватит врать.

– Да пусть врет, жалко, что ли. Ну, и что такого интересного ты видела? – спросил я. Я, спросил просто так, не надеюсь услышать ничего реального. Но она сказала, что видела свет.

– Где? – спросил я.

– Наверное, там, – сказал Бер, – где растет черемуха.

– Нет, этот свет был здесь!

– И в это время один инопланетянин был в тебе?

– Он был вокруг меня! Так будет правильнее говорить, – сказала Анна. – А второй в это время отъехал на танке.

– Ты говорила, что танк никогда не ездил? – сказал Бер.

– Это было единственный раз. Тем более я была на высоте.

– Значит, ты видела свет?

– Да, это был зеленый свет. Он шел из глубины Земли. Эти ребята начали переговариваться между собой. И я слышала позывные.

– Какие позывные? – спросил Бер.

– Это было такое тиканье: Там-Там, Там-Там, Там-Там.

Мы залезли в танк, открыли нижний люк и спустились по винтовой лестнице.

– Ничего особенного, – хотел сказать я.

Но в углу была еще одна дверь.

– Кровати, – сказал удивленно Бер. – Ничего не понимаю.

– Чего ты не понимаешь? – сказал я. – По-моему, здесь была Шарашка. Он даже остановился от такого заявления.

Потом мы увидели большой зал с очень высоким потолком.

На стене справа был магический круг. Внутри круга красным стеклом была выведена пятиконечная звезда. Когда мы вошли, свет загорелся автоматически.

– Зачем нужна вторая звезда? – спросил я.

– Какая вторая? – спросил Бер. – Где? Я не вижу.

– Я ее уже видела, – сказала Анна, выступая вперед. –

Включите свет.

– Свет горит, мэм, – сказал Бер насмешливо.

– Сам ты свет, – сказала Анна. Она показала на компьютер, который стоял на столе около сцены. – Я сама включу, я разбираюсь в этом деле.

И действительно, она подошла к компьютеру, нажала пять раз, и мы увидели изумрудную звезду.

– Вы в курсе, ребята, – сказала Анна, – что эти звезды драгоценные?

– Одна, как будто рубиновая, – сказал Бер.

– Другая похожа на изумрудную, – сказал я.

– Ничего похожего, – Анна даже высунула язык. – Они обе настоящие. И более того, они не из синтетического материала. Это природные рубины и природные изумруды. И это еще не все.

– Не верю ни одному твоему слову, – сказал Бер. Он хотел подойти к звездам, но наткнулся на невидимую преграду. –

Что это?

– Это бронебойное стекло, – ответила Анна.

– Зачем?

– Ну, как зачем? Чтобы руками не трогали, я думаю.

– Вы, Анна, думаете, как профессор, – сказал Бер.

– Ну, так.

– Что, ну так? От инопланетян научилась?

– Да у меня у самой дед, как инопланетянин! От него все-
му научилась.

– Какой-то легендарный дед у тебя. Почти, как у меня, –
сказал я.

– У тебя кто? Ах да, вспомнила. Ты говорил, какой-то раз-
ведчик. А у меня...

– А у меня... а у меня? – Она задумалась на секунду, и до-
бавила: – К сожалению, я не могу сказать. И знаете почему?

– Почему? – спросил Бер. Он стоял напротив звезд и рас-
сматривал их, как замороженный. – Настоящие звезды, ты
говоришь? И более того. Что более того?

– Они сделаны тыщу лет назад, – сказала Анна. И добави-
ла: – Даже больше.

– Не может быть, – сказал Бер.

– Почему? – спросил я.

– Да раньше столько рубинов и изумрудов просто не су-
ществовало. Где люди могли их взять. Столько не добудешь
с допотопной техникой. – Бер постучал пальцем по брони-

рованному стеклу. Он посмотрел на Анну и спросил, почему она не может сказать, кто ее дед.

– Ну, как вы не понимаете, что это секрет? Его ищут эти журналисты, вселившиеся в инопланетян.

– Ты так говоришь, Анна, что можно подумать, они его кровники! – сказала я.

– В общем-то, нет. Но, может быть, когда-нибудь в прошлом так оно и было. Думаю, вы правы.

Далее, работа звезд по системе АСП.

Анд и Ап прибыли, но было уже поздно. Бер был тогда директором СС, Секретной Службы Безопасности и успел до их приезда вызвать отряд МК, Морских Котиков, который подчинился ему лично. Анда и Апа арестовали за покушение на убийство. Но никто не хотел верить, что они вселились в инопланетян. На прощанье эти ребята сказали Беру:

– Ты, чертов депутат, лишил нас пива и раков.

– Поэтому никто не поможет тебе разгадать шифр рубиновых и изумрудных звезд.

– Я уже знаю шифр, – ответил Бер. – Это Крест.

Они только рассмеялись. Правда, один из них вдруг сделал серьезной лицо и сказал:

– Ты прав.

Их увезли.

Далее: куда девается Анна? И кто разгадывает шифр Там-Тма? Где Транс?

Дед Анны, Транс, Тамминистр и Нанотехнолог – одно лицо

Бер на всякий случай удочерил Анну. Поставили ограждения вокруг всей деревни. Поставили наблюдательные вышки, ввели сначала роту, потом батальон профессиональных охранников. Но завести Там-Тама не удавалось. Никто не мог понять кода. Даже Анна. Хотя и хвалилась, что все может, все знает и сможет включить Там-Тама. Ничего. Тогда Анна сказала, что надо все-таки искать ее Транса, деда.

– Может быть, все-таки: твоего деда – Транса? – решил уточнить Бер. Он думал уже об этом, но пока у него не было никаких идей, где его искать.

Тут раздался телефонный звонок. Это был Андеграунд.

– Что? – Бер уже знал, что этих ребят выпустили. С помощью дорогого адвоката ребятам удалось доказать, что ни вокруг них, ни в них нет никаких чертовых инопланетян. Нет и все. Это же очевидно. Мы такие, как все. И такими были всегда. Верно? Конечно, верно. Теперь им нужны были деньги на того адвоката, который спас этих ребят от экспериментальных медицинских исследований. – Это во-первых.

– А во-вторых? – спросил Бер.

– Допустите нас до Там-Тама. Вам все равно его не завести.

– Может быть, вам продать его? – спросил Бер.

– Можно обсудить и этот вопрос. Мы найдем деньги.

У нас есть богатые люди. А пока что заплатите нам за адвоката.

– А если нет?

– А если нет, мы найдем способ пройти на базу Березовая Роща. Ведь так на самом деле называется ваша база Клейтон? – Андеграунд рассмеялся. – Однако, мы тогда сами заведем Там-Тама.

– Неужели они все-таки инопланетяне? – вслух сказал Бер. – Как можно так притворяться?

– Здесь другая система, – сказала Анна. Она только что вошла. – Им не надо притворяться.

– Все равно они нам не подходят. Если они не инопланетяне, то все равно не смогут включить Там-Там, но войдут в дело. А если они действительно инопланетяне, тогда они нас обманут и уйдут через Там-Там к другим звездам.

– Если бы они хотели уйти, – сказала Анна, – давно бы ушли. Здесь множество взаимоисключающих ситуаций. Так мы ничего не решим.

– А твой дед решит?

– Вы сказали.

– Я понятия не имею, где его искать, – сказал шеф службы безопасности. – Простите, мэм, но я не знаю.

– Ищите его. Знаете, что я думаю?

– Нет, я не инопланетянин и не экстрасенс, я не могу видеть сквозь пространство и время.

– Я думаю, его надо искать в тюрьме, – сказала Анна.

– Почему ты так думаешь?

– Эти ублюдки засадили его в тюрьму. Я просто в этом уверена. Когда найдете, назначьте его...

– Главным электриком?

– Нет, теперь это уже в прошлом.

– Главным инженером Там-Тама?

– Нет, нет, люди не поймут, это слишком просто. Назначьте его главным по нанотехнологиям.

– Нано, что?

– Ну, министром по очень тонким материям. Я уверена, он включит Там-Тама.

Действительно, Транс сидел в тюрьме по обвинению в растрате государственной собственности. Освободить Транса оказалось делом нелегким. Шеф жандармов... Простите, какой еще шеф жандармов? Я просто отвлекся. Тут передо мной Фрэнсис Уиме должен победить Гарри Вардона. Я уже это знаю, но все равно интересно. Еще раз прошу прощения. Итак, председатель всемирного конгресса кино, автор и главный режиссер фильма В Джазе Только Девушки сказал:

– Расхититель национального достояния должен и дальше сидеть в тюрьме. Сколько? Всю жизнь практически. Правильно я говорю? Вор должен сидеть в тюрьме!

– А если все воры? – спросил на теледебатах Бер.

– Если все? – переспросил слегка заикаясь, как поэт, режиссер. – Может быть, тогда...

Эта недоговорка решила дело. Деда Анны выпустили из тюрьмы на поруки Бера. Правда самому Беру на следующий уже день пришлось бежать из страны в Англию.

Хорошо, что к тому времени Криатор уже успел назначить Транса министром по Нано. Это было сделано еще передним числом. Бер и Криатор последний раз вместе мылись в бане. После очередной парки и пива с раками из Там-Тама он подписал указ о назначении еще неосвобожденного Транса министром Нано. Практически это означало, что Транс назначен министром Там-Тама. Как его здесь и называли в первый раз:

– Тамминистр.

Журналисты Анд и Ап быстро подхватили это летучее слово. Они хотели опять устроить покушение на него где-нибудь на загородном шоссе. Но получили прямое указание отвалить. Вдруг этот технолог действительно сможет найти закон симметрии далеких звезд и запустит этот звездолет.

Тогда еще думали, что это звездолет. Ходили слухи, что его сбили зенитчики в сорок третьем году. Думаю, это просто была дезинформация. Сначала говорили, что тарелка, или, что там на самом деле было, упала в пустыне Сахара в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. Потом, оказыва-

ется, это было не в пятьдесят третьем, а в сорок третьем году. И не в Сахаре, а на Курской дуге. Теперь: это было в сорок третьем, но здесь, под Москвой.

Транс потребовал модернизировать бункер. Здесь поставили самые новые компьютеры, новые кровати, книжные полки, туалеты, бар. Теперь не надо было ходить спать в общую комнату с двухъярусными кроватями. В ней расположился взвод гранатометчиков. В ней тоже установили барную стойку. Как сказал Нано:

– Чтобы было все, как у людей. Цивилизованно.

Ну, окей, окей.

Транс день и ночь крутил звезды, но не мог найти решения. Нет и всё! Два его Билл Гейтса не находили даже идеи космической симметрии. С ними вместе обедал командир спецназа из соседней комнаты. Он сказал, что для плодотворной работы необходимо поселить здесь несколько девушек. Но Транс отказался:

– Тогда у них совсем голова не будет работать.

Однажды Нано заметил, что у компьютера вертится уборщик помещения. Полгода назад он был студентом Гарварда. Потом у него толи кончились деньги, толи его отчислили за недобор баллов по разным курсам. Но еще говорили, что он был стипендиатом Бера. И тот из-за своих личных проблем забыл перечислить баксы в университет.

Но правильнее было бы сказать, что после побега Бера стали быстро ликвидировать его контакты, его ставленни-

ков. И его студентов. Парня Бера взял к себе Нано. Все-таки именно Борис нашел и освободил его из тюрьмы, где он шил наволочки. Надо было брать проверенных людей на эту работу. Даже уборщиком. Нано боялся киллеров Анда и Апа. Он был уверен, можно сказать, точно знал, что это злобные инопланетяне. И как минимум планируют нападение на Пентагон, где в лабораторных условиях содержатся два их собрата. А пока суть да дело, будут рады грохнуть его. Чего им собственно надо Нано толком понять не мог. Просто умственные расхождения? И он был прав.

Далее Эйно находит код по географическим ошибкам в Библии.

Код Эйно. Ксения Серова. Первые пятнадцать суток за обращение к себе на:

– Ты.

Эйно попросил Транса поставить между двух кресел журнальный столик из дорогого дерева, пепельницу из приличного хрусталя и повесить на стену доску, как в Гарварде, чтобы заносить туда пришедшие в голову мысли. Транс согласился и дал парню неделю. Тот курил теперь дорогие сигары на своей половине, ходил, как Эйнштейн на прогулки с кошкой и собакой и думал. Думал, курил сигары и писал на доске. Ге сидели за компьютерами на своей половине, и если вдруг взгляд их падал на Эйно, ребята только сочувственно

ухмылялись. Ведь Эйно работал только за эти сигары, кофе, чай и возможность расхаживать взад и вперед по большому пространству комнаты. А по вечерам в саду. Все. А они получали по десять тысяч баксов в месяц. У них был даже шанс перейти на оплату фунтами стерлингов.

Эйно нашел решение, написал его на Гарвардской доске и ушел в сад с собакой и котом. Ребята подошли поближе, успели прочитать сверху:

Звездный Крест

И тут они услышали тихое, но грозное рычание. Из-за камина вышла собака похожая на ту, с которой ушел Эйно, но только больше в два раза.

– Откуда она здесь? – спросил Билл Ге.

– Не знаю, – ответил второй. – Может быть, это та же собака. Только она выросла?

– Да нет! Мне кажется, это совсем другая порода.

– Какой-то странный пес.

Это был мощный тигровый дог. Такой умный. Дело в том, что Нано продлил пребывание уборщика Эйно еще на две недели. Ему казалось, что этот парень может решить проблему. По крайней мере, сдвинет ее с места. Он договорился обо всем с самим Криатором. Когда-то Нано учился вместе с великим Криатором в одном месте. В Оксфорде. Там было хорошо. Хотя к тому времени уже умерли и Резерфорд, и Уот-

сон, и Крик. Уже был придуман атом, уже открыли двойную спираль, уже готовы были вот-вот научиться считать время так, как его считают в Библии, уже были почти пересмотрены многие географические понятия. А как там было в пабах! Можно было привести с собой даже большую собаку. Идет дождь, здесь надоело, а другой паб рядом. Можно перебежать в него, не успев промокнуть. Всем, кто там учился, повезло в жизни. Одни стали министрами, другие президентами, некоторых, как Нано освободили из тюрьмы раньше времени.

Ксенни Серовой, например, которая училась там на первом курсе, когда Криатор уже праздновал выпускной бал, дали пятнадцать суток, когда она приехала на Родину в летние каникулы. Отсидела только пять. Освободили бы раньше, но бюрократическая система, которая тогда существовала, не позволила этому печальному известию раньше достичь ушей Криатора. Позорные пятнадцать суток этой прекрасной даме дали совсем не за систематический мат, а за всего один оборот русского языка. Многие области вводили тогда разные ограничения. Один мэр считал нужным запретить школьникам гулять после девяти вечера, другой запрещал пить пиво по утрам, кто-то вводил в школе штрафы за мат. В родном городе Серовой мэр, бывший филолог, придумал давать пятнадцать суток за то, что кто-то называл себя на ты. Потому что часто начали возникать непонятки. Например,

скажет Ксения:

– Ну, ты! – И человек может этого человека вызвать на дуэль. Мол, чё ты мне тыкаешь? Не запряг, как говорится еще! А оказывается, дама обращалась к себе. Ты идешь, Ты поешь. Ты гребешь. И все это, оказывается, говорится про саму себя. И что самое главное на трезвую голову. Абсолютно без наркоты. Сначала хотели давать пятнадцать суток за систематическое обращение к себе на ты. Потом за трехкратное. Но решили, что нет. Кто будет все это считать? Опять начнутся нападки на разрастание бюрократического аппарата. Решили просто:

– Давать пятнадцать суток за необоснованный временной переход. И во избежание разрастания тенденции. Далее мелким шрифтом сноски: чтобы кто-то не додумался, в конце концов, обращаться к себе на вы. Смягчающие обстоятельства: если человек находился в третьей стадии опьянения или покурил немного травки в подворотне.

В ночном клубе Цветок Криатора к Серовой подошли три дружинника. Одна из них девушка, скрывавшаяся под псевдонимом Сара Коннер, сказала, услышав рассказ Ксении о Лондоне, эти ее обороты, направленные к самой себе: идешь, поешь, гребешь, берешь:

– Ты, милая, в каком, мать твою классе учишься? – И не дав Ксении возможности достойно ответить, добавила: – Здесь так говорить нельзя. – И тут же махнула рукой

двум милиционерам.

Серова думала, что это идут арестовывать эту дуру с красной повязкой на левой руке, Сару Коннер. А взяли ее. От возмущения и из-за того, что теперь она уже не знала, как надо говорить, Ксения позволила отвезти себя в КПЗ. А там уже дело техники. Никто ничего спрашивает, только говорят: снимите носки, шнурки, пальто и шляпу и т. д.

А история с собакой такая.

Умершие друзья. Код Пушкина

Эйно решил съездить домой, когда узнал, что Нано дает ему еще две недели на разгадку тайны звезд.

Нано спросил:

– Зачем тебе ехать домой? Для этого, между прочим, нужен специальный пропуск. Мне пришлось бы доставать его неделю. Так что у тебя останется только одна неделя.

– Пусть будет так, – ответил парень.

Вчера Эйно приснился сон. Будто бы он пошел гулять на школьный двор. И странно: пошел без собаки. Одному-то туда, зачем идти? Непонятно. Но тогда он об этом не думал. Проходит мимо столба у забора, где похоронены его друзья. Тигровый дог и маленький белый котик. Правда, похоронен-то он был уже не маленьким, но тогда, когда Эйно покупал его, был такой маленький, беленький и так вцепился ему коготками в рубашку, что уж назад его никак нельзя бы-

ло отдать девочке, которая продавала его за пять рублей. Такой умный. Только Эйно подумает, что пора спать, как котик уж прыг в кроватку, и ждет. А утром сидит на телевизоре и ждет, когда Эйно пройдет мимо, чтобы сесть ему на шею и вместе идти в туалет. А как гулять, так идет рядом, как собачка. Не убегает и не отстает ни на шаг. Такой умный. Такой красивый. И умер. И другой умер. Умерли, ребятки. Жалко их было Эйно. Вспоминал часто он своих друзей. Хотя были у него уже другие. И собака, и кошка. Но вчера приснился ему сон, что на пасху может он забрать своих друзей. Живыми и здоровыми. И вот как раз на пасху он хотел съездить и взять своих ребят с собой. Может быть, сон сбудется. Ведь когда-то же он должен сбыться. Ну, если нет, то хотя бы надо проверить. Он верил запрещенной книге Толкование снов Зигмунда Фрейда, только никак понять не мог, что значит его сон. Он решил, что это значит то, что значит. На самом деле все так и будет. Он бежит с раскрытыми руками, а они бегут ему навстречу. Впереди трава высокая, они подпрыгивают, встают на задние лапы. Наверное, боятся, потерять его из виду. Один такой пушистый, пушистый и белый. А у другого уши высокие, высокие и острые. Самые высокие, наверное, в Москве. Бывало, пристанут к нему два черных терьера. Ну, как два Берии. А он идет и даже не поворачивается в их сторону. А они воют так, скулят от бессилия. Но один все равно плетется за ним. Тогда он, наконец, теряет терпение, поворачивается, подходит к этому Бе-

рие и просто набивает ему лапами морду. Даже не кусает. Тот уходит за машину, и продолжает с каким-то сожалением скулить. А его брат или сестра просто сидела на тротуаре и наблюдала. И еще был интересный случай. Это когда он только слегка покусал большую овчарку, которая увидела его ночью и бросилась бежать. Она просто поняла, что он вспомнил, как она пугала его, когда он был еще маленьким. Он такой сильный был, что его нельзя было даже привязывать. Одним движением он рвал любой ошейник. Знал все приемы рукопашного боя. Ему достаточно было взять человека за руку или за ногу и человек уже не трепыхался. Замирал, как парализованный. Чудо какое-то. Эйно все это проверил на себе. А сколько он курток и пальто изорвал в играх с ним! И не сосчитать.

Далее, они спрашивают Эйно, где будут жить. Ведь у него уже есть кошка и собака.

За сто пятьдесят рублей Эйно доехал до кладбища Домашних Животных. Это было рядом с вокзалом, можно было пройти пешком, но он был так возбужден, что его трясло.

Он дал водителю еще сто пятьдесят и попросил подождать на углу около газетного киоска.

– Сколько ждать? – спросил таксист.

– Максимум тридцать минут.

– Окей. Но потом я уеду.

Эйно шел и думал, что увидит пустой школьный двор. Звезды на небе и моральный закон в себе. Больше ничего. А если увидит марево у столба над могилой, тогда что делать? Как достать их из могилы? Он пролез в дыру и осмотрелся. Дальше идти было страшно. Ни-ко-го.

Эйно сделал несколько шагов и тут увидел своих ребят. Они тихонько вышли из-за дерева и молча смотрели на него. Эйно улыбнулся и сказал:

– Едем. – Они стояли, освещенные звездами и луной, как одинокие странники. – Это я. Ну, разве вы не узнаете меня?

Эйно обнял их, и все двинулись к выходу из парка.

– Куда мы идем? – спросил Ка.

Эйно даже не успел ответить, как Фа тоже спросил:

– Куда мы идем, Эйно. Ведь у тебя уже есть и собака, и кошка.

– Не беспокойтесь, ребята. Вы будете жить... – он задумался не секунду, потом весело сказал: – Вы будете жить в другой комнате.

Они сразу стали весело прыгать. Так что когда дошли до таксиста, тот даже не хотел всех сажать сначала.

– Еще сто пятьдесят, – сказал теоретик. Он думал, что мало предложил, но таксист согласился. Он, в общем-то, не понимал, почему нельзя сразу предложить двести или двести пятьдесят. Тогда бы таксист точно сразу согласился, и беспокоиться заранее не пришлось бы. Но эти Биллы Ге за неделю

научили его экономить.

– Это бизнес, – сказал. Один.

– Иначе ничего не получится, – сказал другой.

– Иначе ты никогда не накопишь столько, чтобы заняться благотворительностью.

– Пойми, это большой кайф помочь какому-нибудь непризнанному гению.

Эйно только сейчас понял, что имел в виду тот Билл Ге. Это они заплатили за его лишние две недели пребывания на базе Березовая Роща.

И вот теперь Ка не подпустил Биллов Гейтсов к Гарвардской доске, где было расположено звездное решение. Ка не пошел сегодня на прогулку. Он сторожил решение. Ведь на доске был прямой выход к звездам. Дорога в Там-Там. Дорога зашифрованная еще Пушкиным в Повестях Белкина и Дубровском.

– Р-р-р.

Но эти ребята все-таки успели прочитать:

– 1,3,5,2,4.

Это был код зеркала. Посвященный мог прочитать эту последовательность, как закон отражения. Два Билла Ге могли понять, что это и есть код симметричного перехода в Там-Там.

Здесь не сказано о газовой атаке.

Замечание на полях:

– Может показаться, что эти случаи не имеют отношения к Апокалипсису. Но эти события показывают, что в разные времена люди пытались и имели возможность выйти на Новую Землю, в Рай. Все было известно, как написано в Библии, намного раньше. Они показывают, что в соотношениях времен существует неопределенность, доказанная еще Максом Планком. Замечено, что не всегда можно сказать:

– А когда это было? – Ведь тогда это событие, о котором спрашивается, должно быть определено во времени к какому-то известному событию. Нельзя дать событию координаты, потому что сама система счета, современного счета, отличается от определения временных координат в Библии. И похоже дело не в том, что неизвестен шифр, код, который может определить, как Бомба Черчилля, то, что зашифровала Энигма. Думаю, время в Библии и время в современном его восприятии:

– Не соотносимы.

Н.В. Если только не вставить в голову... Кому-нибудь в голову Чип Апокалипсиса.

Глава седьмая

Где я? Со – Сяо и Ла – Ляо на Гражданской войне

– Ой! Где я? – спросил Со.

– А я?

– Здесь.

– Кажется, это наши, – сказал Ла. Со сразу пропел:

– Кхе-кхе. Я... Я комиссар полка. Еще раз: я комиссар пол-ка-а.

– Хорошо, что сразу понял, где мы, – сказал Ла. И добавил: – А то бы нас могли шлепнуть, пока мы бы тут думали. Кстати, я не знаю, кто я.

– Я тоже не знаю. Щас спросим.

Они стояли на крыше вагона. Кругом бегали люди, ржали лошади. Шла погрузка. Сяо присмотрелся к Ляо.

– Ты че? – спросил Ляо, – съесть меня хочешь?

– Не, ищу знаки различия.

– Ну, нашел?

– Нет. Думаю, это... – Сяо не успел закончить свою мысль.

В этом момент какой-то парень в шинели крикнул снизу:

– Мне сказали, что вы запретили обращаться к вам

по имени и званию.

– Я? – Сяо прижал ладонь к сердцу.

– Нет.

– Значит я, – сказал негромко Ляо. И добавил громко: –

А почему я запретил?

Парень внизу покачал головой. И сказал:

– Это что пароль у вас такой? Ладно. Мне сказали, в целях конспирации. Только белые уже близко. Пока я тут разбираюсь в ваших паролях, не успеете уйти.

– Что делать-то? – шепнул Ла, чтобы не услышал вестовой. – Я не знаю, кем я здесь работаю.

– Да ничего не надо делать, – сказал Со, – бери пакет и все.

– Кидай сюда пакет, вестовой! – крикнул Ляо.

– Я не простой вестовой! – ответил парень. – Надо расписаться. Спускайтесь, пожалуйста, сюда.

Ла пожал плечами и хотел спуститься вниз по обычной лестнице, с краю вагона.

– Не туда, – схватил его раз рукав Со, – здесь спуск прямо в вагон! – И шепнул: че-то мне не нравится этот вестовой.

Тем не менее, Ляо спустился вниз, потом вышел из вагона.

– Где подписаться? – спросил он.

– Вот здесь, – вестовой протянул какой-то журнал.

Ла хоть и обладал приличным умом, все-таки задумался: как расписываться. Ведь в военное время за неправиль-

ную роспись могут и шлепнуть. Сяо, видя, что Ляо задумался, не знает, как подписаться, тоже спустился. Он подошел и шепнул на ухо Ляо:

– Пиши Гайд. Он был командиром полка в Гражданскую.

– Да ты что?! – прошипел Ляо, – я же потом всю жизнь не отмоюсь.

– Ну, если у тебя есть, какие-то другие предложения, пиши их.

Ла тяжело вздохнул и расписался:

– Гайд. – Вестовой глянул и раскрыл рот. Маузер, который он уже наполовину вынул из деревяшки, застыл на полпути.

К сожалению, Со не понял: то ли вестовой хотел вынуть маузер, потому что увидел не ту фамилию, но может быть, именно поэтому он вытащил маузер не до конца. Тут думать некогда. Но такого же маузера, как у вестового, у себя не обнаружил. Наверное, остался в вагоне.

Вестовой опустил маузер обратно в деревяшку, почесал репу, ухмыльнулся, и вдруг быстрым движением, как Клинт Ист, выхватил оружие и два раза подряд выстрелил. Первый попал Ляо в голову, второй в руку. Этот парень не зря был обладателем трезубца и сети: от второго выстрела он успел закрыться рукой.

Вестовой побежал к своей лошади. Сяо вспомнил про свой легендарный меч хотел догнать этого киллера, но тот быстро сел на лошадь и ускакал.

– Во попали! – крикнул Со. Он поднял Ляо и заорал: – Доктора!

К ним уже бежали со всех сторон. И доктор, и охрана, и командиры взводов, батальонов и рот.

Ляо был жив. Все только ахали и удивлялись.

– Как это киллер мог промазать с метра или двух? – спрашивал всех вокруг доктор. – Понять не могу.

– А знаешь, док, почему ты не можешь понять таких простых вещей? – спросил Со, когда все ушли из вагона.

– Почему?

– Потому что это не твое дело! И знаешь, иди, мы здесь сами разберемся.

Док свалил, а Со взял баян, пробежался по клавишам и запел у кровати умирающего:

– Голова обвязана, кровь на рукаве. След кровавый стелется. По сырой траве. – Он еще раз повторил эти слова. Потом поставил баян и сказал:

– А слышь, ты, Щорс, не умирай, а? Я буду твоим личным поэтом и композитором. Он опять поднял аккордеон и опять спел: – Шел отряд по бережку, шел издалека. Шел под красным знаменем. – Он сделал проигрыш. – Командир полка. Э-э-эх, командир полка.

Потом Со снял ремень инструмента, взял со стола рюмку водки, выпил, крякнул и сказал:

– Во попали.

Мы сыны батрацкие, мы за новый мир. Щорс идет под знаменем. Красный командир.

– Ну, что ты тут распелся, как на похоронах? – Ляо поднялся и попросил поднести ему рюмку водки.

– Так ты еще не умер, друг?

– Весь я не умру, – ответил Ла. И добавил: – Щорс умер, но я-то ведь не Щорс.

Они еще выпили и Сяо сказал:

– Но они этого не знают.

– Что будем делать?

– Знаешь что, надо найти наших.

– Это каких еще наших? Мы работаем вдвоем.

– Ты прав. – Они опять выпили. – Знаешь, мне неохота, если в меня опять будут стрелять. Кто бы это мог быть?

– Кто тебя заказал? Давай, расследуем это дело. Но думаю, это были не наши.

– Ну какие еще наши, я не пойму?

– Я имею в виду тех, кто должен был преодолеть временной переход. Ты помнишь, как мы уходили?

Последняя ночь Апокалипсиса

Здесь сразу стоит пометка на полях. А именно: написано, что в романе используются две системы названия маленьких глав, два способа расшифровки содержания. Одна – это

система Пушкина Александра Сергеевича, примененная им в Путешествии в Арзрум, например:

– Переход через Саган-лу. Перестрелка. Лагерная жизнь. Язиды. Сражение с серасиром арзрумским. Взорванная сакля.

Другая система применяется Эрнестом Хемингуэем в романе Праздник, который всегда с тобой. Например:

– Мисс Стайн поучает.

Или:

– Приличное кафе на площади Сен-Мишель.

Далее с совсем маленькими буквами притаилось послесловие:

– Слово:

– Славно, – здесь не применяется. Как неуважительное по отношению к собеседнику, который вместо того, чтобы разговаривать, просто бросает, как Шелленберг, или какой-нибудь другой древний демон, сквозь зубы:

– Славное.

В цивилизованном обществе за такие слова штрафуют. Не сильно, потому что из-за штрафов началась Революция. Здесь самое большое дают за это... я точно не помню... но, кажется, пятнадцать суток.

И да: это N.V. написано маленькими буквами потому, что написано раньше времени.

Ксе зашла в комнату Адама и прямо с порога спросила,

долго ли еще будет продолжаться это – слово на букву б.

– Ты о чем? – спросил Адам, склонившись над бумагами.

– О том, что скоро некому будет спастись. Ты хоть понимаешь, что почти все погибли? Ты использовал меня! Ты наслаждался моим великолепным телом, а оказывается, все впустую. Ты просто настоящий Фонвизин, мать твою!

– Не надо так говорить. Ты знаешь, что у меня не было матери.

– Прости, я не хотела тебя так сильно обидеть. Тем не менее, мы погибаем.

– Сколько еще можно продержаться? – спросил Адам.

– Полчаса. Ну час, не больше. Кругом предатели. Не знаешь, кому верить. Ты помнишь Машу? Ну, которую ты буд-то бы называл моей подругой? Нет?

– Нет, помню, – он оторвался от пачки листов и внимательно посмотрел на Ксе. – Неужели она перешла на сторону саранчей? Никогда бы не подумал.

– Ты и сейчас, наверное, не веришь.

– Верю, но не до конца.

– Как это не до конца? Как тебя понимать, амиго?

– Возможно, ее завербовали.

– Меня бы не завербовали.

– Почти всех можно завербовать.

– Но не меня. И еще. Этот Пикассо говорит, что больше не может стрелять после ранения.

– А что с ним? – спросил Адам.

– В него попала саранча. Говорит, что не хочет, так как не может, воевать. Хочет быстрее перейти куда-нибудь туда, где он может писать картины, как Пабло Пикассо. Постоянно поет песню про портрет.

– Пусть не беспокоится. Здесь его не убьют. – И добавил: – И петь ему еще придется. Только другую песню.

– А какую? – поинтересовалась Ксе.

– Если я скажу, ты все равно не поймешь, что это за песня.

– Нет, скажи.

– Она бессмысленна без контекста.

– Ну хорошо, мне сейчас некогда насиловать тебя. Я должна командовать этой лавочкой. Скажи, что у тебя не получается? Может быть, я буду полезна? А потом я уйду.

– Понимаешь, мои уравнения не совсем подходят к этим воротам времени, – Адам показал рукой в сторону сцены, где был экран.

– Но в него входили, – сказала Ксе.

– Входили. Может быть. Но выйти, похоже, через это место не получится. Я по крайней мере, я не могу решить уравнение пятой степени для модульного пространства. А эллиптическое здесь не умещается.

– Может быть, ты что-то сам не понял? – спросила Ксе.

– Лучше уйдите, леди. Я – не понял. А кто тогда понял? – Адам встал и нервно зашагал по комнате.

– Ладно, ладно, – сказала Ксе, – я уйду. Еще только один

последний вопрос.

– Не надо.

– Это самый последний вопрос.

– Хорошо. Говорите.

– Этот... ну, не знаю точно, как его называть... Этот Птеродактиль...

– Какой еще Птеродактиль? – не понял Адам, потому что в голове у него было настолько много уравнений, что он не хотел больше вмещать ничего.

– Мне трудно произносить это слово. Можно я буду говорить: просто Теро?

– Хорошо, но не Теро, а Терр. Или Терра, – добавил Адам.

Ксе хотела задать логичный вопрос, но Адам только махнул рукой. А когда она ушла, сказал:

– Терра! – придумает же. И добавил: – Лучше уж Дак. Так теперь у них принято. Коротко и ясно. – Он повторил: – Дактерр. – И еще раз: – Редактерр. Реддактор. Редактор. По-моему, это логично. – И Адам опять углубился в уравнения. В одной руке он держал бутерброд с сыром, в другой – бутылку пива, а во рту перо из камыша. Как Ван Гог.

Всем тараканам выдали противогазы. Всем, кроме Монте, Дартаньяна и Льва Толстого. Они выступали на стороне саранчей, а там противогазов не выдавали. На них ведь газ не действовал.

Газовую атаку приказал начать Пи. Он понял, что против Домового – а так называлась армия тараканов – у него нет другого приема. Ад и Уп затащили бочки с кристаллами на гору, пробили в них отверстия и запустили вниз на полки Домового.

– Ветер в нашу сторону, – сказал Лев Толстой. – Они сбросили бочки с кристаллами Циклона.

– Надо уходить, – сказал Дартаньян.

– Я не пойму, где мы находимся, – сказала Монте. – Вроде стрелка компаса показывает на юг. Но это не юг, – добавила она.

– А что это? Север? – спросил Дартаньян.

– По-моему, да, – сказала Монте. – Я сейчас в отблеске увидела под буквой Ю, букву С.

– Вы правы, – сказал Джек Лондон.

– Вы кто? – спросила Монте.

– Я доброволец. Меня завербовали в дивизию Сарана Чи. Смотрите, я в таком же костюме, как и вы! – Он расстегнул куртку, и все увидели, что серебристая шкура саранчи, это только поверхность. Я мечтал перейти на сторону вавилонян, но теперь понял, что мне лучше остаться на стороне Сарана Чи. Я лучше помогу вам, как разведчик.

Он уже хотел уходить, когда Лев Толстой, недоуменно покачав головой, спросил:

– Я не понял, чем вы нам помогли?

– Вы не поняли? Я же сказал вам: это север.

– Действительно, вы это сказали, – ответил Лев Толстой. И добавил: – А я все равно ничего не понял. Вы сказали, а толку никакого.

– Подожди, подожди, Лев, – сказала Монте, – я кажется, поняла, в чем тут дело. Если это север, то перед нами не Университет, который мы должны взорвать, а Отель. Вы понимаете, это Отель! Нам надо пробиться только через двести метров саранчей.

– Да ерунда это, а не газ, – сказал Джек Лондон, – просто психическая атака. Газ выходит только при запуске. С шести до девяти.

– Утра или вечера? – спросил Дар.

– Естественно... впрочем, я не знаю, сколько это будет по местному времени. Если у вас есть противогазы, приберегите их до Конца Света. А он наступит очень скоро.

И словно в подтверждение его слов луна сорвалась неба, но остановилась и закачалась, как сорвавшийся в часах маятник. По полю пронесся гул паники.

– Пробивайтесь к Отелю. Там-Там находится там.

Сид врезался в самый центр саранчей. Правой лапой он убил одного, другого пробросил назад. Клыки оруженосцев пронзили его мозг. Сид хотел прорваться к Пили.

– Если я смогу оторвать ему обе головы, вы сможете про-

рваться по центру к Отелю. – И он приказал своим оруженосцам отрезать Пили пусть к отступлению.

– Если ты останешься один, саранчи окружают тебя и сожрут, – сказал Пикассо. – Я останусь с тобой.

– Ты ранен, – сказал Абель. – Я останусь с нашим Сидом.

– А ты, кто такой? – спросил Сид. – Я что-то тебя не помню.

– Я из службы контрразведки, – сказал Абель, – прибыл недавно.

– Ты можешь быть завербован, – сказал Сид. – Ведь правда, что все вновь прибывшие проходят через допрос Квента. А?

– Что скажешь? – Пикассо толкнул Абеля в бок.

– Скажешь про что?

– Правда ли, что Отель окружают головы мертвых негров, надетые на частокол? – спросил Сид.

– Нас окружают, – сказал Абель. – Зачем эти вопросы? Какой смысл объяснять, что все мы прибыли через коридор Отеля.

Далее Абель идет на перекрытие пути Пили, а Пикассо командует оруженосцами Сиды.

Отряд пошел в обход. И все-таки вел его контрразведчик Абель. Пикассо не давал саранчам зайти к Сиду с тыла. С ним было еще шесть кошек и шесть собак, личная охрана Ксе. А куда делась эта Ксе, никто не знал. Когда Пикассо

спросил об этом Сиде, тот ответил, что теперь... теперь его это почти не интересует.

– Пусть сторожит своего Адама. Я там ей больше не нужен.

Прорываясь к Пили, Сид заметил слева от себя Ада. Ему так хотелось оторвать ему голову, но Сид выдержал. Не поддался искушению. Сначала не поддался. Но этот гад начал исполнять издевательский танец, стал нарочно показывать Сиду неприличные жесты.

– Щас ты у меня дотанцуешься! – крикнул герой и взял левой. Ада не собирался бежать. Он начал орать, что сейчас устроит Сиду Бурю в Пустыне.

– Ты у меня будешь пыль глотать! – сказал Ади. И добавил: – Грязную пыль моих сапог.

– Что имеет в виду этот ублюдок? – подумал Сид. Он распорол Аду брюхо и замер почему-то в ожидании, когда вывалятся внутренности. Ну, надо, наконец, убедиться, что с этим идеологом идолопоклонства всё. Больше, так сказать, не будет ни воду мутить, ни пыль испускать. Но внутренности не вывалились. – Опять двадцать пять, опять у него, как будто нет кишок. Как такое может быть?

– Ты из чего сделан?!

– Оторви ему голову! – крикнул Пик.

– Я уже делал это, – сказал Сид. – Ты видишь, он опять здесь. Невероятно.

– Других вариантов нет. Рви!

Сид что-то раздумывал. Тогда Пикассо сам подбежал к Ади и сделал захват. Но толстошей Ад не поддавался. Можно сказать, он ничего и не делал, ведь Пикассо был безрукий или лучше сказать: безлапый. Ему-то самому часто казалось, что у него есть руки, хотя другие думали, что нет – на самом деле это лапы. Тем не менее, у Пикассо был шанс свернуть шею Аду. Но тот вдруг вышел из оцепенения и шаркнул будущего художника коггистой, как у нильского крокодила лапой. Ад вырвался и сказал:

– Ты покойник.

И всё. Оруженосцы Ада оттеснили телохранителей Сида и понесли на гору откачивать. А че, голова-то у него ведь была на месте. А значит, этот серебристый мерин, как Ад сам себя называл, мог опять появиться в гуще сражения. Можно сказать:

– Вот человека хлебом не корми, а дай выступить на парт-собрании. Или пресс-конференцию какую-нибудь провести.

– Он тебя царапнул, – сказал Сид. – Это плохо.

– Заживет, как на кошке, – сказал Пик, – так, ерунда.

– Ошибаешься, друг, – сказал Сид. – Это один из лейтенантов дивизии Сарана Чи. – Чем он царапает, никто не знает.

– Да царапали меня уже любые крокодилы, не только нильские, – сказал Пикассо и вынул индивидуальный пакет для перевязки.

– Да бесполезно, – сказал Сид. И добавил: – На вот возьми это. Вдруг поможет. Эти саранчи ведь хуже африканских варанов. Задел – считай – слово на п. Они этим живут. Он ведь не зря сказал, что ты покойник.

– Что, ничего не поможет?

– Они эту заразу несут с допотопных времен.

– Так что делать? Молиться?

– Помолись и примени лекарство из кожи.

Пик открыл небольшую кожаную бутылочку и сделал глоток. Он постоял в изумлении несколько секунд и выплюнул все назад.

– Пить не надо, – сказал Сид, поднимая брошенную кожу. – Приложи к ране. – И добавил: – Ладно, давай я тебе промою твою царापину. – И Сид выплеснул из кожи остатки живительной смеси. – Ты пролил мою жизнь, – сказал Сид. – Кот безрукий!

Сид был очень огорчен, потому что это была японская плесень, спасавшая его не раз в этих боях. Он носил ее в кожаном мешочке и прятал дальше гвоздики, помогавшей от холодного северного ветра.

– Больше нет, – сказал Сид.

– Прости, – сказал Пик. И добавил: – Поможет?

– Парацельсу помогла – поможет и тебе. И да, ты меня тоже прости: я просто забыл, что у тебя нет рук.

– Если бы у вас не было рук, я бы запомнил.

– Спасибо. Но лучше не пророчьте.

Сид сказал, что больше не будет отвлекаться на этого лейтенанта саранчей. И поскакал в том направлении, где должен быть Пи. Он-то думал, что глава его оруженосцев Пик тоже поскачет за ним. Нет, этот парень был свободным художником. Он только сегодня подписался контролировать арьергард Сиды. И к несчастью уже забыл об этом. А возможно дело было не в памяти, а в заразной царапине. Может быть, спасительная плесень еще не успела подействовать. Так, или иначе, но они разделились.

Сид рубил направо и налево, и не оглядывался назад. Он был уверен, что Пикассо прикрывает тыл. Он не знал точно, где его враг, но скоро увидел его.

– Пили! Я здесь! – заорал Сид мощным голосом. Он специально так сделал, чтобы испугать врага своим неожиданным появлением.

Сид был уверен, Пи тем более испугается, что путь к отступлению у него отрезан. Так это и было. Только Пили сразу понял, что отряд под руководством Абея прибыл, чтобы отрезать ему путь к Отелю. Тем более, что сам Абель и просигнализировал ему об этом. Никто не понял знаков Абея, хотя он и не пользовался шифром одного серийного убийцы, который использовал для шифра девятизначное число.

Чтобы не выдавать Абея, Пи приказал ждать Сиды. И при появлении окружить тройным кольцом. А прорвется, ликви-

дировать отряд Абея. И потом уходить вместе с этим шпионом к Отелю.

Но вышло не совсем так. Сид ушел с Абелем к Отелю. Оставалось всего пять минут до запуска Там-Тама. Произошло это следующим образом. Сид понял, что попал в капкан, когда увидел, что на его глазах ликвидируется весь остаток его личного отряда. Пи вывел резерв, и тройное кольцо вокруг Сиды удевятирилось. Это был конец. Тогда Сид посмотрел на часы и вычислил, осталось только двадцать девять минут до запуска Там-Тама. Он вспомнил, что за двадцать девять минут до запуска будет осуществляться связь с Землей. Но как? Сид бился из последних сил и пытался вспомнить, как связаться с Землей.

– Почему Пикассо пропал? – думал он.

А Пик с шестью котами пробился к медицинскому лагерю саранчей, чтобы добить, скрывшегося там Ада. Они начали резню, добивая саранчей, которых тут зашивали. Ад как раз вышел из палатки с полностью зашитой грудью и увидел Пика. У него было сильное желание броситься на Пикассо и разорвать его тут же, на месте. Но Ад боялся, что противник сможет отойти к своей базе. Там еще много собак, кошек и тараканов. Он решил заманить Пикассо подальше, вглубь своей обороны, к самому Отелю. И там уже растерзать весь маленький отряд. Ад начал уходить. Пикассо рванулся вперед, но остановился и посмотрел назад, туда, где должен был

сражаться Сид. Ведь надо было ему помочь. У него не было тыла. Он опять повернулся назад, увидел Ада, и не выдержал – помчался за ним. Эх, Пик, Пик! Ну, вернись же.

Далее, Сид вызывает помощь из кинозала университета. Джек Лондон тоже выходит на связь.

Весь отряд Пикассо был уничтожен. Сам Пик с тяжелым ранением упал под козырек Отеля. Квент сам вышел посмотреть на добравшегося до его Офиса Пикассо. Ад стоял сбоку. Он уже направил саранчу, чтобы добыть этого великолепного кота.

– Действительно, кот, – сказал он. И добавил: – Я думал, врут. Тем не менее, ты мог бы сыграть в моем новом фильме Секретный Агент.

– Секретного агента? – спросил задыхающийся Пик.

– Кого? – спросил Квент. – Нет, его кота, разумеется.

– Добить? – спросил Ади. И занес саранчу над головой.

– Да. Впрочем, нет. Внесите его в дом и подготовьте для вскрытия.

– Зачем? – не понял лейтенант Дивизии Сарана Чи.

– Как зачем? – Квент вроде бы задумался. – Я хочу посмотреть, что у него внутри. Ведь он вроде бы кот, а кажется, что похож на человека. Актер, однако.

Джек Лондон нашел на поле боя отряд Дартаньяна и попросил их помочь Сиду, который сражался из последних сил.

– Если мы пойдем туда, то все погибнем, – ответила вместо Дартаньяна Монте.

– Нет, – ответил доброволец. – Есть секрет, который нам поможет.

– Что это за секрет? – спросил Лев Толстой.

– Я пока не могу сказать.

– Это просто смешно, – сказала Монте. – Мы не можем биться в надежде неизвестно на что. Тем более, что вы в костюме саранчи.

– Вы тоже в таком же серебристом костюме.

– Ладно, – сказал Джек, немного подумав. И он рассказал им, что существует возможность попросить помощи у Земли.

– Как это?! – ошарашено посмотрел на Лондона Дартаньян. – Мы даже не знаем, где теперь Земля.

– Уверяю вас, такая возможность появится через семнадцать минут. И будет это время продолжаться двадцать девять минут.

– А потом что? – спросил Лев Толстой.

– Потом конец.

– Что значит конец? – спросила Монте. – Вы имеете в виду Апокалипсис?

– Именно, – ответил Джек Лондон.

– Неужели это произойдет сейчас?! – воскликнул Лев Толстой.

– Не сейчас, а почти через час.

– Невероятно. Кто еще знает, что Апокалипсис наступит через сорок семь минут? – спросил Дартаньян.

– Мне это неизвестно, – сказал Джек. – Думаю, здесь есть такие. Искать их надо среди первых людей.

– Людей? – переспросил Лев Толстой. И добавил: – Здесь нет людей.

– Я имел в виду бывших людей. Большинство из здешних жителей раньше были людьми, – сказал Лондон.

– Ну вы скажете! – воскликнула Монте. – Армия Домового, это, по-вашему, бывшие люди?

– А разве нет? – Лондон даже улыбнулся. – Я думал, что штрафбат из бывших зеков.

– Невероятно, невероятно! – воскликнула Монте.

Они поговорили еще немного. Джек Лондон объяснил, что код для связи должен быть или у Сида, или у Ксе. Где Ксе никто не знал. А за Сидом Джек Лондон и предлагал сейчас пойти.

– Код может быть и у Пикассо, – сказал Лондон. – Но говорят, он уже погиб. А его жена, или любовница, не знаю, как правильно, перешла на сторону саранчей. Сука.

Все промолчали.

Они начали пробиваться к Сиду. И им это удалось. Сами саранчи пропустили их. Это был приказ Пи. Он хотел всех захватить на подступах к Отелю. Никто из Дивизии Сарана

Чи не знал, что возможна связь с Землей за двадцать десять минут до Апокалипсиса. Пи думал, что к Университету никто больше прорываться не будет, поэтому и убрал с той стороны дополнительные силы, весь резерв. По его мнению, защищать теперь надо Отель.

Они освободили из окружения Сида. Почти без сопротивления группа пробилась к Университету, Сид вошел в зал и бодро крикнул:

– Сигару и пива с креветками! – Он был уверен, что еще не все пиво выпили, и не все еще сигары выкурили.

Они все надеялись, что выйти из Апокалипсиса можно и здесь. Особенно Монте настаивала:

– Мы здесь вошли. Почему теперь нам надо идти в другое место? Я не понимаю.

– Тихо, тихо. – Сид, как командующий фронтом маршал Жуков, поднял руку. Он так часто делал в бою, открывая ладонь в сторону противника. Это отбрасывало врагов на сто метров. Но их было там много в последнем бою, что сейчас Сид даже поморщился от боли, когда поворачивал ладонь. Так же поморщился в последнюю минуту Пикассо, когда у него кончилось ракетное топливо в подошвах ног. И он упал к подножию Отеля. Так же поморщилась Маша, когда ей пришлось залезть под телегу, и с ужасом смотреть на несколько длинных очередей. Все они выстроились в очередь к ее телу. Она поморщилась и перешла на сторону вра-

га. Не потому, что это легче, а потому, что таких очередей выдержать не может никто.

Каким образом могла быть осуществлена связь между Там-Тамом и Землей? Я имею в виду, обратная связь. Точнее, кто был оператором в Отеле, и в Университете? А были здесь два Билла Гейтса. Когда на Земле возник этот вопрос, Нано сразу предложил эти два почетных поста Биллам Ге. Эйно он хотел оставить себе. Все-таки этот уборщик открыл Закон Симметрии рубиновой и изумрудной звезд. А значит, от него можно ждать и в будущем необходимых открытий. Он так и сказал Криатору в бане:

– Он может пригодиться здесь.

– Неужели вы думаете, – спросил Криатор, – что нам еще понадобятся изобретатели? Зачем? Скоро и так конец света.

– Вы правы. Но он может затянуться. В Библии написано, что те девы, которые взяли с собой мало масла для светильников, не смогли сесть в корабль, уходящий в неведомые дали.

Биллы Ге согласились, но с одним условием. Они привыкли к хорошей еде.

– Поэтому нам надо два контейнера еды, – сказали они. И добавили: – И чтобы никто не мог ее сожрать без нас.

– Какую еду они хотят? – спросил Криатор, когда Нано доложил ему об условии Биллов Ге.

– Ну, во-первых, по две двухлитровых бутылки Кока-колы

на каждый день и Гамбургеры.

– И всё?! – Криатор был удивлен. – Такая непритязательность.

– Они считают наоборот, – ответил Нано. – Говорят, что итальянцев заставляют есть макароны, китайцев рис, русских картошку, а они, как дети заслужили есть только котлеты с мягким белым хлебом.

– Котлеты с хлебом? – переспросил Криатор. И добавил: – Это фастфуд!

– Совершенно верно, – ответил Нано. – Это фастфуд.

– И они считают его избранной едой?

– Да.

– Может быть, мне тоже начать есть рубленые бифштексы с горячим хлебом, а не ягнят. – И Криатор приказал принести ему в баню не жареных ягнят, а котлеты с хлебом. Буду, как дети. Мне больше не нужен гарнир. Я не хочу быть рабом, пришедшим с пашни. Буду, как господин. Я господин, не правда ли?

– Как Билл Ге, – подумал Нано, но промолчал.

Итак, Билл Ге нажатием кнопки мог вызвать сразу два Биг Мака, литр Кока-колы и упаковку льда. Он прилично съел, но много еще осталось. Поэтому Билл перед Концом Света решил заняться благотворительностью.

Он стал нажимать кнопку с интервалом в две минуты. Многие смогли наесться. Правда, много Биг Маков перехватывал Сид. Он сидел ближе всех к Биллу. И к тому же очень

был голоден после тяжелого боя. Но многие успели насытиться, прежде чем Билл связался с Землей.

– Связь есть, – сказал Билл, – говорите. – И добавил: – А хотите, я просто передам сигналы Сос. Нет?

– Передавайте. Нет... вы передаете?

– Нет.

– Почему?

– Просто говорите, а Эйно на той стороне все примет.

– Ага. Нет никакой возможности пробиться к Отелю. Если так будет продолжаться, мы не сможем отсюда уйти. Ну, чего еще? Мы просто погибнем. Все?

– Такие сообщения не пройдут, – ответил Билл.

– Что говорить? – Сид вздохнул и сделал глоток Кока-колы со льдом. – Вкусно.

– Говорите, что вам нужно и все.

– И все? Хорошо. – Сид задумался. – А где Ксе? Она привыкла думать за нас. Я уж не знаю, что и сказать. – Он взял еще один Биг Мак. Отломил половину для Монте, Дара и Льва Толстого.

– Давайте я скажу. Пришлите, пожалуйста, помощь. Пришлите какого-нибудь Геракла. А то мы не справляемся с полчищами саранчи.

– Связь прервалась, – сказал Билл. И добавил: – В следующий раз не говорите ничего лишнего. Просто просите, чтобы вам был дан переход здесь, а не в Отеле.

– Я говорил, что это возможно, – сказал Лев Толстой. – А мне не верили. Конечно, здесь можно уйти. Нам не надо больше идти в атаку. Просто займем здесь оборону и все.

Но Билл Гейтс ответил, что ответ может быть и отрицательным.

– А им жалко?

– Не в том дело, что жалко или нет. Просто может не быть такой возможности. И да: вам уже послали Геракла.

– Значит, всем приготовиться к атаке, – сказал Сид. И добавил: – Он появится здесь?

– Нет, на поле боя.

Через несколько минут выяснилось, что уйти можно только через Отель. Все были возмущены.

– Безобразие, – сказала Монте. – Так нельзя делать.

– Теперь все ясно, – сказал Лев Толстой, – мы останемся здесь.

– Как это? – Дар пожал плечами. – Здесь не останется никто.

– Мы останемся, – сказал мрачно Сид и выпустил несколько колец сигарного дыма. Почти как Лимонадный Джо. Потом добавил: – Навсегда. – Такой умный парень, такой умный.

Но этот парень уже через минуту взбесился и чуть не убил Билла Ге. Пришло сообщение, что Геракл уже прибыл и это

Джек Лондон. Он в это время стоял в обороне на ступенях университета. Его позвали.

Сид сказал:

– Ну ты, Геракл, давай проверим тебя на вшивость.

Но Билл Ге прервал его.

– Сейчас не время для разбирательств. Нужно всем пробиваться к Отелю. Здесь не будет перехода.

– Свинство, – сказал Лев Толстой, – так не делается.

– Действительно, – сказал Дар, – мы просили, они обещали здесь! Нет, извольте пробиваться. Я больше ничего делать не буду. Он тоже был расстроен, что не его выбрали Гераклом.

Гераклом называлось приспособление для боя. Нужно было залезть внутрь этого Троянского Коня. И тогда электроника увеличивала силу хоть человека, хоть собаки, хоть кошки и даже таракана в тридцать раз. Можно было включить кнопку максимального увеличения силы. Тогда это будет семьдесят раз. Правда ухудшается моторика. Мелкие детали Геракл тогда разбирает хуже. Он тогда с трудом попадает в одинокого всадника. Подавай ему, как Илье Муромцу, переулочек. Кстати, такой заказал себе Квент, когда увидел Геракла на поле боя.

Они сцепились на первом этаже Отеля за пять минут до Конца Света. Все, сражавшиеся на стороне Квента, уже были на крыше в салоне большого вертолета. Только Ма-

ша и Пи с одной головой поддерживали тыл Квента, который сам напросился быть Ильей Муромцем. Пи разил всех и справа, и слева. Он был очень зол, что этот тучный Квент занял присланный для него Муромец. Это было не так. Муромцем мог управлять только Квент. Но Пили со своим злобным характером этому не верил. Маша уже почти забыла, что когда-то она была на стороне своих сегодняшних противников. Но иногда какая-то искра вспыхивала в ее голове, и Маша оборонялась неуклюже.

Ее даже чуть не убил Дартаньян. Он загнал Машу за барную стойку на третьем этаже.

Далее Ге вызывает Маше помощь.

Билл Ге Отеля вызвал для Маши помощь. Теперь он мог просить все, что пожелает. И вызвал ей Троянского Коня по имени Крепкий Орешек. Маша вышла из-за стойки с поднятыми руками. Ее меч был закреплен на спине скотчем.

– Сдаюсь, – сказала она. И добавила: – Дартаньян, не правда ли, я похожа на мадам Бонасье?

– Вполне возможно. Я бы даже сказал очень. – Дар подошел поближе, чтобы рассмотреть получше эту прекрасную девушку. Она даже полу прикрыла глаза.

Дартаньян подошел уже совсем близко. Тогда Крепкий Орешек – Маша – легко достала из-за спины меч, и поразила Дара поперек груди. Уже лежал в морозильной камере Пикассо, теперь туда же можно было тащить мушкетера.

– Готов, – только и сказала Маша. Она начала спускаться вниз на помощь одноголовому Пи и Квенту, вертя, как пропеллер меч над головой.

Пи, кстати сказать, был перебинтован от правого плеча до пояса, так как одна голова у него была отрублена, и рана не заживала. Не заживала потому, что Пи никак не мог забыть свою вторую половину. Ведь это была Лолита, которую он полюбил. Точнее, не успел как следует полюбить, как ей отрубили голову. Пиши иногда рассказывал, что взял себе голову Лолиты, когда бы в разведке с Абелем.

– Иначе бы она умерла, – говорил он. Как эту прекрасную голову отрубили, он не рассказывал. Он скучал, и рана не заживала.

Сид и Абель бились с Упи. – Этому крокодилу тоже прислали помощь, – сказал Абель. И добавил: – Теперь нам конец.

– Ты уверен? Почему ты так решил? – спросил Сид.

– А вон видишь, саранчи тащат Троянского Коня. Это ему.

– Надо отбить, – сказал Сид. И добавил: – Этот танк нас раздавит.

Мы все равно не сможем управлять этим Трояном. Они все сделаны по отпечаткам пальцев.

– Тогда надо отрубить руки этому Упу.

– Тогда надо вырвать и глаза, – сказал Абель, – потому

что при идентификации использовалась и радужная оболочка глаз.

– Что тогда делать? – спросил Сид.

– Надо попросить и нам помощь.

– А что, им можно, а нам нельзя? Давай попросим.

Но их Билл ответил, что больше помощь не дают. Всё, говорят, время истекло. Больше помощь не посылается.

– Как в магазине, – возмутился Абель. И добавил: – Еще три минуты, а они уже закрылись. Передай, что в век современной электроники так делать нельзя.

Глава восьмая

Криатор решает вопрос о присуждении заслуженным и народным артистам званий Князь – Княгиня, Граф – Графиня. Возражения Мэрилин Монро и Максим Максимыча. Непонятно, собственно, чего они хотят. Наконец, выясняется, что народные артисты, став Графиней и Графом, не хотят сами лететь на Там-Там, а хотят, как Молчановский, посылать туда людей. Криатор дает им точку. Это деревня, где живет девочка Анна, и где, по слухам живут два инопланетянина. Оттуда возможен запуск на Там-Там. Эйно находит его. Далее, не совсем понятно:

– Толи Мери и Макс все-таки решили улететь на Там-Там, толи они были не в курсе, что Туда надо обязательно улететь, чтобы иметь свой бизнес по запуску людей на другие планеты и в другие временные континуумы.

На Земле тогда произошли существенные изменения. Максиму Максимовичу и Мэрилин Монро надоело заниматься шоу бизнесом в отдельно взятой стране, делать там одеколон для мужчин, духи для дам, сумочки, перчатки, ботинки. Будучи приглашенными на одну высокопоставленную дачу, они зажали там Криатора. Так и так, больше жить не можем без Там-Тама.

– Я не могу, – сказал Криатор. – Это епархия князя Мол-

чановского.

– К-к-к, – только и могла сказать Мерилин Монро.

– К-к-к, – только и смог вымолвить Максим Максимыч.

– Я вас понимаю, – сказал Криатор. И добавил: – И знаете почему? – Не дожидаясь ответа онемевших великих артистов и не совсем удачливых купцов, Криатор разъяснил свою позицию: – Только вчера было принято решение продавать звания и титулы. Ну вы сами понимаете, для казны это полезно. – Он сделал глоток лагерного пива и оторвал голову сочному раку. Их ловили здесь же, в бане. Ну и варили по мере надобности. Здесь надо заметить, что все интимные, то есть самые важные приемы Криатор проводил в бане. Даже здесь, на даче. Максим Максимович и Мери были естественно в купальниках. Но как теперь принято, на римский манер: голое тело плюс бело-розовая тога.

Криатор разъяснил, что он и сам пока что не имеет никакого титула. Ставки на титулы, естественно, очень высоки, а денег практически нет.

– Вы не поверите, всё уходит.

Замечание на полях рукописи:

– Про народных артистов, пока оставить в резерве. Через чур фантазмагорично. Этот фрагмент можно использовать, как сон. – И приписка:

– Хотя это не значит, что этого не было на самом деле. Просто ведь никто не поверит.

Он добавил, что принято решение, трудное решение, существенно снижать

– Да это же какая будет коррупция! – Мери даже упала на спину, удавившись головой о чуть смягченный ковром мраморный мол.

Максим Максимыч проделал тоже самое. Они даже не поняли, что только что сказал Криатор. Артисты! Какие тут могут быть артисты, когда обычных настоящих полковников ходят табуны?

– Будет невероятная коррупция, – быстро поднялся и быстро проговорил Макс.

– Я не могу себе даже представить, что теперь будет, – сказала Мерилин Монро. И добавила: – Уж лучше бы продавали за деньги.

– Тогда бы хоть деньги были, – сказал Макс.

– Не у всех великих артистов есть деньги, – сказал Криатор и оторвал голову еще одному сочному раку. У него кончилось пиво, и высокий рыжий парень поставил перед ним большую кружку холодного со стоячей пеной мюнхенского. Криатор практически с детства пил только немецкое пиво. Некоторые даже думали, что у Криатора есть тайные немецкие корни.

– Может быть, он даже случайно оставшийся когда-то давно в живых Романов? – спрашивали некоторые тайком. Все эти разговоры о бывших князьях и графах и привели, в кон-

це концов, к тому, что решили всех уровнять. И нынешних настоящих полковников и бывших будто бы графов и князей. Которых развелось, честно говоря, слишком много. Вопрос действительно назрел.

Но были и противники. Вечно недовольная команда Зю, орала во время принятия решения, что всё принадлежит народу.

– Какие, на – слово на букву х – еще князя и графы?! – прямо так и сказал Зю в прениях. – Отдайте награбленные сокровища народу.

Криатор был в бешенстве. Ему надоело слушать всю эту демагогию, как он сказал. Он крикнул:

– Да запишите, наконец, что мы это и есть народ! – Компьютер, самый компьютер, созданный одним из Биллов Гейтсов, когда тот был еще здесь на Земле, записал.

– Вот артист! – крикнул в отчаянии Зю, понимая, что ничего не добьется своими выпадами. Хотел просто напоследок позлить Криатора.

– Прошу записать и это, – медленно проговорил Криатор. И добавил: – Я этого Артиста просто так не оставлю.

Потом, когда надо было принимать окончательное решение на третьем уже чтении, и всем выдали распечатки Нового Закона, многих пришлось сразу же везти в реанимацию.

– Присваивать звания, именуемые ранее титулами, народным артистам. – Таковую распечатку выдал биллгейтсовский

компьютер. А уже ничего нельзя было сделать. Только добавить фразу о заслуженных людях. А это в логичном контексте могло звучать только, как заслуженный артист. Некоторые кричали:

– Коррупция! Коррупция! И еще раз Коррупция! – Но не принять слов Заслуженный Артист было никак нельзя. Ибо стало очевидно, что слова Народный на всех не хватит.

Господи, что тут началось! До двенадцати ночи можно было еще подать заявление в какой-нибудь театр, чтобы записаться в артисты. Может быть, удастся дать взятку, которую тут же стали называть княжеской или графской податью, и запишут, как народного или заслуженного. Другие стали спешно искать родственников среди артистов. Заказывали древа народной и заслуженной жизни. И это в пять вечера, то есть всего за шесть часов до вступления решения О Народных и Заслуженных Артистах» в силу.

Многие толком не понимали, о чем идет речь, и называли себя вечными стахановцами. Другие вечными жидами, третьи бомжами. Действительно, а чему тут удивляться, ведь это всё наш многострадальный, живущий надеждой народ. Многие лежали с приступами. Зю, например, отвезли в психоневрологическое отделение, потому что несмотря на большие связи, тайную разведку во многих ветвях власти, на деньги, собранные в течении нескольких часов с кор-

румпированных вассалов, получил к двенадцати часам только звание заслуженного артиста. И принял имя Собинов. Он вроде начал возмущаться, что не народный.

– Тогда не было званий. Хорошо, что еще дали такого, – сказала Даша Судакова, которая стояла за Зю в очереди за званием. Себе она добыла звание вечной стахановки. Которое, впрочем, ничего не давало, кроме орденов и медалей, разумеется. Своей подруге Глаше Рыбаковой она не достала ничего. Как ни просила.

– Времени, сказали, сегодня нет на всех мудаковых.

– Так и сказали?

– Представляешь, так и говорят. Ни стыда, и ни совести.

Еще один деятель анти-реакционного движения по прозвищу Же сел на неопределенное время в тюрьму, потому что загрыз в очереди за званием троих человек. Двенадцать ранил.

– Мы имеем право на бесплатную лицензию, – сказала Мэрилин Монро.

– Да нет никаких лицензий, – сказал Криатор.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросил Максим Максимович.

– С князем-то? Я вам говорил, что я сам не князь еще? —

И не дождавшись ответа, продолжил: – Если я возьму себе титул совсем без денег, заподозрят в коррупции.

– Мы могли бы заработать денег и себе и вам, – сказала Мери.

– Так сказать, всем по титулу, – поддержал подругу Макс.

– Есть одна мысль, – сказал Криатор. – Вы должны найти способ, как-то заинтересовать Молчановского.

– Мысль хорошая, – сказал Макс. И добавил: – Только как? Может быть...

– Что? Ты придумал, любимый, – сказала Мери. И добавила, обращаясь к Криатору: – Он всегда что-то придумывает. Такой умный, такой умный, – Мерилин погладила своего молодого мужа по головке, как котика с бантиком. Кстати, Макс всегда ходил в бабочке. Такой красивый парень.

– Может быть, мне поехать в Там-Там? Молчановский предлагал мне.

– Когда?! – удивилась Мерилин. – Мы ходили с тобой вместе, просили по-человечески, а этот князь, который тогда еще не был князем, категорически отказал нам. Отказал мне! И кто?! Молчановский! Я знаю, что он до сих пор злится на меня за то, что я отказала ему сорок лет назад.

– Сколько?! – спросил Криатор. И хотел добавить: – Столько не живут, дорогая. – Ну, такую обычную шутку. Но не стал. У него вдруг мелькнула мысль, что этот Максим Максимыч не в курсе, сколько на самом деле лет его жене.

– Да, но тогда мы ходили вместе, – сказал Максим Мак-

симыч и потупился.

– Ага, теперь понятно! – закричала Мерилин Монро. Потом заплакала: – Ты хотел убежать от меня. Хотел бросить меня, маленький ублюдок. Я задушю тебя своими руками. – Она рванула на груди тогу и бросилась в бассейн. Предварительно эта шикарная дама бросила ему в лицо: – Я утоплюсь. Ты свободен.

Криатор заказал всем шашлыков, чтобы как-то успокоить влюбленных. Он сказал, что отправить по каналу Молчановского уже никого нельзя.

– Это большая тайна, – он приложил палец к губам.

– А в чем тайна? – спросил сообразительный Макс. – Вы хотите, чтобы люди продолжали идти к Молчановскому? – Максим поправил очки, покрутил пальцем волосы у виска и продолжал с легкой улыбкой гения: – А вы их сами будете отправлять на урановые рудники. Я угадал?

Криатор поперхнулся мюнхенским пивом, чего с ним никогда не бывало, и сказал, прокашлявшись:

– Даже от вас, Максим, я не ожидал таких выводов. Хотя должен сказать, ума вам не занимать. Надеюсь, насчет урановых рудников вы пошутили?

– А куда вы их деваете?

– Куда я их деваю? – повторил Криатор. – Это, между прочим, хороший вопрос. – И добавил: – Вот этим вопросом я и хочу попросить вас заняться.

– Но мы хотели бы на другую планету, – сказала Мери. И добавила: – На какую-нибудь Пандору, может быть.

– Простите, – сказал Максим Максимыч, – моя жена... вы ее неправильно поняли. Она сказала: мы хотели бы отправлять туда, а сами мы лучше останемся здесь. Чисто бизнес, и никаких путешествий.

– Мой муж прав, у меня голова кружится на виражах.

– Именно такой совершенно безопасный бизнес я и хотел вам предложить, – сказал Криатор. – Эти люди, которых Молчановский продолжает отправлять в Там-Там, на самом деле находятся на необитаемом острове.

– И они не понимают, что их обманули? – спросила Мери.

– В бизнесе это обычное дело, – сказал ее муж. – Меня другое интересует: – Что с ними собирались делать дальше? Ну, если не будут отправлять на урановые рудники, то возникает логичный вопрос: куда тогда? – подробно прояснил свою мысль Макс.

– Вот до вашего прихода это было неизвестно, – сказал Криатор.

Криатор рассказал, что за несколько минут до их прихода ему позвонил Эйно, именно Эйно, а не Нано и сказал, что Мамочка Приехала. Это означало, что Эйно смог все-таки найти в бесконечном космосе какой-то канал, по которому можно отправлять живые материальные объекты. Криатор при личной встрече с Эйно договорился с компьютер-

щиком, чтобы тот лично доложил ему, если найдет такой канал. Считалось, что существование таких каналов – миф.

– Миф? а Там-Там?

– Там-Там не земной канал. Он Загнут сюда из другого мира.

– А теперь открыли земной?! – Мери даже подпрыгнула на мраморном канapé, покрытом зеленым ковриком.

– Мы будем первооткрывателями, – добавила Мери.

– Необходимо подписать документы, – сказал практичный Макс.

– Да, обязательно, – сказал Криатор. И добавил: – Не забудьте, я в доле.

– А как вас оформить? – спросил проницательный Макс.

– Действительно, – сказала Мери, – вы не можете светиться. Надо как-то вас зашифровать.

– Оформите меня, как вашего сына, – сказал Криатор. – Потом напишете мне дарственную на тридцать три процента акций. Вот и все.

– Гениально, – сказал Максим Максимович.

– Мы назовем его Ветром, – сказала Мери. И добавила: – У меня была такая мысль. Сама не знаю, почему.

– Тогда уж лучше Ветром богов, – сказал Максим Максимыч.

– Это сложно, – сказал Криатор. – Впрочем, для домаш-

него обихода я могу быть просто Ветром. Ну, а для всех, если это понадобится. Ветром богов. Конечно, одним словом было бы лучше. Но уж раз вы меня так называли, то пере называть не стоит. Одна девочка, которую называли Анной, захотела, чтобы ее называли Лизой. Но как мы ни пробовали называть ее даже Анна-Лиза – ничего не вышло. Так и осталась просто Анна. Пусть и я буду просто Ветер богов. Разумеется, если бизнес пойдет, и мне будет, что наследовать.

Далее рассказывается, что Мерилин Монро и Макс прибыли в Новый Принстон и поругались из-за каких-то пустяков. Она что-то сказала, он ответил:

– Не сегодня. – Она сказала:

– Это грубость. – Он взял сачок и пошел косить траву, в поисках мелких насекомых. Ну, чтобы потом рассмотреть их хорошенько под микроскопом. Кажется, они и поругались из-за этого. Мери любила бабочек. Она их сушила на булавках и рисовала. А этот парень Макс сказал ей, чтобы польстить:

– Ты как Винсент Ван Гог. – И добавил: – В психбольнице. Она естественно обиделась.

– При чем тут психбольница? Я не понимаю.

Он начал доказывать, что не имел ее в виду, а просто Ван Гог тогда находился в психбольнице.

– Ты считаешь, что он лежал в психушке, а по ночам ловил бабочек Мертвая голова в саду? Я правильно тебя поняла?

– Да. В общих чертах так и было.

– А ты в курсе, что там не летали по ночам Мертвые головы?

– Ну, кажется, это были Бражники.

– Бражники? – Мери подумала и продолжала: – Тогда почему ты сказал, что это были Мертвые головы? Признайся, ты хотел напугать меня?

– Нет, что ты! Просто так написано на картине Ван Гога: Мертвая голова.

– А ты знаешь, что написано на заборе?

– На заборе написано Корова.

– Корова? Прекрасно! Корова. Но, если ты прав, забор должен бы стать Коровой. А он не стал. – Мери высунулась в окно и закричала: Корова-а! – Забор, естественно остался стоять на месте. – Убедился?

– В чем? В том, что при крике: Корова! забор должен превратиться в Корову и идти к тебе?

– Так написано в Библии.

Бог говорит человеку:

– Скажи: Корова!

Тот:

– Корова-а!

– И Корова стала Коровой?

– Да. Так написано.

– Я вообще не понимаю, о чем мы говорим, – сказала Мэрилин Монро. И добавила: – Ты хочешь сказать, что Ван Гог не по ошибке назвал Бражника Мертвой головой и, таким образом, превратил Бражника в Мертвую голову? Я правильно тебя поняла? И это не писк комара, напившегося портвейна вместо чистой крови вместе с Пелевиным, не блевание козы, переделанной для доения детского молока, и это, в конце концов, не бред сивой кобылы?

– Да, – ответил Макс. – Это генетика. Дарвин сказал, что в истории существовало изменение видов.

– А Ван Гог – это изменение видов изобразил на своей картине.

– Я так думаю. Я имею право думать... – Но Мери на дала ему договорить. Со словами:

– Сам ты бык, – дама бросила в него чайник из сервиза, подаренного им на прощанье Криатором.

Эйно ничего этого не слышал. Он сидел, как обычно, за ноутбуком на втором этаже дома, где готовили ланч Макс и Мери. Он вскрикнул, как будто увидел самого Стивена Кинга. На экране мелькнул черный хвост кометы и время три четырнадцать. Он снял наушники и быстро спустился вниз.

– Через три минуты четырнадцать секунд можно кого-нибудь запустить, – быстро сказал он и налил себе стакан мангового сока, смешанного с красным перцем, необходимым

для выработки эндорфина – гормона счастья.

– Чему вы так радуетесь? – спросила Мери, появляясь из откуда-то в фиолетовом халате.

– Послушайте, – заторопился Эйно. – Есть шанс улететь отсюда. Честно. Через три минуты можно будет сделать запуск. – Он выпил весь стакан перечного сока и добавил: – Ну?

– Я одна, – сказала Мерилин Монро таким тоном, как будто хотела именно сегодня изменить своему мужу. Ну, с кем угодно практически.

Эйно было не до этого. Он прыгал и приседал около дамы, рассказывая об этой уникальной возможности.

– Почему эта возможность такая уникальная? – протяжно спросила Мери. – Вы ведь имеете свой канал.

– Иметь это принцип. Понимаете?

– Нет, конечно.

– Реальная возможность появилась впервые.

– В принципе?

– Да, это значит, такая возможность может больше не появиться никогда. Теперь понимаете. Это как Вифлеемская Звезда. Один раз была, и больше ее никто не видел.

– В принципе, я бы улетела, конечно, отсюда, – она помедлила и выглянула в окно. Никого не было. – Но... а куда лететь, вы знаете?

– Пока нет. Скорее всего, через три четырнадцать будет ответ. Но на размышление останется всего несколько секунд. Думаю, будет два варианта.

– Можно будет выбирать? – Мери спросила и опять посмотрела в окно.

– Конечно. Если эти варианты что-нибудь скажут вам. – Эйно сказал, что пора подниматься. Мери пошла с ним, но сказала, что точно еще не решила. Хотя:

– Я всегда была рискованной женщиной. Почему бы и не полететь. С другой стороны... с другой стороны мне как-то скучно. – Она хотела опять посмотреть в окно, не идет ли Макс, но она была уже на лестнице. Эйно шел сзади. Она оглянулась. Потом еще раз и сказала:

– Вы не хотите полететь со мной?

– Я бы с радостью. Но не могу. Кто-то должен заведовать этой лавочкой.

Они подошли к компьютеру. Мери встала за спиной Эйно.

– Не люблю, когда у меня стоят за спиной, – сказал Эйно. И добавил: – Впрочем, не в этом случае.

– Смотрите, там что-то появляется.

– Это... это варианты. Сейчас посмотрим, сколько у нас времени. Времени очень мало. Всего одна минута. А вариантов даже не три. Четыре варианта! Выбирай! – Мерилин прочитала:

– Пандора. Пандора это что? – спросила она.

– Так я обозначил наш выход в Апокалипсис. Ну, чтобы всем понятно было.

– Угу. А дальше, дальше что? Может быть, я смогу вы-
брать что-нибудь получше.

– Вы изучали когда-нибудь теорию выбора?

– Теорию выбора? Есть такая теория? – быстро спроси-
ла Мери. Она торопилась. Не хотелось упускать счастливый
случай.

– Вы волнуетесь? – спросил Эйно. – Спокойнее, спокой-
нее.

– Понимаете, мне на Земле не везло. Хочу, чтобы повезло
на Небе.

– Вам не везло на Земле? – удивился Эйно. – Я собрал
информацию о вас. Я не могу сказать, что вам не везло.

– Нет, в любви мне везло. Мужей у меня было человек
шесть-семь. Может больше. Песни петь умела так, что дру-
гие думали, будто это они поют. Как говорят, у меня запели
не только члены партии и правительства, но их подчинен-
ные. А ведь многие считают их очень злыми и тупыми. Ока-
залось – это не совсем так. Но в бизнесе мне не повезло. По-
стоянно кто-то меня разоряет. Вот к гадалке не ходи, куда
я влезу – считай, пролет обеспечен. Может не всем, но мне-
то точно. Вот потому я и говорю, что не хотелось бы влететь
в какой-нибудь мошеннический проект.

– Я могу вам дать только одну подсказку. Если вы хотите выбрать правильный путь, выберите тот, который ведет к смерти.

– К смерти? Вот так, значит. Вы советуете мне двинуться в Апокалипсис?

– По крайней мере, там есть какая-то надежда вернуться назад.

– Назад?

– Ну может быть не назад. Но вы можете Там встретиться с людьми.

– С людьми?

– По крайней мере, с кем-то похожим на них. А остальные три варианта – это не наша Галактика. Оттуда не возвращаются.

– Да, в другой Галактике я умру от тоски. Отправляйте меня в Там-Там. Там много нашего народу. Хотелось, конечно, самой отправлять людей в Космос.

– Не переживайте, так и будет. – Эйно помолчал. – Но не сразу. Надо было подготовить людей для отправки в Там-Там заранее.

– То есть как?! – воскликнула Мери. – Разве в этом все дело? У нас полно людей на необитаемом острове. Где они? Это и есть наши кадры.

– К сожалению, остров пропал.

– И люди?

– Естественно. И люди тоже пропали.

Мерилин приподняла вверх свои волосы, пропустила их сквозь пальцы и сказала, что это позор, когда людей так обманывают.

– Что естественно, то не позорно, – сказал Эйно. Где он только успел набраться этих слов. Эйно добавил, что есть информация, правда недостаточно проверенная, что этих людей перекупил какой-то сумасшедший, пообещав им бессмертие.

– На какой планете? – спросила Мерилин Монро.

– Нет, прямо здесь, на Земле.

– Можно только удивляться. Впрочем, я уже ничему здесь не удивляюсь. Вы помните указ О приставании к подчиненным?

– Нет, – Эйно смотрел на секундомер.

– А постановление: О нелояльности подчиненных к начальнику? Тоже нет? Я так и думала. Но как это понимать? Она обвиняет его в приставании, а он ее в нелояльности. Взаимоисключающие утверждения. Возможно ли это?

– Время, – прервал Эйно болтовню прекрасной дамы. Он добавил, что понимает ее болтовню, как размышление, как способ побороть страх, как желание хоть на минуту забыть о предстоящей неизвестности.

Мери оглянулась. Ей показалось, что по лестнице кто-то

поднимается. Но Эйно включил лифт. Он понял ее молчание, как согласие.

Макс, поднимавшийся по лестнице, вдруг остановился. Потом он повернулся и побежал назад. Что испугало героя? А испугался он очень. Так испугался, что даже бросил свой сачок прямо здесь, на лестнице.

Сначала Максим Максимыч подумал, что это змея. Такое это было страшное шипение. Потом Макс побежал еще быстрее. Он понял, что это не змея – это ядовитый газ Циклон. Он слышал, что запуск в Там-Там сопровождается выходом газа.

– Кого-то запустили, – подумал на бегу парень. Но, как говорит русская пословица, сколько ни бегай, а от газа не убежишь.

Газ достиг его. Макс зажмурился и упал.

– Эх, парень, – услышал он вскоре голос над собой, – вот это как раз результат поговорки: слышал звон, да не знаешь, где он. Точнее почувствовал газ, но не узнал, какой. – Очнись, ублюдок, – сказала Анна. Это была она, внучка Нано, главного бывшего электрика. Вместо слова Боязливый она по ошибке сказала Ублюдок. В ее сознании эти слова мало чем отличались. – Давай, давай, надень противогаз.

– Противогаз не поможет, – сказал Максим Максимыч. И добавил: – Где бомбоубежище? – От паники у него поехала крыша. Он же сказал просто: – У меня голова болит.

– Это, как говорит мой дед, просто психологическая атака. Идемте, не бойтесь. Это озон.

– Озон? Какой озон? Ах, озон! – И он послушно пошел за Анной к бункеру, который называли: Реабилитационная. Там пили чистый медицинский спирт, разбавленный гранатовым соком, ели апельсины и слушали песни Мери. Типа:

– Я не больна, я не больна тобой. А ты не болен мной. – На следующее утро синдром удушения проходил.

Глава девятая

Продолжение боя в Апокалипсисе. Прибытие Мэрилин Монро

Квент всегда мечтал быть рядовым Райаном. Или, по крайней мере, его режиссером. И вот мечта его сбылась. Прибыл Троян для Сида под названием Райан. Но этому огромному парню он был маловат. Это быстро стало известно Квенту, и он предложил Сиду обменяться. Это было сделано через Упи, который тут бился на левом фланге. Квент со своим Муромцем стал одолевать на площадке перед лестницей первого этажа.

– Ну как заколдованный, – сказал Геракл. Джек Лондон вышел из своего Геракла, попросил закурить, рюмку коньяку и стакан Кока-колы со льдом для рекламы. Иначе бы Билл Ге Кока колы просто не дал. Он вытер пот со лба. – Легче было писать про Клондайк.

Сид вошел в своего теперь Илюху, и довольный улыбнулся. Смеяться он не умел. А то бы заржал, как скакун, вырвавшийся на волю. Уп в ужасе стал пробиваться к Отелю. Он просил вестового передать Квенту, что сражаться с Ильей Муромцем он не в состоянии.

– Это какой-то Монстр.

Но Сид все-таки догнал Упа. Это было недалеко от Отеля. Он хрякнул его палицей. Хрякнул так, что повалилось тринадцать саранчей. Сид рассердился, что не попал и хрякнул еще раз. Предварительно он добавил мощность на все семьдесят баллов. Уп смог увернуться. И упали, как подкошенные еще тридцать саранчей. Никто не объяснил этому могучему парню, что точность удара уменьшается, когда добавляется мощность. Хотя если обладать логическим мышлением, или просто хотя чуть-чуть разбираться в физике, обвинять никого не надо было бы. А тут все, как обычно, этот парень стал обвинять других, что, мол, козлы не предупредили его о таком устройстве Ильи Муромца. Он начал крушить боевые порядки саранчей и оторвал голову Аду, который выбежал из Отеля на помощь этому боязливому ублюдку Упи.

Маша смогла ударить ворвавшегося Сид в пах, где у него находился слив конденсата. Гидравлика ослабла, и Муромец грохнулся на залитый черт знает чем, ковер Нового Хилтона. Конечно, это не Хилтон, но претензии на шик были. Были даже белые махровые полотенца в ваннных и душах. В отличие от Хилтона здесь больше воровали полотенца, чем халаты. Но запас их был большой, поэтому еще не кончились. Халаты воровать боялись. А куда в них ходить? Сразу засветишься.

Прибытие Мерилин Монро. Конец Света наступает рань-

ше, чем люди и звери успели перебить друг друга. Мэри, как и мечтала отправляет людей на Тот Свет. Только на какой? Это пока никому неизвестно. Едем мы, друзья, в дальние края.

– Больше тыщи красных роз, на прощанье ты принес! Больше сотни хризантем, ты занес мне, а затем. Два десятка орхидей заказал ты без затей. Орхидей, орхидей, орхидей! Действительно, я хочу орхидей. Но что-то здесь не так. Как же это было? Не помню. Честное слово, я не помню, как это было.

Она сидела в первом классе. Это было купе поезда. Возможно, Восточного Экспресса. Остатки прошлых миров уже едва доходили до ее взлохмаченной головы. Подошел проводник. Она спросила:

– Ты кто? Мой муж?

– Простите, мэм, я пока что только проводник.

– Хотите быть моим мужем?

– А без мужа вы не можете жить?

– Похоже, ты угадал, парень. Итак, какое ваше последнее слово?

– Простите, мадемуазель, мой друг хотел вам погадать сначала. Вы как, не против?

– Уверена, что нет. Ну, где он? Пусть заходит.

Вошел Со. А первый был Ла. И этот Ла был с трезубцем. Мери спросила:

– Вы негр?

– Положение обязывает, графиня.

– Итак, княгиня, вот три карты. Одна – это дальняя дорога. Вторая женитьба на негре с трезубцем. Третья...

– Я знаю, какая третья, – сказала Мерилин Монро.

– Дайте угадаю! Вы думаете, мы хотим продать вас в публичный дом. Я угадал? – спросил Со.

– Простите, рыцарь с фракийским мечом, но я думала о другом.

– О другом? Кстати, откуда вы знаете, что я действительно рыцарь с фракийским мечом?

– Что значит откуда? Знаю и все. Видимо, вы мне об этом сказали.

– Я?! Я не говорил.

– Может быть, ваш друг киликийский пират сказал это?

– Он не киликийский пират.

– Вы все путаете, леди, – сказал Ла. – Вы просто все забыли.

– А чтобы угадать нужную карту, надо... – Со не договорил, потому что госпожа Мери перебила его:

– Я знаю, я знаю это. Вы хотите сделать меня певицей! Я угадала?

– Действительно, мы продюсеры. У тебя еще голова работает, рабыня Изаура.

– Не слушайте его, – сказал Со. – Ты будешь Контролером.

– Извините, нет. Ни-за-что! Я помню, я хорошо помню, что я творческий человек. Контролер! Да вы сами контролеры! Скажу вам больше, такой карты не существует. Нет, такого издевательства над здравым смыслом я не могу себе представить.

– Хорошо, выбирайте тогда дальнюю дорогу.

– Нет. Давайте другое. Что там еще было? Муж? Я беру мужа.

– Благородная синьора, ни там, ни здесь мужа не было и нет, – сказал Со. Он перемешал карты и сказал: – Ваше последнее слово, товарищ Маузер!

– Подождите пару секунд, я сейчас вспомню, что там было третье. Что бы это могло быть? Что-то такое интересное. Очень, очень приятное. Какие-то японские хризантемы вроде бы. Нет? Хорошо, я не помню. Скажите тогда, какого они были цвета? Белого или черного? Я знаю, что люди всегда выбирают путь, который ближе к смерти. Я не буду исключением. Я выбираю белый!

– Вы ошиблись. Третья карта это чернок... это чернож... Попросту говоря, это негр. Он мог быть вам хорошим мужем, но вы выбрали белый. Согласитесь, всё было по-честному. Черного никак нельзя превратить в белого. Скажи, Ляо.

– Да. Могу только добавить, что и обратного сделать никак нельзя.

– Никак не пойму, вы шулера, что ли? Тогда к чему этот маскарад? Только я все равно не понимаю, почему контролер?

– Всё, – сказал Сяо, – ваша песенка спета. – И добавил: – Закругляшь.

– Подождите, подождите. Последний раз. Что еще было? Я опять всё забыла. Что со мной происходит? А дальняя дорога! Хочу дальнюю дорогу.

– Это ничего не изменит.

– Что, если даже я выберу негра, все равно буду контролером? Я не понимаю, как это связано.

– Увидите. – Только и сказал Ляо. А Сяо подтвердительно кивнул.

– Все равно, я хочу узнать, что мне достанется. Карты положите на стол.

Соло положил на стол три карты. Показал каждую. И начал двигать их по столу. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Она выбрала черную карту.

– Я предполагал, что так и будет, – сказал Ла.

– А я был уверен, что это она и есть.

Мери легла спать и проснулась от громкого стука в дверь.

– Бам, бам, бам, бам, бам!

– Что?! Полиция?

– Хватит придуриваться! – послышалось за дверью. – Мы погибаем, а вам и дела нет.

Далее, идет посадка на корабли, уходящие в неведомые дали.

– Подождите, я сейчас оденусь, – сказал Мери.

– Нет, вы подумайте только, она еще только хочет одеться!

– В таких случаях спать ложатся в одетом уже виде. Черт знает что!

– Бардак. Люди на войне не спят по четверо суток, а она еще раздевается. Слово на букву Б!

– Сука! Да когда же это кончится. Я сейчас умру.

– Никто не хочет помирать раньше времени. Мы зачем сюда прибыли? Мы должны жить, мы для этого и сражались здесь, как мушкетеры.

– Как львы.

– Как медведи.

– Ты куда лезешь, собака?!

– Я собака?!

– А кто же ты? Таракан, что ли? Ха-ха-ха-ха-ха.

– Какая Мурка здесь смеется над величественным Тараканом? – спросил кто-то.

Кто был Домовым?.

Мерилин умылась и посмотрела в зеркало. Потом опять умылась и еще раз посмотрела в зеркало.

– Что бы там ни было, я сделаю это и в третий раз, – сказала дама. Но когда и после третьего раза она увидела себя в зеркало, то упала в обморок. Она-то была белая Мерилин

Монро, а в зеркале черная. И как ее там звали, было неизвестно. Это был Там-Там.

Она как угорелая выбежала из своего номера. Она даже не поняла, что коридор, по которому она быстро шла, был образован живыми телами. Он привел ее прямо к высоким дверям.

– Что это? приемная НКВД? – не удержалась и спросила она. Но увидела очень удивленные лица. Тогда она поправи-лась: – На ЦРУ вроде не похоже, а? ФБР. Точно, это Эф-Би-Ай. Она хотела пропеть:

– Фбр-фбр-фбр, – но поняла, может быть, первый раз в жизни, что это неуместно.

– Предъявите ваши билеты, дамы и господа, – сказала она строго.

– А их нам продали? – спросил высокий плотный парень. Это был Сид. – Кажется, мы еще ничего не получали.

– Да, точно. Экскьюзми! – она достала из своего синего халата три пачки билетов и добавила: – По баксу, по пять и по три.

Что тут опять началось!

– Какие на – слово на х – баксы?! Подавайте нам бесплатные билеты. Куркули – слово на букву е! – Ужас. Ужас. Тихий ужас.

– Ты, чё, сука черножепая, – сказал Уп, – решила построить нам здесь капитализм в отдельно взятом Конце Света?!

– Я ей щас пасть порву, – сказал Пи страшным голосом председателя палаты. – Впрочем, – он пошарил в карманах, – у меня есть пять долларов. – Он виновато улыбнулся друзьям саранчам.

– Вот, сука, крохобор, – сказала Маша, – ты где взял деньги?

– Ты кто? – Пи прищурился на Машу. Но устроить разборки не успел. Подошел мен благородного вида.

Он учтиво сказал:

– Добрейшая Мона Лиза, можно мне один бесплатный билет в другую Вселенную. Это был Квент. Он мог сам выдать деньги, но хотел именно бесплатный билет. Ну, чтобы было по благу.

– У меня нет бесплатных билетов.

– Посмотрите в другом кармане. Нет? Пощупайте внутренний карман. Есть. Отлично. Благородная донна Мона Лиза. Покорнейше прошу один билет.

– Никакая я вам не Мона Лиза.

Квент поднял указательный палец и сказал:

– Верно. Просто это была проверка. Настоящего Контролера звать Кондо Лиза.

– А я думаю, что вы просто забыли мое имя. Поэтому прошу вас встать в очередь. К тому же бесплатных билетов очень мало.

– Я вам заплатил, – встрял опять Пи, – дайте мне мой би-

лет.

– Во-первых, вы мне ничего не платили, – сказала Кондолиза, – во-вторых, баксы я не принимаю. Сколько можно повторять одно и то же.

– Не понял! А что вы берете? – спросил Уп.

– Только рубли.

– Только рубли, – как эхо повторил Уп. Он схватился за голову. – А я их выбросил, – добавил он с гримасой ужаса на лице.

Но тут Квент всех успокоил.

– Сейчас будут выдавать деньги.

– Всем ли? Покойников прошу не подходить, – сказал он весело.

– Дайте мне, – сказал Лев Толстой. Он стоял тут ближе всех.

– Прошу вас. За сколько?

– А какие есть? – спросил Лев.

– Вы первый. Пока есть все. Один, пять, три.

– Дайте самый дорогой. За пять.

– Прошу вас семьдесят баксов.

– Какие еще баксы?! – возмутился Лев Толстой. – Скажи же: только рубли.

– У вас есть рубли? Отлично, тогда вам не надо ко мне. Идите прямо в кассу.

Как сказано, Конец Света начнется неожиданно. Все будут как обычно есть, пить, трахаться, биться на мечах – и вдруг все: три минуты, чтобы достать билеты.

Можно было подумать, что долларов ни у кого не окажется. Ведь давно все покупали на рубли. Оказалось, нет, оказалось, что народ не только невыносимо запаслив, но и омерзительно не доверчив.

Квент, как Нострадамус, обладал предвидением. Он заблаговременно запасся рублями. Криатор на прощанье сделал ему этот подарок. Он просто подменил в бане чемодан баксов, который припас Квент в поход, на такой же чемодан рублей. На прощанье Криатор сказал об этом Квенту, но тот до последнего времени не понимал, о чем тогда шла речь.

– Никогда не берите в дорогу доллары, – сказал тогда Криатор.

– Почему? – спросил Квент.

– Доллары завоевали весь мир, они и так везде есть. А вот рубли могут стать большим дефицитом. – Квент тогда подумал, что это просто неудачная шутка. А когда открыл чемодан в Там-Таме, понял: таможня не дала добро на его кровные баксы. Подменили – сл. на б – на рубли.

Оказалось, это был подарок Криатора. Спасибо.

– В очередь, в очередь! Сукины дети, – весело покрикивал Квент.

– Почему вы меняете по такому жуткому курсу? – спро-

сила одна девушка. Это была Монте, А Монте была, – хотя это еще никому не было известно, – женой Молчановского. Просто она сбежала от него – вот и все. Хотя существовало мнение, что все было подстроено Домиком. Он влюбился в жену Молчановского Ди, и так всё устроил, что она, в конце концов, оказалась здесь. На Там-Таме. – Нет, вы ответьте, это что, морские боны?

– Нет, это не боны, это просто рубли. Но, я думаю, это справедливый курс.

– Вы пользуетесь отсутствием конкуренции, – сказала Монте и отдала последние семьдесят долларов за пять рублей.

Получив билет, Монте вдруг остановилась. Она посмотрела на билет и задумалась.

– Скажите... Эй, послушайте, родственничек! Где здесь указано направление полета? Куда я еду? Вы можете объяснить мне, в конце концов?

– Какой я вам родственничек? Я не понимаю вашей фамильярности, – начал Квент. Он не узнал Ди, которую всегда мечтал трахнуть. Он начал, но, как всегда не кончил. Все начали орать. Они как будто опомнились. Думали, что всех отправляют в одно место. Уже некоторые группы начали, раскачиваясь петь свои песни. Одни:

– Я помню тот Ванинский порт, и гул пароходов угрюмый. Как шли мы по трапу на борт, в холодные мрачные трю-

мы. – Ну, в общем, эти люди думали, что их везут из тюрьмы на свободу, в Магадан. Или наоборот.

Другие обнялись и, раскачиваясь в стороны, пели:

– Я всю ночь не сплю, а в окна мои ломится ветер северный умеренный до сильного.

– Держись геолог, крепись геолог, ты солнцу и ветру брат.

– И снег, и ветер, и звезд ночной полет. Меня мое сердце в тревожную даль зовет.

– Все здесь замерло до утра. Если б знали вы, как мне дороги Подмосковные Вечера. Речка движется и не движется, вся из лунного серебра.

– Когда весна придет – не знаю. И здесь

на этом перекрестке с любовью встретился своей. Ту заводскую проходную, что в люди вывела меня. Горят марте-новские печи, и день, и ночь горят они. Пройдут дожди, сойдут снега. Но ты мне улица родная и в непогоду дорога.

Все поняли, что на билетах уже написано, куда этот парень или девушка летит. Оказалось, что написано кодом, цифрами и буквами. Похоже на логин и пароль. Ужас!

– А как это понимать? Скажите мне, пожалуйста, Кондолиза. Пожалуйста. Ну, пожалуйста.

– Да я сама не знаю. От – сл. на е слитно с От – вы от меня!

– Бардак, какой бардак! – воскликнул Джек Лондон.

– Все пошло прахом, – сказал Лев Толстой.

– Я не полечу с этими кошками и собаками, – сказал Уп, –

они меня загрызут.

- Да ты и так живешь один день лишний, – сказал Сид.
- Вы слышали?! Вы видели? – это настоящие гангстеры.

Какая-то девушка ворвалась в фойе из второго этажа с диким криком:

– Кто сказал, рабочим пива не давать?! Дайте им по кружке – пусть балдеют! – На ней был темно-вишневый сарафан, перекрещивающийся спереди и сзади, как пулеметные ленты. Кто-то даже крикнул:

- Анка-пулеметчица! – Другой сказал недоуменно:
- Кто бы это мог быть?

А Лев Толстой предположил, что это ожил Ад. Хотя, скорее всего, он в это время еще лежал в морозилке. Как и Пикассо.

Маша сказала, что у нее нет денег, и попросила дать ей займы. Никто как будто ее не слышал. Как это нет денег? Деньги должны быть всегда! А как же иначе? Вот надо, например, сейчас всего пять рублей на очень важное дело. А их нет. Квент между тем сделал важное заявление.

– У кого нет денег, тот все равно имеет право уехать отсюда. – Настала мертвая тишина.

– Ты забыл нам это сказать сразу? – спросил Лев Толстой. И с угрожающим видом повернулся к Президенту, как сам говорил про себя Квент.

- Он нехорошо поступил, – сказала Монте. – Гад. Насто-

ящий гад.

– Это ужасный поступок. Поступить так перед самым концом света! У меня в голове не укладывается, – сказал Джек Лондон.

– Надо ему вмазать, – сказал Сид.

– Я ему сейчас вмажу, – сказала Маша и, вынув меч, замахнулась на Квента. Резидент легко отбил ее удар. Маша хотела завалить быка, но вышло наоборот: Квент, как сильный и смелый матадор, проскользнул мимо рога разъяренного зверя.

– Подождите, подождите, вы еще успеете меня убить, – заторопился Квент. – Бесплатный проезд есть, да. Но это путевки в вэд, плохие места. Вы думаете, я их зажал? Нате, берите, ешьте! Там, куда вы попадете будет так плохо, что вы никогда оттуда не выберетесь. Так кто хочет бесплатную путевку в ад? Есть желающие? Нет? Отлично. Продолжаем посадку. Кондолиза Райз, примите билеты у господ.

Не успели все успокоиться, как опять раздался чей-то возмущенный голос.

– Почему нам внятно не сообщили, кто куда направляется? Прекратите, в конце концов, этот сознательный бардак!

Маше выдали путевку, где было написано, что она едет в Дальние Края.

– Что это такое? – спросила она. – Я никуда не поеду. –

Она помедлила, потом опять сказала: – Возьмите меня с собой. Ну, кто-нибудь.

– Никто вас не возьмет, – сказал Квент. Он добавил: – И знаете почему? Ни у кого здесь нет лишнего места. Все путевки на одно место. Откуда возьмутся лишние места.

– У меня, между прочим, путевка на два места, – сказал какой-то медведь. Это был Сид. – Но я, между прочим, предателей с собой не беру.

Тут Маша как будто что-то вспомнила. И сказала, что ей положены деньги за геройски погибшего мужа.

– Я слышала, что есть такое правило.

– Эх, милая, сколько у тебя еще мужей будет! И за всех тебе платить? – спросил Квент.

– Заплатите пока что за одного.

– Не могу.

– Почему?

– Хорошо, тогда дайте мне в долг. Я как-нибудь потом снимусь в вашем фильме.

– А что ты можешь, детка? – ухмыльнулся великий режиссер.

– Я могу сыграть Марлен Дитрих в кино про войну. Может быть, это будет В Окопах Сталинграда номер Два. Первый-то, говорят, ты уже снял, милый.

– Не надо меня обольщать. Я сам, кого хочешь обольщу. Не думаю, что ты мне понадобишься. Впрочем, ладно.

– Я согласна. Говори быстрее, что это. Я думаю, это В Джазе Только Девушки Два. Я права? Нет, ты скажи: я угадала?

– Нет.

– Нет? Тогда это роль жены Соломона. Больше я ничего не могла придумать.

– Какой из семисот? – спросил Сид. Он стоял тут рядом и курил, несмотря на запрет Кон Лизы Ра.

– Хорошо, какую роль вы мне решили предложить? Кавказской Пленницы Два? Не получится. Я ведь соглашусь на предложение местного наркобарона. Может быть, не с первого раза, но соглашусь. Не буду прыгать в Терек с высоты десятого этажа.

– Никто не будет спрашивать твоего согласия, – сказал Сид.

– Да? Почему это?

– Тебя просто купят за холодильник.

– За какой еще холодильник?

– Розен Лев, – сказал Сид и бросил сигарету Мальборо, докуренную до самого фильтра. Он добавил, что согласен, несмотря на подлое предательство, взять Машу с собой.

– Я предлагаю тебе роль Анки-пулеметчицы в фильме Чапаев Два, – сказал Квент.

– Я на тебе женюсь, – сказал Сид.

– А как же твоя Ксе? – спросила Маша.

– Она умерла, – ответил Сид.

– Может быть, она просто вам изменила?

– Для меня это еще хуже, – сказал Сид.

– Я предлагаю тебе роль Джульетты в фильме Кве Тара Ромео и Джульетта Один. Ты согласна?

– А вы, милый, будете Ромео. Я не ошибаюсь? Именно Ромео?

– Думаю, ты не разочаруешься.

– Я женюсь на тебе прямо сейчас. Попа! – крикнул Сид.

– Я согласна, – сказала Маша.

– Согласна с кем?! – хором крикнули Квент и Сид.

Тут с неба ударила молния. Ее никто не видел – значит гроза была еще далеко. Но гром услышали все.

И все забегали, как мыши на тонущем корабле. Испуг – и никакой другой мысли не осталось у них в голове. Не надо уже было собирать никаких тварей. Хоть по паре, хоть по одиночке. Все ломонулись в дверь. Какие уж тут билеты! Но Кондолиза была здесь не зря. Она уже успела проверить все билеты заранее, как хороший кондуктор в битком набитом троллейбусе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.